

Борис
Ширяев

ЛЮДИ
ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

А л е т е й я

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Борис Ширяев

**Люди земли Русской.
Статьи о русской истории**

«Алетейя»

УДК 82-4
ББК 84(2Рос=Рус)6+63.3(2)

Ширяев Б. Н.

Люди земли Русской. Статьи о русской истории /
Б. Н. Ширяев — «Алетейя», — (Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-906910-70-7

Один из самых видных писателей «второй волны» эмиграции Борис Николаевич Ширяев (Москва, 1889 – Сан-Ремо, 1959), автор знаменитого свидетельства о Соловецком лагере, книги «Неугасимая лампада», много и ярко писал на исторические темы. В настоящем издании впервые и максимально полно собраны его статьи по русской истории – от становления Древней Руси до послевоенной эпохи. Писатель ставил своей целью осветить наиболее важные моменты развития нации, защищая павшую Империю от критических нападок. Тексты, собранные из труднодоступной эмигрантской периодики, издаются впервые в России и сопровождаются научным комментарием.

УДК 82-4
ББК 84(2Рос=Рус)6+63.3(2)

ISBN 978-5-906910-70-7

© Ширяев Б. Н.
© Алетейя

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СТАТЬИ О РУССКОЙ ИСТОРИИ	11
Подвиг первомучеников за землю русскую	11
Венец и бармы Мономаха	14
Чудо Преподобного Сергия	17
Русская церковно-политическая традиция	27
Гибель Новгородской демократии	30
Зарождение Восточной программы	34
Вызволение хлопской Руси	39
Учреждение Русского Патриархата	68
«Профсоюзы» Московской Руси	71
Замолчанный историей	75
Отравление анекдотом	78
Богатырь русской мысли	81
Славянофилы и мы	84
Исторический рикошет	89
Царь и рабочие	92
Люди земли Русской	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Борис Ширяев
Люди земли Русской.
Статьи о русской истории

Составление и научная редакция *А.Г. Власенко и М.Г. Талалай*

В оформлении обложки использованы картины К. И. Горбатова «Невидимый град Китеж» (1913) и «Беяны» (1914)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того, чтобы лучше понять творчество Б. Н. Ширяева, его мировоззрение как человека, историка и писателя, нужно знать хотя бы основные вехи его яркой и насыщенной событиями биографии.

Борис Николаевич Ширяев родился в Москве 7 ноября 1889 года, а скончался в Сан-Ремо, Италия 17 апреля 1959-го. Он закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился в Геттингенском университете в Германии, после чего вернулся в Россию и поступил в Императорское военное училище. В Первую мировую войну сражался в чине штабс-ротмистра 17-го Гусарского Черниговского полка.

После революции, пробираясь на Дон в Добровольческую Армию, был арестован большевиками и приговорен к смертной казни, но бежал за несколько часов до расстрела. После поражения Белой Армии был интернирован в Персию. Однако в 1922 году его выдали Советам, как он говорил, «за десять туманов» (официальная денежная единица в Персии), и вскоре опять приговорили к смертной казни, но заменили приговор на 10 лет заключения в новом концентрационном лагере, созданном на месте древнего монастыря на Соловках. Здесь он работал на лесоповале и сбивании плотов, а также участвовал в лагерном театре и писал в журнале «Соловецкие острова».

В 1927 году из-за переполнения лагеря заключение было ему заменено на пять лет ссылки в Среднюю Азию, где он работал деревенским сторожем и корреспондентом советских газет. По возвращении в 1932 году в родную Москву, Ширяев был снова арестован и сослан на три года в Россось. В 1935–1942 годах Ширяев жил в Ставрополе и Черкесске, преподавал там русский язык и литературу.

После оккупации Ставрополя германскими и румынскими войсками в августе 1942 года, Борис Ширяев стал редактором антикоммунистической газеты «Ставропольское слово», позже переименованной в «Утро Кавказа», распространявшейся по всему северокавказскому региону. Когда началось отступление немецких войск, Ширяев, получивший чин капитана Русской Освободительной Армии генерала Власова, попал в ее пропагандную школу в Дабендорфе под Берлином, а затем издавал газету для казачьих отрядов, вошедших в состав германской армии из антикоммунистических побуждений. В феврале 1945 года, он был командирован в Италию, где расположился Казачий Стан белого атамана П. Н. Краснова. Там он работал в газете «На казачьем посту».

После окончания войны и плена, Ширяев остался в Италии, сначала – в лагере для перемещенных лиц («Ди-Пи»), добывая себе средства для существования различными трудами, в частности, торговлей книгами и куклами.

Помимо монархической деятельности, писатель принимал участие и в политических организациях ветеранов-антикоммунистов. Сперва в рядах власовского «Союза Андреевского Флага» генерала Глазенапа, а затем в «Суворовском Союзе» бывшего командира 1-й Русской Национальной Армии Хольмстон-Смысловского.

В 1955 году Ширяев переехал в США, где давал показания о Катынских расстрелах на комиссии Конгресса и нашел работу в известном книжном магазине Камкина. Однако хорошо устроиться ему не удалось. В письме редактору газеты «Наша страна» Дубровскому от 26 февраля 1956 года Ширяев сетовал: «Живу я морально довольно одиноко, материально скверновато». Эту свою неудачу он приписывал политическим мотивам:

С меньшевиками я, не в пример прочим, сразу занял резко отрицательную позицию, что и послужило причиной моего неустройства в дальнейшем в США. Будь я иной, имел бы сегодня “джаб” на 400–500

долл, в месяц. Это очевидно. Донкихотства мною было проявлено более, чем достаточно, я его считаю принципиальностью. Вообще с людьми я стараюсь быть честным.

Не прижившись, Ширяев вернулся в Италию, где оставался до своей кончины в 1959 году.

Такова краткая биография Бориса Ширяева. Что же касается его творчества, то, как писал в номере от 20 мая 1959 года редактор издававшегося в Нью-Йорке эмигрантского монархического журнала «Знамя России» Н. Н. Чухнов:

Будущие историки Зарубежья, литературные критики и библиографы оценят творчество незабвенного Ширяева и, вероятно, найдутся издатели, которые соберут из разрозненных комплектов всяких эмигрантских газет и журналов, включая и ротаторные, те алмазы, мимо которых мы, в толкучке нашей заграничной жизни, проходили, почти не замечая их. Во всяком случае, эти алмазы не обеспечивали покойному даже сносного существования. Ценить своих выдающихся людей мы никогда не научимся.

Ширяев печатался (как под своей фамилией, так и под псевдонимами А. Алымов, Н. Удовенко и Дрын) в целом ряде белоэмигрантских изданий, в том числе, кроме «Знамени России», в брюссельском журнале «Часовой», парижском «Возрождении», франкфуртском «Грани», калифорнийском «Жар-Птица» и в мюнхенской еженедельной газете «Голос народа», органе власовского Союза Борьбы за Освобождение Народов

России (СБОНР). Однако больше всего Ширяев сотрудничал в газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес), поскольку с ее издателем, Иваном Солоневичем, его связывала общность политического мировоззрения: Борис Николаевич был одним из руководителей основанного Солоневичем Народно-монархического движения. Свое кредо Ширяев выразил, например, в статье «Тропинки и путь» («Наша страна», № 108 от 9 февраля 1951):

Идея Российской Народной Монархии – не «экспортный товар». Она выношена всей жизнью многоплеменной российской нации, и я не представляю себе ни одного другого народа, способного воспринять и хотя бы частично реализовать ее. Для этого нужно иметь Дух Российской Нации: ее религию, ее историю, ее величие, ее падение, ее скорби, ее радости – ее трагически величавый путь во времени и пространстве. Доминанта Народной Монархии есть идея построения государства нового типа, чуждого в разной мере и сословной ступенчатости и партийно-парламентарной сословности. Она содержит в себе раскрепощение человеческой личности от кабалы сословных, экономических и партийно-политических групп.

Сие, впрочем, не означало, что Ширяев стал «народным монархистом» под влиянием Солоневича. Сам автор «Народной Монархии» признал это в статье «Совпадение идей»:

Когда я – в 1938–1947 гг. работал над своими книгами, у меня было ощущение «открытия Америки», которое в данном случае сводилось к попыткам поставить русскую историю «с головы на ноги»... Теперь выясняется, что ничего нового в этом взгляде нет: и Б. Башилов, и Б. Ширяев, и В. Рудинский пишут, собственно, то же, что писал и пишу я. Люди живут в Германии, Франции, Италии. Их, кроме Бориса Башилова, я никогда и в глаза не видал. И тем не менее, ход мыслей иногда совпадает до мельчайших деталей... Совпадение наших идей никак не случайное: эти идеи родились из одного и того же источника: из русской земли, насквозь пропитанной кровью.

Однако изо всех авторов «Нашей страны», и даже изо всех литераторов правой эмиграции, одному Ширяеву удалось выйти за рамки монархической аудитории. Его охотно печатали и демократы, и социалисты, и солидаристы: столь подкупающей была сила его таланта.

Солоневич называл Ширяева «самым выдающимся публицистом правой эмиграции» и 25 января 1952 года писал ему: «Я, как и прежде рад всякой Вашей строчке в газете – талантливой, компетентной, бьющей в цель. Очень рад, что издание Вашей книги Всеволод Константинович Дубровский, кажется, наладил – я тут совсем не причем».

Открыл Ширяева и издал его первые три книги редактор доселе выходящей в Буэнос-Айресе «Нашей страны» Всеволод Константинович Дубровский. Он влез в долги и за один месяц, начиная с 14 июля 1952 года, смог провести всю типографскую работу книги «Ди-Пи в Италии» (переиздана в России в 2007 г., изд. «Алетейя»). Причем пришлось самому каждый день работать в типографии, собственноручно делая корректуру и верстая страницы. Но игра стоила свеч – книга имела успех, тираж быстро разошелся, и на вырученные деньги Дубровский смог издать еще два сборника рассказов Ширяева из итальянской и советской жизни: «Я – человек русский» (1953) и «Светильники русской земли» (1953).

Благодаря Ширяеву, ставшему одним из первых заключенных и уцелевших на Соловках, в русскую литературу вошло описание жизни тамошних узников 1922–1927 годов, жизни, которая, несмотря на убийственные условия, определялась религиозным духом, исходящим из монастыря и монашества. В эту свою книгу «Неугасимая лампада» (1954) Ширяев включил уже опубликованные прежде произведения, изменив их названия. Например, «Горка Голгофа» (1953), рассказы о подвиге русских мучеников на Соловках, впоследствии, в 1981 году, канонизированных Русской Зарубежной Церковью, и «Уренский царь» (1950) о маленьком селе-государстве, оказавшем во время Гражданской войны сопротивление красным.

Немецкий литературовед Вольфганг Казак в своем «Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года» подчеркивает, что Ширяев – писатель-реалист, перерабатывающий в своей прозе то, что сам пережил или слышал. Действительно, все содержание его творчества тесно связано со странствованиями и мытарствами самого автора.

Наибольшей заслугой Ширяева, считает Казак, – является изображение Второй мировой войны с точки зрения русского патриота, который отвергает тоталитарную советскую систему и из соображений о пользе для своей нации готов сотрудничать с немцами. На самом же деле Ширяев, как и подавляющее большинство участников Русского Освободительного Движения 1941–1945 годов, стремились не сотрудничать с немцами, а *использовать* их для свержения советской власти. Они не сомневались, что после падения коммунизма, немцы не смогли бы долго продержаться в России.

Соратник Ширяева, многолетний сотрудник «Нашей страны» Владимир Рудинский (Даниил Федорович Петров) писал в очерке «С какой Германией были в Союзе?» («Наша страна», № 1733 от 8 октября 1983):

Руководящей же линией для всех российских антикоммунистов, работавших с немцами, являлось, безусловно, желание освободить Россию от большевиков (а потом и от немцев; если те, к концу войны, еще останутся на сцене в роли реальной силы), считая, – а разве это не верно? – что именно большевики и есть самое худшее, самое страшное для нашей отчизны (да и для всего человечества). Считать, что они ошибались? Но могли ли они рассуждать и поступать иначе? Стать на сторону союзников значило стать на сторону Сталина! А что получилось потом? Западные союзники отдали Советам Польшу (из-за которой начали войну!); балтийские государства (которым обещали защиту и покровительство); фактически, и Финляндию; центральную и восточную Европу; предали и

сражавшегося за них Михайловича, и поддерживавшего их югославского короля; уступили Албанию и едва-едва не подарили и Грецию (да вовремя одумались...). А там, потом, – Китай, Индокитай, Кубу, куски Африки...

Многие представители белого зарубежья и те, кто оказались на оккупированных территориях, не питая никаких иллюзий относительно «добротного Гитлера», но желая бороться с советским режимом и со Сталиным, которого они считали дьяволом, терзавшим их Родину, хотели с ним воевать и взяли оружие, откуда смогли. Очень многие из них заплатились жизнью за свое решение, практически все – свободой, выбором места жительства и трудоустройства. Но большинство этих людей, представители, как первой, так и второй волны русской эмиграции, были нравственными людьми и не искали своей выгоды. Для одних это было продолжение войны, начавшейся в 1917 году, другие впервые присоединились к этой борьбе. Они знали, на что шли, и готовы были оказаться не понятыми современниками, но интересы страдающего народа и государства российского ставили выше своей судьбы, до последнего вздоха считали себя патриотами России, не признавая, однако, советскую власть, не роптали о своей участи и не просили милости. Читая произведения Ширяева и его единомышленников, можно получить «из первых рук» уникальную информацию об этих людях и их непростых судьбах.

Роман «Кудеяров дуб» (1957–1958), в котором эта тема разбирается, представляет собой произведение, существенным образом отличающееся, например, от романа А. Фадеева «Молодая Гвардия», где рассказывается о событиях, очевидцем которых этот советский писатель не был, но подделывал их, подлаживаясь к партийной линии. Действие повести «Овечья лужа» (1952) происходит примерно в том же отрезке времени. Там описана, в частности, судьба одного преследуемого русского священника. Для Л. Ржевского это произведение является «по своим литературным достоинствам, равно как и по остроте и непререкаемой важности взятой темы, несомненной вершиной творчества этого автора... “Овечья лужа”, конечно, заслуживает отдельного издания и перевода на другие языки».

И «Кудеяров дуб», и «Овечья лужа», являются частью большой эпопеи, состоящей из пяти повестей и практически не имеющей аналогов в литературе русского зарубежья по широте охвата времени и событий. Начинается она с описания жизни обитателей небольших городков в Тульской области (откуда взято и название эпопеи – по имени местной реки – «Птань») дореволюционного периода. Их судьбы отслеживаются на протяжении нескольких десятилетий вплоть до конца Второй мировой войны (последняя повесть, «Хорунжий Вакуленко», осталась незавершенной).

«Птань», а также рассказы о жизни в подсоветской России (из сборника «Я – человек русский», впервые изданного в 1953 году издательством «Наша страна», а также из публикаций в малодоступной в настоящее время прессе русской эмиграции) были недавно переизданы в России петербургским издательством «Полиграф» и теперь доступны отечественному читателю.

Филолог и историк по образованию, приобретший большой преподавательский и журналистский опыт в школах и педагогических институтах в Ставрополе и Черкесске, и газетах и журналах в Средней Азии, а во время войны в Казачьем стане в Италии, Ширяев выработал удивительно цельный и самостоятельный взгляд на русскую литературу, как дореволюционную, так и эмигрантскую и подсоветскую. Свое мировоззрение он представил в уникальном пособии для итальянских университетов «Панорама современной русской литературы» («Panorama della letteratura russa contemporanea», Милан-Венеция, изд. Франческо Монтуоро, 1946), а также в многочисленных публикациях в эмигрантской периодике. Эти статьи о русской литературе Андрей Власенко и Михаил Талалай собрали в книге, названной, по одной из статей, «Бриллианты и булыжники» (изд-во «Алетейя», 2016).

Очередной сборник, также созданный трудами А. Власенко и М. Талалай, открывает читателю новую грань творчества Ширяева. В нем автор предстает в качестве публициста-историка, посвящавшего свои многочисленные и яркие публикации роли монархии в истории России, русской интеллигенции, и яростно боровшегося с искажениями всего положительного, что было сделано на протяжении веков монархического правления в России, так называемой «прогрессивной» демократической прессой, как в дореволюционной России, так и, позднее, в русском зарубежье. Большую ценность представляют отзывы и рецензии Ширяева на публикации историков-эмигрантов и, в первую очередь, – соратников по Народно-монархическому движению, которых Ширяев особенно ценил и труды которых мечтал увидеть доступными отечественному читателю.

Уже вышло в России многое из наследия И. Л. Солоневича, некоторые произведения («История русского масонства» и сборник статей «Русская мощь») Бориса Башилова.

Сейчас переиздаются труды самого Ширяева. Даст Бог, дойдет очередь и до других его соратников и единомышленников.

*Николай Казанцев,
редактор газеты «Наша страна»,
февраль 2017 г., Буэнос-Айрес*

СТАТЬИ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Подвиг первомучеников за землю русскую (940 лет со дня кончины свв. князей Бориса и Глеба)

«Невская победа (1240 г.) была одержана непосредственно помощью свыше», – пишет С. М. Соловьев и приводит далее свидетельство современника, ее летописца:

Был старшина в Земле Ижорской именем Пелгусий, которому было поручено сторожить неприятеля на море; Пелгусий был крещен и носил христианское имя Филиппа, хотя род его находился еще в язычестве; он жил богоугодно и сподобился видения: однажды, пробыв всю ночь без сна, при восходе солнечном услышал сильный шум на море и увидел, что гребет к берегу насад (боевой корабль), а посреди насада стоят святые мученики Борис и Глеб в пурпурных одеждах; гребцы сидят, как будто мглюю одеты, и слышит он, что Борис говорит Глебу:

– Брат Глеб, вели грести, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу.

Пелгусий рассказал о видении накануне битвы Александру Невскому; оно стало известно всему русскому войску и помощь первомучеников за Землю Русскую, как называет святых Бориса и Глеба летописец, выразилась в необычайной силе удара русских дружин па шведское войско и ряде совершенных русскими воинами замечательных подвигов, вплоть до атаки вражеских боевых кораблей русскими конными воинами, скакавшими на них по сходам, не спешиваясь.

Сообщение скупого на слова и строгого к передаче точности факта летописца при углубленном его анализе повествует нам и еще о многом. Ведь Пелгусий не был русским, но принадлежал к какому-то финскому племени, жил в среде язычников, на окраине Руси, оказавшей наиболее сильное сопротивление утверждению в ней христианства. Тем не менее, он *стерег Русскую Землю, служил русской государственности*, которую уже воспринял, и то, что он понял видение, узнал плывших по туманному морю *первых русских святых*, указывает на то, что он знал о них и до того, что их имена и лучи совершенного ими подвига достигали тогда даже этой отдаленной, глухой, населенной нерусскими племенами окраины Русской Земли.

Борис и Глеб Владимировичи были первыми святыми, просиявшими в Земле Русской и приобщенными Церковью к сонму святых, вопреки желанию возглавлявшего Киевскую митрополию, поставленного греками иерарха, но по требованию народа и главы молодого государства – князя Ярослава Владимировича Мудрого. Византиец не мог допустить мысли, что в среде «варваров», каковыми почитали русских чванливые греки, всего лишь через 27 лет по принятии ими христианства, могут возникнуть и быть возвеличенными Господом святые. Принужденный все же санкционировать открытие мощей, иерарх «устрашен бысть» свершившимися на его глазах чудесами, как свидетельствует тот же летописец, видевший воочию огромное стечение паломников к ним со всех концов Русской земли. Следовательно, весть о совершенном первомучениками подвиге с необычайной быстротой разнеслась по всей Русской Земле и произвела глубокое впечатление на все слои ее населения.

В чем же состоял этот подвиг, в чем был его смысл, какова была его направленность, как скажем мы теперь? Попытаемся ответить на этот вопрос, восстановив в своей памяти современную ему политическую обстановку Древней Руси. Борис и Глеб были младшими из числа двенадцати сыновей св. Владимира Равноапостольного, но, тем не менее, они были

единственными *законными* его сыновьями с точки зрения христианской Церкви и морали, т. к. все другие были рождены от невенчаных с ним в церкви жен. Кроме того, они были единственными же царственной крови по матери, т. к. предыдущие жены Владимира не принадлежали к владетельным фамилиям, да и сам он был рожден от несвободной Милуши, что, безусловно, компрометировало его в глазах современного ему общества. Ответ Рогнеды при отказе на брак с ним ясно подтверждает это:

– Не буду я разувать сына рабыни, – сказала гордая дочь владевшего Полоцком Конунга Рогвольда.

Кроме того, Борис был самым любимым сыном Владимира, получившим прекрасное по тому времени образование и любимым киевлянами. Владимир явно прочил его в наследники Великокняжеского престола, вопреки традиции, господствовавшей тогда, передачи его старшему в роде, вопреки тогдашнему представлению о легитимизме.

В момент скоропостижной, произошедшей при таинственных обстоятельствах, смерти Владимира¹, Бориса не было в Киеве – он начальствовал «большою» дружиной в походе против печенегов. Следовательно, в Киеве в распоряжении Святополка оставалась лишь «малая» дружина и киевское ополчение, которое ему не симпатизировало. Владимир, умирая, не назначил себе наследника, или его назначение было скрыто, но реальная военная сила, поддержка ее населением Киева, следовательно, все шансы на занятие Великокняжеского престола были полностью на стороне Бориса, о чем и заявила ему дружина, при получении известия о заговоре Святополка. Тем не менее, Борис отказался идти против него и отпустил свою дружину, оставшись лишь с горстью личных его слуг.

– Не подниму руки на брата моего *старшего*, – мотивировал он этот свой отказ, утверждая тем самым свое жертвенное служение принципу легитимизма, на котором в дальнейшем была построена вся русская историческая государственность. В жертву этому принципу он принес свою жизнь, и не слабость, но сила духа побудила его к отказу от борьбы за престол.

Были и другие причины этого отказа. Своею жертвенною смертью, неизбежность которой св. князь Борис вполне сознавал, он устранял возможность усобицы (гражданской войны), вредоносность которой для государства и нации он видел уже на примере своего отца и его братьев. Это он также высказал в своей прощальной с дружиной речи:

– Что обрели отца моего брата и отец мой? – говорит он об их распрях. – Где слава их и богатство, серебро, золото, роскошные пиры, быстрые кони и бесчисленные дани?

Новое, усвоенное уже первым рожденным в христианстве поколением русской интеллигенции, мировоззрение сочетает в себе христианскую мораль с политическим мышлением. Жертвенный подвижник св. князь Борис является первым провозвестником этого, а его племянник, Владимир Мономах, разовьет его мысли и изложит их в стройной системе в своем «Завещании» – морально-политическом трактате, рассматривающем властителя, как слугу государства и нации.

Эти концепции русской политической мысли того времени ни в какой мере нельзя считать заимствованными из Византии, как это, к сожалению, утверждают многие наши историки. Принцип легитимизма полностью отсутствовал в Византийской монархии, где почти каждый из базилисов на пути к престолу шагал через трупы своих предшественников или

---

¹ Ширяев в конце жизни вновь обратился к фигуре св. Владимира, представив о нем доклад на одной религиозно-общественной конференции в 1956 г. К сожалению, авторский текст не сохранился, но осталась сокращенная его стенограмма, которая начинается так: «Народная память хранит черты своего равноапостольного князя: благообразный, щедрый, хлебосольный, добрый, справедливый – князь “Красное Солнышко”. Скандинавские саги рисуют нам нашего князя, как викинга. В результате семейных междоусобиц Владимир бежал в Скандинавию к дальним родственникам – Рюриковичам. Здесь и выработался его привлекательный образ смелого и честного викинга. Однако нас князь Владимир интересует как равноапостольный просветитель страны <...>; Ширяев Б. Н. Доклад о св. Владимире // «Жизнь с Богом»: Описание архивного фонда / сост. В. Е. Колупаев. Pro manoscritto. Seriate: «Russia Cristiana», 2009. С. 54.

соперников, и каждая ступень к нему была залита кровью. Этой византийской традиции следовал именно Святополк, получивший от современников заслуженное им прозвище Окаянный.

«Первомучениками за Землю Русскую» назвал свв. князей Бориса и Глеба почти современник их, тоже святой, летописец Нестор. «За Землю Русскую»... И эту же «традицию святости» – стремление к обоснованию политических действий христианской моралью мы можем ясно проследить в дальнейшем в ходе всего развития монархической власти в России. В начале, в исходной точке этой линии сияют имена «мудрейшей из жен» св. Ольги и св. Владимира Равноапостольного. Далее блистают имена св. Александра Невского, св. Михаила Черниговского и ряда других, менее известных и менее чтимых, но все же причисленных к сонму святых, близких ко Господу русских князей и княгинь и, наконец, на последнем этапе этой временно прервавшейся линии светятся в ореоле мученичества за Землю Русскую имена мученика императора Александра II Освободителя, мученика императора Николая II и сына его, мученика же, отрока царственного Алексея. Утвердить причисление этих имен к сонму святых, в Земле Русской просиявших, – право и дело Церкви, но близость их ко Господу ясна и нам, простым, скромным мирянам.

Значение мученического подвига свв. Бориса и Глеба, обрекших себя добровольно на смерть «за Землю Русскую», во имя ее, было вполне понято их современниками и дальнейшим поколениям русских людей, русской национальной интеллигенции. Повесть об их убийстве дошла до нас в необычайном количестве: в 170 списках, первые из которых относятся к XVI в., а последние к XVII в. Следовательно, эта книга была очень широко распространена среди читателей Московской Руси и, вероятно, даже превосходила свою распространенностью жития всех других святых.

Почему? – можем спросить мы теперь, и с полной уверенностью ответить на этот вопрос:

Потому что она давала яркий, живой образец, идеал национально-патриотического мышления и сочетания его со Словом Христа, не только отвлеченно-мыслительного, абстрактного сочетания, но выраженного в действии, в политической и в личной жизни, вплоть до смертного подвига «за Землю Русскую».

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 21 июля 1955 г.,
№ 287, с. 3.*

Венец и бармы Мономаха

Вопрос о происхождении и времени прибытия на Русь исторической Мономаховой шапки и золотых барм (оплечий), ставших в дальнейшем вещественным символом Российской легитимистической монархии, мало интересовал наших либеральных историков. Они обычно довольствовались легендарными сообщениями поздних летописных сводов (XIV в. и позже), не потрудившись подвергнуть эти сообщения историческому анализу или хотя бы поверхностной критической оценке.

Эти сообщения повествовали, что Мономахова шапка и бармы были присланы внуку Ярослава Мудрого, князю Владимиру Всеволодовичу при его крещении его дедом по матери императором Византии Константином Мономахом. На получении этих даров во младенчестве основывалось как прозвище и имя этого князя, утвержденное за ним историей – Владимир Мономах. Однако, сам князь Владимир Всеволодович Мономах в начале своего знаменитого поучения уже косвенно опровергает эту легенду. Он пишет: «Аз, худый, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречен в крещении Василий, русским именем Володимер, отцем возлюбленным и матерью своею Мономах».

С. М. Соловьев так комментирует эти слова князя: «Мономах не было прозванием, но именем, данным при рождении, точно таким же, какими были Владимир и Василий. Ярослав хотел назвать своего первенца внука от любимого сына Владимира – Василием в честь своего Равноапостольного отца, отец и мать же – Мономахом в честь деда по матери, византийского императора, происхождением своего сына от которого вполне естественно гордился князь Всеволод. О дарах, полученных при крещении от своего деда-императора и связанных с ними каких-либо династических правах или привилегиях, сам Владимир Мономах не пишет ни слова, хотя, казалось бы, должен был сообщить о них, поучая своих детей».

Тот факт, что сообщения о крестильных дарах, полученных от византийского деда приведены только в *поздних* списках, сам по себе уже наводит на некоторые сомнения в их точности. Ведь эти поздние списки прошли уже через руки нескольких переписчиков и, что еще значительнее, подвергались пересмотру и исправлениям нескольких «редакторов», кадры которых обычно заполнялись в домосковском периоде русской истории выходцами из самой Византии или подчиненных ее влиянию славянских земель, в силу чего и являлись проводниками византийских же религиозных и политических тенденций. Византия же на всем протяжении ее торговых и политических соприкосновений с Русью смотрела на нее, как на свою полуколонию или во всяком случае, как на варварское государство, входившее в сферу влияния Восточной Римской Империи. Свой авторитет, свое культурное превосходство над Русью она стремилась утвердить всеми путями. Не будучи в состоянии подчинить себе Русь воинской силой, византийские политики были вынуждены прибегать к другим средствам, в числе которых было и умышленное искажение русских исторических памятников. Так, например, явное влияние византийских «редакторов» заметно в летописном сообщении о крещении великого князя Владимира, где высокий духовный порыв Равноапостольного русского князя, приведший его к Истине Христовой, подменен чисто плотскими, низкими влечениями к вину и свинине, вкушать которые запрещали другие религии.

Аналогичная операция была, очевидно, проделана и с подлинными летописными сообщениями о прибытии на Русь венца и барм Мономаха, как «даров» слабому, ниже стоящему младенцу от его высокого, могущественного деда.

Эти сообщения поставлены в летописях под 1119 и 1120 гг., когда император Константин Мономах был давно уже погребенным, а русский Владимир Мономах был уже великим князем. Факт, который сам по себе уже наводит на большие сомнения.

Помещенный в полном собрании русских летописей Густынский летописный список дает ключ к разъяснению этого явного несоответствия. Густынская летопись прямо сообщает, что дары были присланы Владимиру Мономаху императором Алексеем Комнином, действительно занимавшим в это время византийский императорский трон, а не давно уже умершим императором Константином Мономахом. Эти дары состояли из креста Животворящего Древа, царского венца, сердоликовой чаши, принадлежавшей некогда Римскому императору Октавиану Августу, и золотых цепей с оплечиями (бармами). Они были доставлены в Киев особым византийским посольством, во главе которого стоял Эфесский митрополит Неофит, возложивший венец и бармы на Мономаха, именуя его при этом царем (кесарем), т. е. признавая за великим русским князем равенство с византийским императором, чему до того Византия ожесточенно противилась.

Встает вопрос: чем же была вызвана присылка столь ценных даров в сопровождении высокостепенного посольства, официально признавшего полный государственный суверенитет и могущество юной Руси?

Один, также замолчанный либеральными историками эпизод, дает нам вполне исчерпывающий ответ. Дочь Владимира Мономаха Мария была замужем за Леоном, сыном и наследником царствовавшего после Константина Мономаха императора Диогена. У них к этому времени был уже сын Василий, в будущем также законный наследник византийского императорского престола. Но занять престол зятю Владимира Мономаха, царевичу Леону, не пришлось. Его отец, император Диоген, был свергнут с престола патрицием и богачом Алексеем Комнином, как это было в обычае Византии. Царевичу Леону пришлось скрываться вместе с семьей, но будучи смелым и энергичным, он сгруппировал во Фракии и на Дунайской границе Империи своих сторонников и совместно с ними начал борьбу против узурпатора Комнина за свои законные наследственные права. Эта борьба велась Леоном не без содействия его тестя, русского великого князя Владимира, о чем свидетельствует тот факт, что в войске Леона были половцы, призвание которых на Балканы не могло быть осуществлено без помощи Киевского Стола. Борьба Леона развивалась вначале удачно. Ему удалось несколько дунайских городов, среди ко которых был значительный город Доростол, в котором царевич Леон и основал свою временную столицу. Его противник Алексей Комнин прибегнул тогда к также обычному в Византии средству борьбы – подослал к законному наследнику престола наемных арабов-убийц, которые и выполнили свое гнусное дело. Подобный акт не мог не возмутить благородную, проникнутую духом христианства и христианской государственности душу Владимира Мономаха. Он сам вступил тогда в борьбу за права своего внука Василия, начав последнюю в русской истории войну с Византией, совершенно замолчанную нашими либеральными историками.

Первые отряды русских воинов под начальством воеводы боярина Ивана Войтишича перешли Дунай и успешно действовали во Фракии, закрепив за юным наследником византийского престола несколько городов, в которых Войтишич утвердил своих посадников. Но уже захваченного греками Доростола отряду взять не удалось. Тогда Владимир Мономах послал за Дунай подкрепление, очевидно, уже более значительное, которым начальствовал его сын князь Вячеслав совместно с воеводою Фомою Ратиборовичем. Как протекала борьба этого отряда с армиями Комнина, летопись нам не сообщает, но, очевидно, что с переменным успехом: Доростола русским взять не удалось, но и Алексей Комнин был в свою очередь вынужден направить в Киев мирное посольство с богатыми дарами. Именно это посольство, *просившее у Руси мира*, шедшее на многие уступки и признававшее равенство русского великого князя византийскому императору, поднесло великому князю Владимиру, уже носившему от крещения имя Мономаха (которые, так называемые «князьки» имена, были обычны в то время), царский венец и бармы, ставшие в дальнейшем вещественным символом русской монархической власти. Следовательно, не даром от *выше стоявших* византийских род-

ственников были венец и бармы Мономаха, но *трофеем русского оружия*, контрибуцией, взятой от побежденного противника, к тому же узурпатора, незаконно захватившего императорский престол, были они. Не униженно благодарить за них греков должны мы, но считать их принадлежащими нам, русским, по праву победителя, по праву защитника законности престолонаследия и легитимизма. Сознание этой исторической правоты и должно лечь в основу нашей национальной гордости.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 29 ноября 1956 г.,
№ 358, с. 5*

Чудо Преподобного Сергия (560 лет со дня кончины)

В преддверии

Мы привыкли упрощенно смотреть на наше прошлое и представлять его себе лишь во внешних, осязаемых формах, исходя из образцов современности. К этому приучили нас ходовые учебники истории, сообщавшие нам факты народно-государственной жизни, в большинстве случаев без связи предыдущего с последующим, отрывисто и почти всегда замалчивая психологическую основу, вызвавшую эти исторические акты действия народа.

Куликовская битва 1380 г., факт грандиозного значения народной жизни, нам рисуется приблизительно так: Великий Князь Московский задумал свергнуть иго Орды, разослал повестки меньшим князьям, произвел мобилизацию и, собрав под Коломной большое войско, двинулся к Дону. А там удачный маневр флангового охвата, проведенный воеводой Боброком, решил судьбу сражения, заодно и всей Русской Земли. Этой «мобилизации», предшествовавшей битве, в ходких учебниках отведено пять-шесть строк, и учившиеся по ним правы, рисуя ее себе лишь механическим и административным действием центральной власти.

Но представим себе народно-государственную жизнь Руси веков, предшествовавших Куликовскому Полю. Нам это будет теперь не так трудно сделать, ибо многое, очень многое из того прошлого осветит нам наша современность.

Государственность и культура южной Киевской Руси были разгромлены дотла. Вместе с ними был разбит и весь обуславливавший их строй народной психики. Веры в свои силы больше не было. Поработитель-татарин непобедим. Его властная воля подчинила себе все проявления жизни народа. Страх, один лишь страх живет в сердцах...

Русскому человеку дореволюционной эпохи было очень трудно представить себе эту картину всеобщего страха, утраты своего «я» целой нацией. Нам – легко. Мы это видели и видим.

Величие нации определяется не столь высотой ее взлета, сколь способностью встать, возродиться после сокрушившего ее удара. И вот, в темных лесах бассейна Верхней Волги, там, где укрылись наиболее жизнеспособные элементы разгромленной Южной Руси, где они выжили в условиях страшной борьбы с окружающим (нам это тоже легко теперь себе представить!), начинается процесс национального возрождения. Поколения, непосредственно пережившие ужас разгрома, отмирают. На смену им приходят последующие. Чувство страха уже ослаблено в их психике, в суровой борьбе со средой выковывается вера в себя, в свои силы...

«Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»².

Силы накапливаются. Этот процесс охватывает все население, все его слои. Золотые ефимки и серебряные гривны оседают в сундуках Ивана Калиты, но и смерду уже есть, что защищать и чем защищать, есть орало для перековки его в нужный момент на меч. Скапливают свои силы новые крепнущие города; Москва сменяет деревянные стены на каменные. Вырастает из Кучкова поместья в национальный центр и стягивает к этому центру

---

² Цитата из поэмы Пушкина «Полтава».

высшие ценности – сильных, свободных от оков страха, боеспособных людей. Летописи отмечают немосковское происхождение большинства общественных деятелей того времени: волынцем родом был первый московский митрополит Петр, посвященный в митрополиты Галичины, но самовольно перенесший свой престол в Москву; выходцем из Чернигова был митрополит Алексей, ближайший советник детей и внука Калиты, устюжанином был его энергичный помощник Стефан, ростовским уроженцем – св. Сергей Радонежский, волынцем – воевода Боброк, и этими пришлыми людьми в жестокой борьбе с Тверью были утверждены государственный приоритет Москвы и первенство ее династии: они сохранили великокняжеский престол за *восьмилетним* Дмитрием Донским. Его дядя и предшественник, сын Калиты Симеон, по праву именовался Гордым. Он мог гордиться и шестью тысячами гривен (3.000 фунтов) серебра, которые *нашлись* в молодом и бедном княжестве для выкупа его из плена, и теми людьми, которые *нашли* их в его отсутствие. Осознание своей силы рвало оковы страха. Новые поколения уже чувствовали национальную гордость, что и легло в основу духовной мобилизации, взрыхлившей русскую землю для посева идеи единого национального русского государства.

Эта идея была *прогрессивной, конструктивной, творческой*. Она выростала на новой почве, в неизбежной борьбе с остатками пережитков, гнездившихся в реакционных уже по тому времени сепаратистских стремлениях мелких феодалов Твери и Ганзейских факторий Пскова и Новгорода.

От этого, предшествовавшего Куликовской битве периода, до нас дошло много договоров Московского центра с периферией – уделами. Часть удельных князей, как например, Белозерские, осознает уже великую национальную идею и добровольно входит в орбиту Москвы, другие, как например, Рязанские, яростно, в своих личных узкоместных интересах противятся ей, подтверждая свою антинациональность, антирусскость тесными союзами то с Ордой, то с Литвой Гедиминовичей.

Но подъем «Симеоновской гордости», укрепление национальной русской идеи неудержимы, ибо они народны. Если тверские сепаратисты поддержаны Ольгердом Литовским, то московские националисты в походе 1375 г. (за пять лет до Куликова Поля) идут на Тверь вместе с ратниками владимирскими, суздальскими, нижегородскими, ярославскими, костромскими, новосильскими, тарусскими, оболенскими и др. В том же составе борется московская рать и против Новгорода. Личный авторитет Великого князя не играет здесь роли. Дмитрий еще слишком молод и ничем себя пока не показал. Это народ, осознавшая себя нация, мобилизует свои силы для решительного боя за самоутверждение.

Куликовская битва не была первым, почти внезапным, столкновением Москвы с Ордою, как это рисуется при поверхностном взгляде на эпоху. Победа над Тверью, тоже периодически получавшей из Орды ярлык на великое княжение, позволяет Москве, обеспечив свой тыл, повернуться всей силой на восток. Поворачивается не одна Москва, с нею вся осознавшая себя нация. Это не только военно-политический, стратегический поворот. Это переворот в государственном мышлении народа, идейная революция. Феодалная раздробленность вытеснена национальным единством. Родовое представление о верховной власти уступает место легитимизму. Дмитрий вступает на престол не как старший Рюрикова рода, но как сын своего отца, будучи лишь восьмилетним, а в своем завещании уже вполне ясно формулирует новый принцип. В нем чувствуется уже дыхание Самодержавия. Родовые связи слабеют: на Куликово Поле вместе с Москвой идут смоленские, брянские и полоцкие Ольгердовичи, но рязанские Рюриковичи ей враждебны...

Зоркий Мамай – личность далеко незаурядная, смелый и ловкий политик, сам захвативший власть над Ордой – видит этот процесс и пытается его пресечь. Но поздно. Высланный в 1377 г. карательный отряд царевича Арапши еще успевает разорить нижегородскую землю, но более крупная экспедиция мурзы Бегича в следующем, 1378 г., разбита наголову

у реки Вожи. Русским войском командует в этой битве Андрей Ольгердович, язычник, принявший православие, а позже – схиму. Таков дух века. После этой победы над татарами брат Андрея – Дмитрий Ольгердович добровольно примыкает к Москве, отдав ей свои Трубчевское и Стародубовское княжества, сам же едет ставленником Дмитрия Донского в Переяславль Залесский. Идеи мобилизации национальной Руси выходят за пределы владений Рюриковичей. Близка к завершению и стратегическая, Мамай это знает и заключает союз с Литвой и крымскими генуэзцами. Концентрация сил закончена для обеих сторон.

Русская интеллигенция XIV века

Идея единого русского национального государства рождалась стихийно в толще всего народа; она была его общей, коллективной эмоцией, бродила в его чувстве. Смерд-землепашец воспринимал эту эмоцию от расчищенной, взметанной им лесной поляны, ставшей его полем. Вотчинник – от огороженного частоколом двора, удельный князек – взирая на первые каменные стены Московского Кремля, на крест его первого каменного собора. Все это, и «пал» смерда, и Кремль Великого Князя – была Русская Земля, общая, коллективная защита которой становилась осознанной всеми необходимостью.

Военно-административный аппарат великокняжеской власти осуществлял эту необходимость в своих политических и стратегических действиях. Он практически выполнял требования народного чувства.

Но кто же составлял промежуточное звено между нереальным, невесомым чувством и реальным, фактическим действием? Кто воспринимал первое, претворял его в твердые формы мысли и направлял ими второе – активность государства? Кто был этим мостом между народом и властью? Не только мостом, но и мыслительным аппаратом всего народно-государственного коллектива?

Летописи довольно ясно рисуют нам характеры первых поколений гнезда Калиты. Это были, прежде всего, твердые, упорные практики, трезвые, целеустремленные политики, работники военной неизбежности, но не мыслители, не герои, не воспламеняющие на подвиг вожди. Они неуклонно и повседневно, буднично строили свое Народное Государство, так же, как смерд выкорчевывал и взметывал выжженный лесной участок, так же, как вотчинник ставил в бревенчатой ограде свои клетки и амбары.

Кто выполнял тогда функции современных философов, историков, публицистов, журналистов, художников – формовщиков мысли народа, его интеллигенции?

В. О. Ключевский в ответ на этот вопрос называет три имени: «присноблаженную троицу, ярким созвездием блещущую в нашем XIV в., делаю его зарей политического и нравственного возрождения Русской Земли» – митрополита Алексия, сына черниговского боярина, Сергия Радонежского, сына ростовского переселенца и святителя Стефана, сына бедного причетника из г. Устюга. Все трое не были коренными москвичами, но стеклись к Москве с разных концов Русской Земли. Все они принадлежали к различным социальным группам. Они были образованнейшими людьми своего века.

Про одного летописец сообщает: «всю грамоту добре умея». О другом – «всяко писание Ветхого и Нового Завета пройде». Третий – «книги гречески извыче добре». Все трое «возвеличены к святости» мнением народным и канонизированы Церковью.

Это были светочи, вожди русской национальной интеллигенции XIV в. В «Троицком Патерике» числится свыше ста учеников св. Сергия, также прославленных народом и причтенных Церковью к сонму святых. На какой же недостижимой для современного человека высоте стояла эта «элита» русской национальной интеллигенции XIV столетия, века всенародного возрождения и подвига! По терминологии современных персоналистов, эти люди стояли на высшей ступени «иерархии личности», приобщая свое бытие, свою направлен-

ность к служению высшим ценностям мира, духовно раскрывая свое «я». Это доступный человеку предел. Выше лишь Бог, Абсолют Добра, Любви, Красоты, Истины.

В. О. Ключевский сообщает, что за время 1240–1340 гг. возникло менее 30 монастырей, но в период 1340–1440 гг. – более 150, причем пятьдесят – треть их, основаны личными учениками св. Сергия Радонежского. Следовательно, не страх, не приниженность и духовная бедность первых после разгрома поколений гнали людей в стены обителей, но нарастающее накопление их морально-психических сил.

Он отмечает и другую характерную черту этого массового всенародного движения. Прежние монастыри, строились близ городов, феодальных центров и центриков, словно боясь оторваться от них. Теперь иноки смело идут вглубь неведомых земель, несут Слово Божие, русский дух, русскую культуру и государственность, приобщая к ним новые племена. Их представление о «своей земле», «своем народе» неизмеримо шире отживших удельных верхов. Они уже не волынцы, не куряне, или путивляне, и, тем более, не древляне, не поляне или кривичи. Они – русские, и русская под ними земля! Они народны, национальны и прогрессивны в своем мышлении. От Соловецкой, убогой тогда, обители до славной Киево-Печерской Лавры! От валаамской купели до пермских глухих лесов! Едины в вере, любви и мышлении. Едины в целях и действиях. Они – духовный костяк нации. Создавая его, интеллигенты Руси XIV в. выполняли и выполнили свою миссию, свой долг перед народом. В этом их национальность, почвенность, истинность.

Русское иночество XIV, XV, XVI вв. чрезвычайно пестро по своему социальному и племенному признаку. Патерики и Жития повествуют нам о принявших постриг князьях, боярах, купцах, но равно и о простых «воинах каликах», «смердах»-крестьянах. Они рассказывают об уроженцах южной Руси, волынцах, черниговцах, ушедших на далекий север, о западных новгородцах, прошедших на восток за Пермь, за Волгу, и, наоборот, о северянах, устремившихся к святыням Киева и Почаева. В этом тоже черты всенародности этого движения. Достигая определенного уровня духовного строя, и князь, и крестьянин стремились приобщиться к иночеству. Предсмертное пострижение становилось тогда традицией Великих князей. Схима иноплеменника, бойца и полководца князя Андрея Ольгердовича не была выходящим из ряда вон явлением. Оно соответствовало духу века, в котором подвиг служения Родине и подвиг служения Богу гармонично сливались. Столь же созвучно духовному строю тех поколений было и «прикомандирование» св. Сергием иноков Пересвета и Ослябя к войску Великого князя Дмитрия. Можно предполагать, что таких было не два, а много больше. Ведь кто-то же служил молебны и обедни для этих 150.000 ополченцев? И где были эти служившие Богу, в первой, стадии битвы, при отступлении русских за линии своего обоза? Несомненно, они влились в ряды бойцов и вдохновили их на мощный контрудар. Так монахи – интеллигенты того времени, выполняли свои общественные и даже чисто военные функции.

Уходя на служение высшим, надпсихическим, духовным идеалам, они не порывали своей связи с жизнью всего народа, подобно отшельникам и столпникам, византийского Востока. Фиваида и Синай не заселялись мирянами, а в русской аскезе мирянин, по выражению В. О. Ключевского, «цеплялся» за уходившего в леса аскета и шел вслед за ним, оседая при его обители. Так народ шел за своей интеллигенцией по ее материальному и надматериальному пути. Она вела, он следовал и одному и другому примеру.

Пустынножительский подвиг учеников св. Сергия возглавляет титаническую творческую инициативность всего народа. Его ученик, знатный москвич Павел, по благословию, т. е. по совету-приказу Святителя, уходит в дикий Комельский лес, и там на реке Грязовце долго живет один «в липовом дупле, яко птица». Но получив там последователей и заложив монастырь, идет дальше вглубь страны и основывает вторую обитель – Обнорскую, на реке Нурме, за Вологдой. Другой ученик – Авраамий, – закладывает четыре монастыря на север-

ной границе теперешней Костромской области. Эти монастыри с необычайной быстротой обрастают целыми «иночьими городками», а преподобный Кирилл создает на Белом озере целое «пятиградие».

Они – очаги духовной и материальной культуры. Обе эти формы прогресса плотно связаны и гармонично слиты в среде иноков-интеллигентов. Через 80-100 лет этот Кирилло-Белозерский монастырь уже знаменит богатством своей библиотеки. Спасо-Андрониевский монастырь рождает замечательную школу художников-иконописцев. Из Кирилло-Белозерского источника общественной мысли вытекает мощное течение «заволжских старцев», возглавляемое мыслителем Нилом Сорским, стройная система религиозно-морально-общественного мировоззрения.

Так по национально осознавшей себя Руси грядет могучая армия ее народной, почвенной, религиозной *интеллигенции*. Впереди – сотни святителей и подвижников, а во главе их – Божий Угодник и Чудотворец русский – Святой Сергей Радонежский.

Светоч мысли и чувства нации

Первое жизнеописание св. Сергия Радонежского составлено диаконом Епифанием, его близким учеником, прожившим вместе со Святым 17–20 лет. Этот монах был высокообразованным человеком, много путешествовавшим, знавшим языки, талантливым писателем своего века. Написанное им житие – свидетельство очевидца, чем оно выгодно отличается от многих других жизнеописаний, составленных иногда через 100–200 лет после кончины святых и уже несвободных от неминуемо возникающей вокруг их имен легенды.

Св. Сергей, в мире Варфоломей, родился в семье выходцев из Ростова Великого. Там его отец был близок к князю, вероятно, знатен, но после переселения в село Радонеж, близ Москвы, живет просто: мальчиком Варфоломей гоняет коней на пастбища. Но он ходит и в церковную школу. Религиозное чувство владеет всей семьей. Позже отец, мать, два брата из трех и их племянник примут постриг. Но это будет позже, а пока отрок Варфоломей живет в народной толще и лишь стремление к чтению духовных книг выделяет его из общей среды.

«Наша страна»,

Буэнос-Айрес, 13 сентября 1952 г

№ 139, с. 4–6

* * *

Он уходит в пустыню, только освободившись от обязанностей сына, долга, который свято чтит, и уходит туда не постриженным иноком, но лишь готовящим себя к этой ступени раскрытия личности путем аскезы – преодоления низших эмоций, развития своей воли к добру.

Этот путь тяжел. Пошедший с ним в пустыню, в лесное уединение, брат не выдерживает и уходит. Варфоломей остается наедине с Богом.

Напряженная внутренняя борьба со злом неизбежна на пути аскета. Она сопровождается искушениями, видениями концентрированного в образе бесов зла. Не избегает их и Варфоломей, но характерно, что уже здесь народное чувство преобладает в нем над личным. Бесы являются к нему не в образах соблазнительных женщин или в виде обильной еды, как аскетам византийского Востока, но в виде литовских воинов, которые в то время очень часто нападали на московские земли и прорывались даже к самой Москве. Народу они были столь же враждебны, как и татары. Быть может, даже более.

Чувствуя себя подготовленным, Варфоломей принимает постриг от зашедшего к нему монаха Митрофана, но в монастырь не идет, а остается в одиночестве. Скоро к нему при-

текают другие, стремящиеся к тем же духовным целям. Образуется община объединенных мыслью и чувством, но это еще не монастырь: все живут розно, в своих «одриных хизинах», питаюсь каждый своим, и даже вступая меж собой в материальные взаимоотношения. Инок Сергей выполняет для других братий плотничьи и иные работы, беря за это плату. Но он сам настаивает на минимальности этого вознаграждения: он требует тех гнилых хлебных корок, которые никто уже не ест, он вводит свой труд также в область духовного совершенствования, преодолевая им личную корыстность. Чисто русская черта. Позже она разовьется в широкое движение богомольцев-трудников и выкристаллизуется на Соловках в формуле: «В труде спасаемся». Народность этой черты столь сильна, что даже подсоветское безвременье не вытравит ее, но лишь перелицует в «трудовой энтузиазм», проявления которого очень часто совершенно искренни.

Община оформляется в монастырь, и инок Сергей единогласно избран игуменом. Но он всеми силами противится этому. Почему? Он видит во власти прежде всего *служение подвластным* и не уверен в том, что сможет выполнить его. Это представление о сущности власти рисуется еще в завещании Владимира Мономаха. Позже оно охватит всю духовную жизнь нации от «самодержавного служения» царей (вплоть до жертвенного подвига Царя-Мученика) до «мирской службы» деревенских сотских, «от которой отказа нет»... «послужить миру»...

Здесь следует отметить одну внешнюю, но очень существенную черту св. Сергия. Иконописная традиция изображает его обычно в образе иссушенного немощного старца-аскета. Это только символ. Жизнеописатель современник говорит ясно: «Силы в нем было на двух человек». Аскетический подвиг, скудное питание, лишения не отразились на здоровье этого русского богатыря духа и плоти.

Приняв бремя власти, игумен Сергей несет его во всей полноте. Здесь он также отражает дух века, прогрессивную направленность формирующейся нации. Полное единство – ее цель. Он первый вводит в русском монастыре общежитие, т. е. общее, коллективное хозяйство. Но это не «уравниловка». Параллельно организуется вся внутренняя жизнь монастыря, создается иерархия подвижничества. Исторический этап жизни нации-государства находит отклик в аскетической общине, тесно с ним связанной, слитой.

Монастырь не отрывается от народной жизни. Слава св. Сергия растет и вместе с нею ширится и поток приходящих к монастырю со своими духовными, а порой и материальными запросами. Никто не остается без ответа, свидетельствует Епифаний, и эти ответы удовлетворяют приходящих. Будь иначе, их движение к св. Сергию не росло бы. Служение братии игумена Сергия преобразуется уже в служение прозорливца, высшего духовного советника.

Подвижник-прозорливец не ищет возвышения, расширения своего духовного авторитета. Он решительно отвергает все внешние иерархии: отказывается принять в дар от митрополита Алексия золотой наперсный крест, столь «нище и убого» одет, что пришедший издали крестьянин отказывается признать в нем прославленного Святого, путешествует ради нужд народа только пешком, совершая очень большие переходы (Москва – Нижний). Он продолжает свой подвиг служения *человеку* во имя любви к нему, но растущий поток этих *человеков*, приходящих к нему в поиске любви превращает, расширяет ее в любовь ко всему *народу*. Тесная дружба, глубочайшее взаимное понимание и общая духовная настроенность связывают св. Сергия с двумя другими светочами духа: митрополитом Алексием и св. Стефаном, просветителем Пермского края, т. е. всего тогдашнего Заволжья. Их духовное созвучие сливается с чудом: они ощущают друг друга на расстоянии; жизнеописатель св. Сергия свидетельствует о взаимном поклоне св. Сергия и св. Стефана, находившихся за десять верст один от другого.

* * *

Дальнейшее раскрытие духовной личности Святого на пути подвига его *служения народу* оформляет этот подвиг в *служении нации-государству*. Творческие усилия национально организующегося народа выражаются в личной действенности его духовного подвижника в его общественном служении. Св. Сергей выполняет особо важные дипломатические поручения национального центра – Москвы. Так идет он пешком к ее непримиримому врагу Олегу Рязанскому и «кроткими глаголами», – повествует летописец, – этот «старец чудный» склоняет «суровейшего» князя на мир с нею. Но в нужных случаях подвижник применяет и всю силу своего морального авторитета: устанавливая справедливый мир между двумя враждующими в Нижнем Новгороде партиями спорящих за власть в нем князей, св. Сергей своим святительским приказом затворяет все церкви города и принуждает этим спорящих к соглашению. Высший взлет подвига служения нации св. Сергия неразрывно связан, слит с кульминацией напряжений всей этой молодой еще нации в ее подвиге самоутверждения – Куликовской битве.

Всмотримся в стратегическую обстановку того времени и увидим, что шансы русских на победу были очень сомнительны. Войско Мамайя численно превышало силы князя Дмитрия и, кроме того, включало в себя шесть тысяч лучшей тогда генуэзской колониальной пехоты с «огневым боем» (вероятно, артиллерией). С тыла неминуемо угрожал удар очень сильной литовской рати Ягелло, к которой безусловно присоединились бы державшие вооруженный нейтралитет рязанцы. Примкнувшие к Дмитрию брянские и смоленские Ольгердовичи были ненадежны в силу их родственных связей с Ягеллой. Не очень надежными были и новгородцы, спекулировавшие в своей политике на соперничестве родов Рюрика и Гедемина. Вдобавок ко всему этому еще не увядший ореол непобедимости татар. Стратегический штаб Москвы во главе с князем Дмитрием имел все основания колебаться и смотреть на сбор войск под Коломной только как на вооруженную демонстрацию, но не как на *волю к бою*, решающему судьбу нации.

Каково же должно было быть сверхчеловеческое напряжение личности, выразившей эту волю, принявшей на себя всю ответственность за жизнь и судьбу народа-государства-нации?

Этой сверхчеловеческой надвременной личностью стал св. Сергей Радонежский, Угодник Божий, Русский, Российский Чудотворец, благословляя на бой князя Дмитрия и тихо шепча ему: «Ты победишь».

В этот момент земного жития Святого его «прозорливость старца» восходит уже к «дару пророчества». Его личная человеческая душа сливается с духом нации, возносится вместе с ним над временем, над земной краткосрочностью жизни, выходит за предел доступного человеку разумения. Происходит чудо. Начало его в убогой тогда церковке Свято-Троицкой обители. Конец, виденный современниками, – меж Доном и Непрядьвой. Мы видим уже больше. Мы видим непрерывное творчество этого чуда жизни нации на протяжении 572 лет (1380–1952). Но и это еще не конец.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 20 сентября 1952 г.,
№ 140, с. 5–6*

«Маковица»

Сознание современного, ограниченного и размельченного рационализмом человека утратило живое представление о чуде Господнем, но его подсознание (или надсознание) жадно рвется к чудесному, пытаясь найти в нем освобождение, выход из замкнувшей его темницы материализма. Возникает поиск компромиссного, внебожеского получуда: в атеистическом Париже зарегистрировано 10.000 гадателей, ясновидящих, медиумов, магов и пр. Все они имеют заработок. Следовательно?

Б. К. Зайцев в своей замечательной работе о св. Сергии определяет чудо, как «победу сверх-алгебры, сверх-геометрии над алгеброй и геометрией школы», как подчинение известного нам *маленького* низшего закона закону *большому*, высшему, неизвестному нам. Против такого определения чуда вряд ли сможет возразить и сколь либо свободный в своем мышлении рационалист. Не может же он утверждать, что возможность познания человека ограничена школьным учебником? Но это еще не вера в Божеское чудо. Верующий сам, уважаемый Б. К. Зайцев, минует в своем определении (по непонятной для меня причине) основу чуда – Господню Волю.

Жизнеописатели св. Сергия повествуют о множестве чудес в земной жизни Преподобного. Одна часть их совершена по его молитве, при участии его воли. Эти чудеса *всегда* направлены к *благу народа*, пришедших к нему, к благу народа, но не к личному прославлению самого Преподобного. Таковы насыщение голодающих, открытие источника для potreбы жаждущих исцеления больных и великое чудо воскрешения ребенка. Таковы его прозорливые советы и предсказание победы на Куликовом поле, давшее его благословию (одобрению) силу приказа, веления Божия, которого не мог уже послушаться осторожный в действиях князь Дмитрий. Другая часть чудес совершается помимо его личной воли, без его просьбы о них, неожиданно для него самого. Таковы со-служение с ним Ангела Господня и явление ему Пресвятой Богородицы. Св. Сергий сам страшится этих проявлений Милости Господней лично к нему и требует от выдавших их вместе с ним молчания, тайны.

Внедрять в сознание понятие о *реальности* чудес Господних – дело служителей Церкви. Я же только суетный мирской журналист и позволяю себе лишь напомнить читателям, что этой *реальности* чудес св. Сергия верили Лесков, Достоевский, Лев и Алексей Толстые, Ломоносов, Менделеев, Ключевский, Павлов и ряд других сверхмощных, рационально мыслящих интеллектов, способных в своем мышлении шагнуть за узкие рамки рации, за «жалкие пределы естества», по выражению Н. С. Гумилева, также веровавшего.

О чудесах, произошедших по кончине русского национального чудотворца, повествуют записи Троице-Сергиевской Лавры и память народная. О них в иных выражениях говорят и историки. «Есть имена, – пишет В. О. Ключевский, – выступившие из границ времени, когда жили их носители, потому что дело, сделанное таким человеком, далеко выходило за пределы века... превращалось в народную идею; становилось практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом... таково имя Преподобного Сергия». Процесса этого превращения рации определить не в силах. Это тоже чудо, лишь не названное своим именем, хотя оно *реально* в своем выражении.

Житие Преподобного сообщает нам, что, отыскивая место для своего подвига, Варфоломей (еще не Сергий) избрал лесистый пригорок «Маковицу». В этом избрании было уже чудесное предначертание. «Видяху на том месте прежде свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху», сообщает летописец. На этом месте Преподобный строит свою первую убогую церковку во имя Пресвятой Троицы, как тоже указано свыше. Здесь же он дает внушенное свыше же благословение-приказ кн. Дмитрию и всей *первой всероссийской нацио-*

нальной рати; страшный для дающего, судьбоносный приказ, определяющий всю дальнейшую жизнь нации.

Через 230 лет, в другой глубоко трагичный момент исторической жизни России, когда вся ее территория заполнена врагом и беззащитна, это освященное свыше место становится тем центром, откуда идет излучение воли к жизни всей нации. Учет и пути развития этой воли духа недоступны методам и уровню рационалистической мысли. Свершается реальный процесс, идущий вопреки, в нарушение всех законов логики. Государство разгромлено до основания. Враги господствуют на всей его территории. Национальной власти не существует. Моральное состояние народа стремительно катится вниз, и в верхах, и в толще его. Полное разложение. Гибель неизбежна... Но горсть монахов и мужиков чудом (другого слова нет!) отстаивают обитель св. Сергия против организованного, обладающего техникой войска. Послания (прокламации) этих защитников последнего атома нации (число этих посланий, конечно, ничтожно... десятки... две-три сотни!) растекаются, по всей стране, несмотря на отсутствие путей и средств сообщения. Их воздействие на массы необычайно по своей силе... Воля нации возрождается. «Ничто» становится реальной решающей силой. Существует ли для подобного исторического процесса иной термин, кроме «чуда»?

Мы, современные, духовно раздробленные, размельченные люди, не хотим видеть чудес, творящихся в нашей текущей, повседневной жизни. Мы маскируем их от самих себя пошлыми формулами уже опровергнутых понятий. Будем честны и признаемся: немногие из нас осмелятся вслух назвать «Промыслом Божиим», «Его Волею», невероятные происшествия с нами самими, имеющие место в жизни почти каждого из нас теперь, в диком, кровавом хаосе наших дней. Мы говорим: «случай», «удача». Столь же боимся мы видеть чудесное и в жизни нашего народа, нашей нации. Но мы, жившие «там», *видели, знаем* и тайные моления, и скрытые свершения Таинств переодетыми «засекреченными» священниками и бурный взрыв религиозного чувства народа во время войны (охранительные молитвы в карманах красноармейцев, у меня хранится один такой список; возобновление храмов, их наполнение, крещение комсомолок, венчание фактических, но не венчанных супругов и т. д.). Побывавшие в Советской России иностранцы единогласно свидетельствуют об этом высоком, чистом религиозном подъеме. Советские газеты сообщили о массовом «мракобесии» – произошедшем в Саратове крещенском омовении *многих* в ледяной купели Волги. Все это – факты. Можно ли разъяснить их каким-либо рационально обоснованным законом, при сверхмощном, всестороннем давлении на религиозное сознание нации и при учете двухсотлетнего разложения этого сознания тоже всестороннею «работой» «прогрессистов»? Волей-неволей приходится сказать – чудо!

Чудо и в том, что Сталин был *принужден* не только допустить молящихся в храмы, но восстановить религиозный центр Троице-Сергиевской Лавры – «Маковицу», чудесно возвещенную Преподобному Сергию. Что из того, что приставленные к ней сторожа лживы и продажны? Но ведь притекающие не к ним, а к Святыням Русским, к «Маковице» Преподобного чисты в своей вере и молитве. В них – сила. Они стержень нации. В них дух ее, – он не угас. Не чудо ли это, чудо, длящееся в веках по молитве Игумена Русского Сергия?

«И в наши дни люди всех классов русского общества притекают ко гробу Преподобного со своими думами, мольбами, упованиями», – говорил В. О. Ключевский в день 500-летия кончины Святого (1892 г.). – «Этот поток внутренне не изменялся в течение веков, несмотря на глубокие перемены в строе и настроении, русского общества. Творя память Преподобного, мы пересматриваем свой нравственный запас, пополняем произведенные в нем траты». «Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся лишь тогда, когда мы без остатка растратим этот запас, не пополняя его».

Совершается ли сейчас этот пересмотр самих себя и пополнение самих себя в недрах российской нации?

Да, – можем ответить мы, *видевшие* внешние проявления этого непрерывного в шести веках чуда св. Сергия, ощущающие и творящие сами этот «пересмотр» в наших собственных душах, – духовная «Маковица» русского народного национального самосознания, чудесно воплощенная и оземленная великой любовью Игумена Русского Сергия, *стоит и будет стоять*, устоит, как устаивала против всех врагов, полонявших Русскую Землю всеми видами и формами зла. Устоит! «Инии видяху на том месте свет, а инии огонь, а инии благоухание слышаху». Чудо св. Сергия длилось в веках. Оно длится в наших днях. Оно – жизнь Народа Российского, Великого и Единого.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес,
27 сентября 1952 г.,³*

---

³ Была опубликована итальянская версия этого очерка, уже после смерти Ширяева; см. *Sirjaev B. La rivoluzione di S. Sergio di Radonez // Russia Cristiana*, n. 6, 1961 (18). Думается, что название («Революция св. Сергия Радонежского») дал переводчик, а не автор.

Русская церковно-политическая традиция

«Воздайте Кесарево Кесарю, Божие – Богу», – ответил Христос на казуистически поставленный ему, чисто политический и в то время явно провокационный вопрос фарисеев. Обе Церкви, как Восточная, так и Западная, видят в этих словах Христа полное разграничение сферы духовной, вечной, Божеской от сферы материально-земной, тесно соприкасающихся и нередко трудноотделимых одна от другой в нашей грешной земной жизни. Таково разъяснение Истины слов Христовых в плане вечности.

Но ведь помимо вечности наша земная жизнь протекает и в плане материальной современности, и в этом плане слова Христовы содержали в себе также истину, но иную, устремленную не в вечность Духа, но во временность земного человеческого бытия, в его современность.

Восстановим в памяти историко-политическую обстановку того времени. Шел 33-й год нашей эры. Римская Империя, владевшая всем Средиземноморьем, готовилась к решительной и, несомненно, тяжелой даже для нее борьбе с могучим Парфянским царством, преграждавшим Риму продвижение на восток. Иудея и Сирия представляли собой стратегическую базу этой неизбежной для Рима войны, даже ряда войн. Но эта база была очень ненадежна, т. к. недавно еще покоренная Римом Иудея и примыкающая к ней Галилея и Сирия были для Рима пороховым погребом, подготавливающим фанатическое восстание и тем создававшим угрозу коммуникациям Империи на Востоке. Недаром Рим держал в этих незначительных по территории провинциях три легиона из шестнадцати регулярных – больше чем, например, в Галлии. Вспыхнувшая вскоре жесточайшая Иудейская война оправдала эту предусмотрительность римских стратегов.

Националистически-революционное движение иудеев возглавлялось в то время столь же политическими, сколь и религиозными организованными сектами, главным образом фарисеями, что с полной точностью разъясняет их вопрос Христу, как политическую провокацию, на которой они в дальнейшем, очевидно, хотели построить обвинение его перед Пилатом, как политического преступника, возбуждавшего народ к неплатежу податей Риму. Следовательно, истина ответных слов Христа частично содержала в себе и политический смысл, что дает нам право полагать, что не чуждавшийся всех, даже самых темных сторон человеческого бытия Христос (общение с мытарями, блудницами и т. д.) не чуждался в земном своем воплощении и политической жизни того времени. Отсюда Церковь не может и не должна игнорировать политику, как часть материальной, но вместе с тем и интеллектуально-душевной жизни паствы.

Русская православная церковно-политическая традиция подтверждает нам эту концепцию на всем протяжении истории государства Российского и в этом ее глубокое отличие от церковно-политической Византийской традиции. «Византийское влияние, – пишет В. О. Ключевский, – далеко не захватывало всех сторон русской жизни: оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом народа, но давало мало указаний в деле государственного устройства». Однако с первых же лет по крещении Руси мы видим непрерывное воздействие русской Церкви, ее иерархов и святителей на государственно-политическую жизнь Киевской, а позже и Московской Руси, что проследим по основным вехам, предварительно отмежевавшись также и от западно-европейской католической церковно-политической традиции – приоритета церковной власти над государственной. Русская православная церковь не стремилась к подчинению себе государства, но и не подчинялась ему сама, как в Византии, тем не менее непрерывно и неуклонно воздействуя на политическую жизнь государства.

Вот краткий перечень подтверждающих фактов, сохраненных нам историей. Все без исключения русские летописцы, кадры которых составлялись только из числа иноков, не ограничиваются точным изложением протекавших на их глазах политических событий, но освещают их морально и идейно, разъясняя политические акты волей Господней и обосновывая ею же главную для всех идею единства Земли Русской.

Киевские великие князья беспрерывно совещаются не только по религиозно-моральным, но и по политическим вопросам с Печерскими святителями Антонием и Феодосием и ясно, что пещеры этих светочей Русской Церкви были одновременно и морально-политическими центрами государственности того времени. Первый русский митрополит св. Илларион, избранный Собором русских епископов, без участия представителей Византийского патриарха (позже низложенный греками), представлял собой яркую политическую фигуру, ближайшего сотрудника единоподданного русского князя Ярослава Мудрого.

На другом конце Руси владыки Новгородские беспрерывно принимали самое деятельное участие в политической жизни республики, регулируя борьбу ее партий, и подписи их неизменно стоят на всех чисто политических решениях веча. Св. Сергей Радонежский, создавший высокий образец пустынножительства, ни в какой мере не отрешался от участия в политической жизни молодого Московского государства, наоборот, провидя своим пророческим взором его будущее, он деятельно работал в современной ему политике, посещая пешком ради чисто дипломатических целей враждебных Москве Рязанских и Тверских князей, прекратил своим властным святительским словом княжескую распрю в Нижнем Новгороде и не только побуждал всю Русь того времени к борьбе за освобождение от татарского ига, но и *организовывал эту борьбу*, вовлекая в нее своими посланиями независимые от Москвы удельные княжества. К сожалению, эти послания были им писаны на бересте, вследствие чего не дошли до нас, но житие св. Сергия Радонежского, написанное его современником и ближайшим сотрудником, с полной достоверностью свидетельствует нам о религиозно обоснованной, но вместе с тем политической направленности этих посланий. Одновременно с ним и позже ближайшее и непосредственное участие в строительстве Московского государства принимают его митрополиты – Чудотворцы Московские. Начиная с Калиты и его преемников, они в гармоничном сочетании с политической княжеской властью вкладывают кирпич за кирпичом в храмину будущего царства Империи и закладывают религиозную основу ее политическому стержню – Самодержавию.

Колоритную политическую фигуру консервативного порядка представлял собою оппозиционер самовластия Грозного митрополит св. Филипп Колычев (знатного боярского рода). Вдохновителем реформ первого периода царствования Иоанна IV был протопоп Сильвестр, совершенно ясно очерченный нам историческими документами, «лидер» определенной политической партии того времени, что и послужило в дальнейшем причиной его падения. Столпом и твердыней национально-политического движения Смутного времени был патриарх Гермоген, замученный оккупантами-поляками, не как глава враждебного тогда католицизму православия, но как политический деятель, противоборствовавший утверждению их власти. Колоссальной политической личностью был и патриарх Никон, принимавший ближайшее участие вместе с царем Алексеем Михайловичем и его стратегическим штабом в подготовке и ведении войны за освобождение Малороссии и Белоруссии. О тесном слиянии и совместных действиях политической и церковной власти того времени ярко свидетельствует нам символический акт вручения наказа начальствовавшему освободительной армией воеводе от имени Пресвятой Богородицы, Домом Которой именовалась тогда Москва. Этот наказ лежал под ее Чудотворным образом в Успенском соборе и был оттуда вручен воеводе патриархом.

Разгром Московской Руси Петром Первым сломал и русскую церковно-политическую традицию. «Департамент духовных дел» и учрежденный Петром по лютеранскому западно-

европейскому образцу, всецело подчиненный светской власти Синод был им же полностью отрешен от участия в политической жизни страны. О результатах этого трагического в жизни Российской нации разрыва говорить не будем, потому что они у нас перед глазами.

Итак, целый ряд крупнейших исторических фактов на всем протяжении жизни государства Российского и Российской нации свидетельствуют нам об участии русской православной церкви в их жизни и развитии. Ныне же, в смутные дни Российского безвременья и одновременно в судьбоносные для бытия нашей родины дни и часы, перед нами невольно встает вопрос:

– Допустима ли в нашей современности так называемая аполитичность Церкви, Православной Церкви Российского Зарубежья в целом и ее иерархов в отдельности, вне влияния той или иной «юрисдикции»?

Этот вопрос может быть поставлен от лица всего антикоммунистического зарубежья в целом, и в данном случае получает на него некоторый, хотя и уклончивый ответ признания советской власти властью сатанинской. Но нас, российских националистов и монархистов, волнует и другой, неуклонно следующий за первым вопрос:

– В какой же форме мыслят наши иерархи государственную организацию освобожденной и возрожденной России?

На этот неизменно встающий в нашей душе вопрос мы не получаем ответа. Не слышим мы и молитвословий о здравии и преуспевании в благих делах *Наследника престола Царей и Императоров Всероссийских*, тех царей, рука об руку с которыми русская Православная Церковь строила великое государство и сквозь тяжкие испытания вела к благоденствию и духовному совершенствованию всю Российскую нацию в целом, что и составляло стержень русской церковно-политической традиции. Эту традицию мы отстаиваем в историческом плане и боремся за восстановление и утверждение ее в будущем.

*«Знамя России»,
Нью-Йорк, 23 декабря 1955 г.,
№ 134, с. 7–9.*

Гибель Новгородской демократии

Расцвеченная домыслами, вымыслами и не лишенным порой красоты поэтическим орнаментом сказка о новгородской вольности пленяла многие, очень многие умы русской молодежи минувшего века. Среди очарованных его мы встречаем имена действительно крупных людей.

Прославлению новгородской свободы посвятил свои лучшие строки поэт-декабрист Рылеев, но даже скинув его со счета, придется все же вспомнить, что созвучные строки мы найдем у Пушкина, Лермонтова и даже у столь трезво смотревшего на русское прошлое поэта, каким был граф А. К. Толстой. В их и многих других стихах звон набатного и, как свидетельствуют исторические документы, жиденького, легковесного вечевоего глашатая прекратился в мелодию гимна народной свободы.

Не отставали и историки, особенно те из них, кто был враждебно настроен к национально русской исторической традиции единовластия-самодержавия, как например, имевший шумный успех в свое время, легковесный, популярный, но не лишенный беллетристической талантливости Костомаров. Символом новгородского вечевоего колокола широко пользовались и политические деятели недавнего еще, памятного нам прошлого. В результате совместных усилий всех этих «властителей умов» в головах предфевральских поколений российской интеллигенции сложилось абсолютно неправильное, антиисторичное представление о развитии новгородской демократической республики и о ее гибели, произошедшей якобы по вине того же жупела всех российских прогрессистов – Самодержавия.

В XIV в., веке максимального расцвета экономического могущества Новгородской республики, ее территория намного превышала область носителя русской национальной идеи Великого Княжества Московского. О соотношении экономических баз обоих государственных образований и говорить нечего: Москва была бедна, Новгород был богат; Москва была вынуждена непрерывно расходовать все возможные для нее средства на выплату дани Орде, оборону и собственное строительство, – Новгород же непрерывно накапливал прибыли, пользуясь значительной безопасностью от нападений хищных кочевников: крымские и ногайские орды не достигали его, от Казани он был заслонен тою же бедной Москвою, а кроме того, обладал огромными колониями всего русского севера, жестоко эксплуатируемыми им, чего не имело Московское княжество-монархия. И все же в возникшей борьбе между двумя этими русскими государственными образованиями, монархией и республикой, республика пала, пала, как мы увидим, смрадно и позорно.

Гимназические учебники, формировавшие исторические взгляды предфевральских поколений российской интеллигенции, довольно скудно повествовали о новгородском вече, как о высшем органе управления этой республикой, о происходивших на мосту через Волхов локальных буйных схватках между различными группами его населения, о торговой и культурной связи Новгорода с просвещенным Западом, но давали очень мало сведений о подлинной социально-политической структуре самой республики и вытекавшей из этой структуры социально-политической ее жизни. Между тем новгородская, московская, суздальская, владимирская и псковская летописи того времени, исторические документы Польши, Литвы, Швеции и Тевтонского Ордена дают нам о Новгороде очень большое количество сведений, совершенно достаточное для того, чтобы представить себе полностью и всесторонне исторический быт этой крупнейшей республики Древней Руси.

Вся политическая структура новгородского государства была построена на принципе анархического по существу коллектива при полном отрицании и ярко выраженной враждебности к установлению какой-либо твердой, а тем более легитимистичной власти. Князь не был правителем Новгорода, но лишь наемником анархического коллектива, тщательно огра-

ническим во всех правах. В его обязанности входило лишь военное устройство республики и отчасти суд, но и то и другое князь вел под строгим контролем «совета господ», фактически управлявшего обширным и богатым государством. Именно «совет господ» и был верховным правящим органом Новгорода. Он, а не народное вече, шумное и бурное по форме, но по существу не представлявшее собой сколь-либо значительной политической силы. Этот «совет господ» состоял из «степенных», т. е. пребывавших в должности высших административных лиц – посадника и тысяцкого, а также и из наличных бывших ранее посадников и тысяцких, которые автоматически входили в него. Число членов совета колебалось, но состав их был всегда однороден. В «совет господ» входили только представители высшего промышленного боярства, т. е. крупнейшие финансисты республики, державшие в своих руках и контролировавшие всю ее экономику. Таким образом «с течением времени все местное управление перешло в руки немногих знатных домов», пишет В. О. Ключевский, «из них новгородское вече выбирало посадников и тысяцких, их члены наполняли новгородский правительственный совет, который собственно и давал направление политической жизни». О каком же народоправстве или хотя бы всего лишь влиянии подлинной народной воли на политическую жизнь республики можно говорить при такой структуре ее правительства? Миф о народной вольности Господина Великого Новгорода – только сказка, созданная верхоглядами и недоучками.

Но политические побрякушки, подменяющие в представлении ограниченных умов подлинное волеизъявление народа, в новгородской республике существовали. В ней были и политические и социальные партии, состоявшие меж собой в сложных отношениях, очень похожих на нашу демократическую современность. Была также и «министерская чехарда» по типу современной Франции. Так, например, в XIII в. произошли 23 смены посадников, но это крупнейшее административное место – премьер-министра, по-нашему – занимали всего 15 лиц, принадлежавших к богатейшим фамилиям. Выбирались, смещались и вновь выбирались, причем политическая борьба велась между двумя крупнейшими «концернами» (говоря нашим языком), семьями бояр Михалка Степанича и Мирошки Незденича, один из которых вел за собой группу крупнейшей буржуазии, а другой опирался на массы демократической бедноты.

В дальнейшем периоде, в течение последних десятилетий самостоятельной жизни республики, ее политические партии приняли несколько иной характер. Одна из них, сохранившая в себе общерусское национальное чувство, склонялась к компромиссу и подчинению Москве на договорных началах. Другая, возглавлявшаяся богатейшей семьей Борецких с прославленной поэтами посадницей Марфой во главе, держалась крайнего космополитического сепаратизма и влекла русскую республику к подчинению религиозно и национально чуждому ей Польско-Литовскому государству. Следует отметить при этом, что сторонники слияния с Москвой опирались на неимущие слои, а космополитические сепаратисты – на правивший слой крупных финансистов, игравший тогда роль современной банковской системы.

Были и социальные партии. Вернее, они эпизодически возникали, служа подсобным оружием партиям политическим в наиболее острые моменты их борьбы. Новгородская летопись пестрит сообщениями о локальных мятежах Торговой Стороны (социальных низов), об анархических действиях народных масс, разграблении ими домов и складов боярских фамилий и обратно, о репрессиях правящего слоя, направленных к подавлению этих хаотических волеизъявлений бедноты.

Снова ставим вопрос: представляла ли собой новгородская вольность хотя бы тень подлинного народного волеизъявления?

Не общенародные стремления к благосостоянию государства, повышению жизненного уровня его населения руководили политической и социальной жизнью «вольного Новго-

рода», но исключительно личные, корыстные, хищнические цели были основными стимулами его внешней и внутренней политики. Как сходна эта картина с тем, что мы видим теперь в так называемом свободном мире...

И еще одно разительное, трагичное и для погибшего Новгорода и для существующих ныне демократий сходство – катастрофическое ослабление оборонных средств, неизменный спутник дряхлеющих, утративших свой национальный стержень государственных образований.

Оборонные средства Новгорода состояли из дружины, которую приводил с собой по договору избранный князь, небольшого количества нанимаемых в острые моменты иностранцев и новгородского ополчения, т. е. мобилизации неимущих слоев. Княжеская дружина не представляла собой значительной военной силы. Никто из обладавших крупной боеспособной дружиной князей размножившегося Рюрика гнезда не шел, конечно, на малопривлекательную для него службу Новгородской республике. Иностранцы стоили дорого, и правящий строй, как и теперь, скупился на траты. Новгородское же ополчение, абсолютно не знакомое даже с примитивными основами военного дела, представляло собой порой многолюдную, но полностью хаотическую банду, также не являвшуюся достаточной для отражения врагов военной силой.

Результаты этого пренебрежения к организации собственной обороны ярки до смехотворности. При конфликте с Москвой в 1456 г. двести московских ратников под городом Руссой наголову разбили пять тысяч новгородских конных воинов, совершенно не умеющих биться в конном строю. Этими воинами были ремесленники Торговой Стороны, кое-как вооруженные и посаженные на коней при неумении ездить верхом. Военная катастрофа была неизбежна и (цитирую Ключевского) «в 1471 г., начав решительную борьбу с Москвой и потеряв уже две пешие рати, Новгород наскоро посадил на коней и двинул в поле сорок тысяч всякого сброда: гончаров, плотников и других ремесленников, которые, по выражению летописи, от роду на лошади не бывали. Сражение произошло на реке Шелони, и четырех с половиной тысяч Московской рати было достаточно, чтобы разбить наголову эту толпу, положив тысяч двенадцать на месте». Почти все остальные новгородские ратники, как повествует та же летопись, были взяты в плен, уведены в Москву и расселены по линии Оки в качестве свободных крестьян. Некоторая часть этого полона пополнила московские кустарно-промышленные пригороды.

Но тот же В. О. Ключевский утверждает, что даже если бы военная мощь Новгородской республики стояла на должной высоте, то катастрофический конец этого государственного образования был бы все же неизбежным. Борьба централизованного монархического молодого Московского государства с экономически сильнейшей, чем оно, Новгородской республикой была главным образом борьбой идей: целеустремленной общерусской национальной идеи, с одной стороны, и космополитической идеи местного сепаратизма – с другой. Политические руководители Великого Княжества Московского знали, чего они хотят, видели, хотя, быть может, и не совсем ясно, будущее своей нации-народа и неуклонно, шаг за шагом шли к этому будущему. Они имели руководящую идею. И эта идея служила залогом их победы. Новгородская «вольность» этой руководящей идеи не имела. Вернее будет сказать, что коллективное управление Новгородской республикой не имело вообще никакого идейного багажа, но лишь личные, эгоистические интересы сменявшихся у кормила правления лиц и группировок, и эти-то корыстные интересы звучали в ударах вечевого колокола, воспетых, как призывы к свободе, нашими поэтами...

Мы не знаем законов исторического развития человечества и отдельных его социально-политических обществ. Но это не значит, что таких законов вообще не существует. Шаг за шагом мы идем к их познанию и, как мне кажется, чего-то все-таки достигли в этом направлении. Исторический пример развития и гибели Новгородской республики невольно

наводит нашу мысль на ряд сравнений и аналогий с текущей современностью. И тогда, как и теперь, в меньших масштабах, конечно, боролись две силы: сила целеустремленной, четко оформленной идеи, с одной стороны, и хаотическая безыдейность, моральная скаредность – с другой. Не то ли самое видим мы и теперь? Отбросим моральный критерий сравнения национальной идеи Московского государства с идеей советского коммунизма красной Москвы. Отрицая и осуждая социал-коммунизм во всех его формах и проявлениях, мы все же должны будем признать, что политическая линия красной Москвы неуклонно направлена к определенной, четко оформленной цели, зверской, аморальной, но все же вполне ясной. Одряхлевшие, разъедаемые коррупцией демократии Запада этой цели не имеют и не видят, за исключением отдельных выдающихся политических деятелей типа Даллеса и Аденауэра. Но таких, к сожалению, немного и их голоса тонут в анархическом хаосе частных интересов.

Мы, русские националисты, как по эту, так и по ту сторону разделяющего нас железного занавеса, не состоим, к нашему счастью, молекулами демократического мира. Мы, к счастью, повторяю, отверженные им изгои, и счастье наше именно в том, что мы изгои, в силу обладания нами ведущей идеей воссоздания национального Российского надплеменного, надпартийного, надклассового государства. Только эта идея и может быть противопоставлена интернациональной идее красной Москвы и всего международного коммунизма. Она – положительный полюс борьбы, и в силу ее положительности конечная победа будет принадлежать ей. Пусть текущий день для нас сумрачен. Лучи рассвета уже брезжат.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 27 сентября 1956 г.,
№ 349, с. 7–8.*

Зарождение Восточной программы

Чрезвычайно глубокий по своему значению этап в развитии Российской нации-государства – взятие Казани и вовлечение средневожских татар в орбиту русской истории – принято рассматривать обычно, как блестящий, но обособленный эпизод. У изучавших отечественное прошлое в дореволюционные годы создавалось впечатление, что казанская победа не служила базой для целого ряда дальнейших событий, но была связана лишь с предшествовавшими ей, была ответом окрепшей России на татарское иго, своеобразной исторической мстью бывшего угнетенного бывшему угнетателю, бывшего раба бывшему поработителю и, следовательно, имела своей конечной целью порабощение татарского народа.

Взгляд этот глубоко ошибочен. Казанский поход 1554 г. ни в какой мере не являлся актом мести, т. к. к тому времени отношения между русскими и татарами проэволюционировали и по своему характеру были чрезвычайно далеки от психологической ситуации периода, предшествовавшего Куликовской битве. Победа на Куликовом поле вырвала с корнем из русского народного сердца страх перед татарами, а вместе с ним и ненависть к бывшим поработителям. Об этом свидетельствует начавшаяся еще при Василии Темном и развившаяся при Иоанне Третьем иммиграция татар на Русь. Эти иммигранты, устремлявшиеся под высокую руку Великого князя Московского, были принимаемы в Москве не только с радостью и открытым сердцем, но с вполне реально выраженным дружеством. Мирзы и уланы, не говоря уже о татарских царевичах, получали поместья и целые города «на кормление», высокие должности при великокняжеском дворе и в армии. Так, например, активный татарский руссофил, дважды поставленный от Москвы Казанским царем, Шиг-Алей, командовал довольно долгое время всей русской армией в Ливонии, а татарскому царевичу Касиму с его ордой была пожалована Василием Темным целая область вокруг Мещерского Городка Рязанского княжества в качестве самостоятельного (автономного) удела. Она носила даже громкое имя «царства» Касимовского. Ее правители имели собственную армию, входившую отдельным корпусом в русское ополчение. Самостоятельность Касимовского «царства» русский посол при дворе Сулеймана Великолепного Новосильцев характеризует так: «Государь наш посадил в Касимове царевича Саиб-Булата, мечети велел устраивать, как ведется в басурманском законе, и ни в чем у него воли Государь наш не отнял». Полное отсутствие элемента мести в дальнейшем, после взятия Казани, подтверждается и наставлением митрополита Макария, посланным им туда православным иерархам, в котором он, митрополит, категорически запрещает им применять какого-либо вида репрессии по отношению к мусульманам и ни в коем случае не принуждать их к переходу в христианство. В каком государстве Европы того времени жесточайших религиозных войн мы можем увидеть что-либо подобное?

Историки прошлого столетия, а в особенности составители популярных учебников, полностью игнорируют и общеполитическую обстановку того времени, в частности военную экспансию находившейся тогда в зените своего могущества Турции Сулеймана Великолепного. Экспансия этого молодого, крепкого и жадного государственного организма была направлена не только на запад – в Средиземное море и на Дунай, – но и на север. Крымское ханство уже входило, как вассал, в состав Отоманской Империи, пребывавшее в полуфеодальной зависимости Астраханское (Ногайское) ханство было всецело подчинено турецкому влиянию, и овладение всей линией Волги, следовательно Казанью, было не скрытым, но явным стремлением турецкой внешней политики. Турецкое влияние и даже турецкая военная сила энергично продвигались на северо-восток: в Крыму содержался постоянный гарнизон янычар, а казанская крепостная артиллерия была доставлена туда из Турции через Кафу. Следовательно, казанский поход не был локальным историческим эпизодом, но в международном плане был началом трехвековой упорной борьбы России с Турцией.

Те же либеральные историки приписывают казанскую победу всецело удачному взрыву казанских крепостных стен, произведенному иностранным саперным инженером, игнорируя тем деятельность московского «генерального штаба» того времени, как будто подобного мозга русской армии в то время вообще не существовало. Между тем, углубленное изучение источников совершенно ясно показывает нам, что орган, подобный теперешним Генеральным Штабам, существовал в правительстве молодого царя Иоанна IV, и что план похода и организация его были блестяще разработаны и осуществлены штабом. Во главе его стоял молодой тридцатипятилетний полководец князь Михаил Иванович Воротынский, получивший за свою деятельность в казанской операции высшее звание «слуги государева», специально учрежденное царем Иоанном. «Муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный», сообщает о нем летописец. Ближайшими к нему были князь Андрей Курбский, тогда еще двадцатичетырехлетний, блестящий кавалерист, как покажет дальнейшее, князь Петр Щенятев. Значительную роль играл также неудачный правитель, но опытный полководец, свергнутый казанский царь Шиг-Алей.

Стратегическая подготовка казанской операции была начата за год до нее, в 1551 г., постройкой на правом берегу Волги укрепленного городка Свияжска – военно-продовольственной базы. Этапные базы меньшего размера между Москвой и Свияжском были созданы и снабжены по двум линиям – южной, через рязанскую окраину, и более короткой – северной через Владимир-Муром-Алатырь. Эти «станы» позволили московскому командованию впервые в русской истории взять всю экспедиционную армию полностью на государственное снабжение продовольствием.

Впервые в казанской операции было введено в бой и только что организованное воинство, первое русское регулярное воинство – стрельцы, прикрывавшие огневой завесой при обложении Казани установку русской артиллерии и осадных машин. Техника этих машин также заслуживает большого внимания. Летописец сообщает, например, об осадной башне высотой в шесть сажен, вооруженной десятью пушками и, что интереснее всего, сооруженной русским инженером Иваном Выродковым, который привез ее под Казань в разобранном виде и под прикрытием стрельцов собрал и установил в нескольких десятках саженей от главных ворот казанской крепости. Огонь этой башни, по словам того же летописца, вынудил казанцев отойти от основной линии обороны (главных стен) и построить сзади них вторичные, временные, конечно, менее сильные укрепления. Следует отметить также, что летописец упоминает лишь об *одном* иностранном «розмысле» – инженере, но перечисляет многих его русских «учеников». Говорит он также о том, что русская артиллерия действовала под Казанью очень хорошо, стреляли метко, в то время как необученные казанцы не умели пользоваться турецкими пушками: «Худо бияху и ничтоже сотвориша». Организовывал и командовал артиллерией боярин Михаил Яковлевич Морозов. Им, очевидно, и были подготовлены кадры хорошо обученных московских артиллеристов.

Первым вопросом, вставшим перед штабом при подготовке похода, было его время. Проводить операцию зимой было бы значительно легче в отношении преодоления переправ, бездорожья и трудностей доставки снаряжения, но зимнее время не позволило бы применить во всей полноте московскую военную технику: земляные работы были бы невозможны. Мнения разделились, как мы знаем теперь: Воротынский стоял за лето, Шиг-Алей за зиму. Победило мнение Воротынского. Вопреки утверждениям историков, сообщающих, что под Казань была погнана ополченческая толпа в сто пятьдесят тысяч человек, сам Иоанн IV напишет позже Курбскому, что под Казанью у него было не более пятидесяти тысяч, считая сюда и касимовских татар и татар-иммигрантов бывшего царя Шиг-Алея. Следовательно, можем предположить, что юный царь Иоанн повел под Казань не всеобщее ополчение, но отборное, обученное и снабженное высокой по тому времени военной техникой войско.

Вторая, также ускользнувшая от либеральных историков, военная проблема похода носила внешнеполитический характер. Штаб царя Московского вполне обоснованно предполагал, что Турция ни в коем случае не упустит из поля своего зрения казанский поход и, пользуясь крымцами и ногайцами, атакует с фланга экспедиционную армию. Для отражения этой атаки была заранее подготовлена сильная кавалерийская группа под командованием князя Петра Щенятьева. Предположения оправдались: 16 июня 1552 г. главные силы Москвы, во главе с царем Иваном Васильевичем, выступили в поход, а уже на следующий день было получено сообщение о том, что крымско-ногайско-турецкая армия перешла Донец и продвигается к Туле. Русская кавалерийская группа была тотчас же выслана для ее отражения и значение ее подчеркнуто тем, что командующим был назначен высший в армии – сам князь М. И. Воротынский. Татаро-турецкая армия достигла Тулы, осадила ее, и летописец сообщает, что первыми на штурм были двинуты *турецкие янычары*, но были отбиты тульским воеводой князем Темкиным. Получив сведения о приближении конницы князя Воротынского, турко-татары сняли осаду Тулы и бежали. Но князь Петр Щенятьев настиг их и уничтожил тридцатитысячный арьергард, что говорит о весьма значительных силах, предназначенных для флангового удара по русской армии.

Сам взрыв стен, для которого было использовано пятьсот пудов пороха, конечно, произвел очень сильное впечатление, как на татар, так и на русских, но далеко еще не решил исход штурма. Резня продолжалась еще пять часов в самом городе, сопротивление татар было отчаянное, и победа беспрерывно склонялась то на ту, то на другую сторону, требуя от русских крайнего напряжения. Это подтверждается тем, что царь Иоанн был вынужден двинуть в город свой последний резерв – личную охрану. Следует отметить и здесь, что техника взрыва (свечка, поставленная в бочку с порохом) вряд ли требовала особых знаний от инженера. Не только иностранцы, но и русские уже применяли ее. Зажигательный же шнур применен не был, а рытье подземной галереи проходило, очевидно, под непосредственным руководством того же князя Воротынского, который, установив контрподкоп со стороны города, доложил царю о необходимости немедленного взрыва: «Невозможно-де и до третьего часа мешкати».

Все это вместе взятое дает нам чрезвычайно яркую картину, характеризующую высокий уровень военной мысли Московской Руси, ее самостоятельности и независимости от иностранных наемников, которые выполняли лишь второстепенные технические функции, и то далеко не всегда добросовестно и удачно. Московскими полководцами была выработана не только соответствующая русской психике тактика, но и основы стратегии.

Дальнейшие события говорят нам о широчайшем размахе этого стратегического мышления правительства царей Московских и о его глубокой народности в смысле связи военных действий с общенациональной, уже назревшей в народной душе идеей, получившей в дальнейшем имя Восточной Программы, идеи, принятой к осуществлению первым царем Иоанном IV и доведенной до конечного результата последним Императором Николаем II. Завершению ее помешала революция.

Рассмотрим стратегическую обстановку, создавшуюся после взятия Казани. Вся средняя Волга, от Нижнего до Самары, перешла во владение Московского царства. Этот факт сделал неизбежным овладение и южной Волгой – Астраханью, столицей ногайской орды. Правый южный фланг широкого продвижения на восток был обеспечен. Но это продвижение намечалось не по южному пути, а по северному, пользуясь водной магистралью Кама-Чусовая. Переход Казани в русские руки открывал и эту дорогу, защищая ее от неизбежных фланговых ударов со стороны самой Казани и подчиненных ей финских племен среднего и северного Урала.

Это продвижение было начато походом Ермака, организованным и финансируемым не самим московским правительством, но крупнейшими промышленниками того времени,

именитыми людьми Строгановыми. Факт, тоже заслуживающий большего внимания. Анализируя его, мы видим, что стимулы движения Руси на восток, за Каменный Пояс (Урал), были вызваны к жизни не хищнической завоевательной политикой верхов русского правительства, но стремлением самого народа на восток. Движение, подобное великому переселению народов с востока на запад. В данном случае застрельщиками этого движения, его авангардом стали русские промышленники, народившиеся и крепнувшие русские капиталисты, но не служилый военно-дворянский слой. Эти промышленники и вольные исследователи новых земель, получившие имя землепроходцев, по собственной инициативе шли впереди государственной администрации и сопутствовавших ей военных сил. Именно они рубили и ставили новые города и городки, после чего центральное правительство посылало туда воевод и гарнизоны стрельцов и служилого казачества.

Продвижение на восток шло в необычайно быстром темпе, что также доказывает его глубокую народность гармонию государственных и народных интересов, вернее учет государством потребностей народа, т. е. осуществление им национальной задачи, национальной проблемы, национальной идеи, уже вызревшей в массах.

Первого сентября 1582 г., всего через тридцать лет после взятия Казани, отряд Ермака выступил в поход, в 1586 г. была уже основана Тюмень. В 1587 – заложен Тобольск. В 1592 – Березов и Обдорск, почти на берегах Ледовитого океана. В 1604 – Томск, а через неполных два десятилетия мы видим русских землепроходцев уже на Амуре и на берегах Тихого океана. Это были вольные люди, действовавшие по своей собственной инициативе и побуждаемые к совершенным ими подвигам стимулами, выношенными в народной душе! Цари Московские сумели понять это, организовать хаотический порыв и укрепить его в русле, окончательный фарватер которого представлял законченный Государем Императором Николаем Вторым Великий Сибирский путь, прокладка которого прошла почти незамеченной в среде тогдашнего русского либерального общества, о чем свидетельствует в своей прекрасной книге «То, чего больше не будет» честная А. В. Тыркова-Вильямс. Огромные пространства Сибири с легкой руки спекулянта на поэзии Н. А. Некрасова были представлены русской интеллигенции, как гиблое место, царство кнута и произвола, как сплошная каторга.

«Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак!»⁴

Этим ошибочным, лживым взглядам мы обязаны непопулярностью русско-японской войны в широких массах, ее неудачам и вытекшей из них революции 1905 г., «генеральной репетиции» Октября, как говорят большевики.

Но подлинный дух народа во много раз мощнее мелочных душонок хаятелей своего отечества, а ход истории принимает иногда неожиданные парадоксальные формы. Страна кнута и произвола, место каторги и ссылки концентрирует в себе теперь усилия и надежды тех, кто был туда некогда сослан и их ближайших потомков.

Коммунистическая клика варварским, бесчеловечным способом, но все же активно разрабатывает богатства Сибири, национальные богатства России, заселяет ее необозримые площади. Что скрыто в сердцевине этого факта? Не победа ли духа народа, его исторических стремлений над чужеродными убогими мыслишками прогрессивных пошляков? Не подтверждение ли глубокой национальности Восточной Программы, последовательно осуществлявшейся всероссийскими царями и императорами, к продолжению которой вынуждены прибегнуть их враги, подчиняясь давлению изнутри, из массы народной? На этот вопрос нам ответит история и, быть может, в недалеком уже будущем.

---

⁴ Цитата из поэмы Некрасова «Русские женщины».

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 18 октября 1956 г.,
№ 352, с. 4–5.*

Вызволение хлопской Руси

На пепелище Руси Ярослава

Переяславская Рада, утвердившая воссоединение южной и северной частей раздробленной монгольским нашествием единой Руси Владимира и Ярослава, нам обычно рисуется так.

Собрались в Переяславле лихие, усатые полковники, сотники и казацьи судьи; вышел к ним батько-гетман, мудрый Богдан-Зиновий Хмельницкий, стал под бунчуком, поклонился казачьему братству и сказал свою историческую речь, а в ответ единым голосом воскликнули, выхватив свои острые, кривые сабли лихие полковники:

- Волим под Царя Восточного, Православного!
- Все ли так соизволяете? – спросил старый гетман.
- Все! – прогремел единодушный ответ.

Так рассказывают нам об историческом акте, свершившемся 8-го января 1654 г., страницы ходких учебников. Так парадно, стройно и торжественно представляют его нам авторы исторических романов, так рисуем его и мы самим себе.

Но последние седые бандуристы и теперь еще поют на полтавских и нежинских базарах:

- Богдане, неразумный гетмане!
- Ты предав Украину панам да прелатам...

А ведь песня – хранилище народной памяти. Где же правда?
Как родилось, где и почему возникло это противоречие?

Заглянем вглубь веков и попытаемся разгадать его, сопоставляя не только дошедшие до нас записи того времени, но и анализируя их при помощи нашего теперешнего опыта, опыта, данного нам пережитыми нами годами. Многому они нас научили.

Что представляла собой современная Украина в первой половине XVII в., в то время, когда она не носила еще этого названия, но хранила и отстаивала грудью свое прежнее родовое имя – Русь? Ведь впервые именуется она Украиной лишь в Андрусовском договоре 1667 г., да и то в качестве *польской* пограничной провинции.

Юго-западная Русь, простиравшаяся от Днепра до Сана, Русь Малая, Русь Белая, Русь Червонная, Русь Галицкая, Русь Волынская, Русь Подольская – Русь Владимира и Ярослава, ставшая Украиной – окраиной ополяченной Литвы и тогда лишь возрождавшаяся на пожарище татарского погрома; подлитовская Русь, непрерывно принимавшая на свою грудь жестокие удары то крымских и турецких орд, то литовских и польских полков, истекавшая кровью в этой борьбе, но неустанно борющаяся за то, чтобы остаться русскою Русью...

...Левый берег Днепра почти пуст. Нет еще ни Харькова, ни Чугуева, ни Белгорода. Лишь по прибрежной полосе его среднего течения ютятся небольшие городки – Переяславль, Кременчуг, – а дальше, на восток, до самого Дона раскинулось Дикое Поле, где бродят только хищные ногайские шайки, меряясь силами с ватагами донских казаков.

Юг – басурманский, крымско-турецкий, вплоть до самого Запорожья, куда на остров Хортицу стекаются буйные головы со всей Руси, где нет ни панов, ни крулевских жолнеров⁵, откуда нет выдачи бежавшему из магнатской неволи хлопцу.

Остатки Руси, уцелевшие после татарского погрома, медленно возрождаются только на правом берегу Днепра. Остатки? Но как же назвать их иначе? Ведь путешественник Плано

⁵ Польск.: *żolnierz* – воин, ратник (крулевский, т. е. королевский).

Карпини, побывавший в Киеве через полвека после Батгя, нашел на его пожарище только 200 жилых домов и одну церковь, а при Ярославе там было 400 церквей, и 8 базаров... Недаром же иноземцы считали Киев того времени вторым после Константинополя городом Европы. Конечно, только остатки. Но и они населены рабами. Вся страна во власти нескольких феодальных династий. Часть их – иноверцы, католики. Таковы магнаты Потоцкие, Конецпольские, Любомирские. Другая часть – православные магнаты: Острожские, Кисели, Вишневецкие. Но и те и другие – великие паны, сенаторы Речи Посполитой, республики Польской, абсолютные властители над жизнью, смертью и имуществом десятков тысяч своих подданных, судящие их своей расправой, облагающие их податями по своей воле, содержащие в своих крепких замках полки гусар и драгун и держащие в повиновении множество примыкающей к ним мелкой русской и польской шляхты. Они – сила! Что им король в Варшаве? Республика обеспечивает им полный разгул шляхетского своеволия. Ведь любой шляхтич имеет право отвергнуть на сейме приказ короля своим единоличным вето, не говоря уже о могущественных князьях и сенаторах, сопровождаемых на сейм своими полками...

Между вольною полноправною шляхтой и поработанным ею крестьянским «быдлом» – тонкая прослойка лично свободных, но далеко не равных в правах шляхте «реестровых казаков», объединенных в несколько полурегулярных полков. Число их изменчиво: то шесть, то десять, то двадцать тысяч. Они свободны от панских поборов, но обязаны воинской службой государству, республике. Без них ей не обойтись. Они принимают на себя первые удары турецких и крымских орд. Но они и страшны самой Республике, т. к. они – сила, которая в любой момент может стать против нее. Вот почему так колеблется их число: придет нужда – король и паны увеличат реестры, минует – снова убавят. Только они и именуются казаками, а остальное население – Русью. Само слово казак имеет не национальное значение, но выражает род военной службы, равно как драгун, гусар, улан. Республика не боится военных потерь реестрового казачества. Пополнения всегда найдутся. Неволя русского хлопа бесконечно тяжела, и он готов любой ценой заплатить за возможность вырваться из нее, что дает запись в реестр.

По временам вспыхивают народные восстания. Страшны и жестоки эти бунты. Доведенные до пределов отчаяния хлопы собираются толпами и жестоко громят панскую шляхту. Но стянут свои полки магнаты – и побита мужицкая русская рать... Страшнее бунтов расправа: на тысячах кольев корчатся восставшие хлопы, а их вожди варятся в котлах...

А реестровые казаки? Мы видим их во время этих восстаний то в одном, то в другом лагере. Привилегированные по сравнению с мужиками реестровые казаки далеко не всегда переходят на сторону «быдла». Чаше они остаются верными Республике и панам. Они не хлопы, но не полноправная шляхта. Они – военное сословие, служащее польскому королю под началом шляхтичей сотников и магнатов полковников и воевод. Знаменитый князь Острожский, православный сенатор, ведет их на бой против Московского Православного Царя и, попав к нему в плен, отказывается от предложенной ему высокой службы в Москве. Он предан своему иноверному королю. Он знает, что там, в этой королевской Республике, полный простор его панскому своеволию, его безудержному грабежу. Он, князь Острожский, сначала пан и сенатор Речи Посполитой, властитель десятков тысяч своих русских православных рабов, а потом уже сам русский и православный, которому, однако, православная Москва не с руки: ведь в ней тогда еще не было крепостничества, а столь тяжелого, как в Польской Республике, не было даже и позже в самые мрачные периоды. Казнь хлопа и даже сотен хлопов республиканским паном в воспринявшей культуру Запада Польше – обычное и дозволенное ее законами дело. А в России мы знаем лишь единичные случаи того же порядка, которые рассматривались как беззаконие и карались властью Царя. Кодекс

бытовой морали того времени – «Домострой» Сильвестра со всею силою восстает против барского самовластия и жестокого обращения с кабальными.

Если князья Острожские, создатели киевской Академии и защитники православной церковности, относятся отрицательно к национальнорусской Московской монархии, то каково же может быть отношение к ней со стороны остального панства и шляхетства южной Руси?

А хлопская, крестьянская, подневольная южная Русь?

Она-то с надеждой смотрит на Царя Восточного, Православного. Она-то шепчет: «Волим под его высокую справедливую руку»...

Обычное дело в республике

Началось с пустяка, с мелкого, повседневного в те времена происшествия. Шляхтич Чаплинский налетел со своей дворней на хутор Субботово шляхтича Хмельницкого, разграбил его, перебил слуг, самого пана Богдана-Зиновия продержал четыре дня в кандалах и, пользуясь покровительством магната Конецпольского, завладел его поместьем. Заурядное в Польской республике дело.

Хмельницкий подал в суд, но могучий покровитель Чаплинского, пан Конецпольский, не дал своего клиента в обиду. В ответ на жалобу Хмельницкого, Чаплинский заперол его сына плетью на Чигиринском базаре и попытался снова схватить самого Хмельницкого. Но тому удалось отбиться и бежать в Запорожье.

На что же рассчитывал шляхтич Хмельницкий, обращаясь к суду? Мог ли он не знать республиканских порядков, при которых в судах неизменно побеждал сильнейший, и справедливость оказывалась попоранной? Богдан-Зиновий Хмельницкий не был простым, темным казаком. Он сам был шляхтичем, даже не рядовым, а повыше – владел крупным поместьем. В юности он учился в иезуитской коллегии, свободно говорил по-латыни, слагал вирши по шляхетской моде того времени, знал и другие языки, т. к. успел побывать пленником в Стамбуле и свободным в Западной Европе: в Вене, в Пруссии и даже в Голландии. Западноевропейские понятия им были, несомненно, усвоены, и отражавшая их польская феодальная система была ему не только понятна, но и близка. Послужил он и при польском дворе, был даже близок к королю Владиславу, выполнял его тайные поручения.

Заветной мечтой этого короля, пламенного католика, был крестовый поход на турок. Но мало реальной силы было в руках «избранных народным хотением» королей Польской республики. Владислав располагал лишь несколькими тысячами немецких кнехтов, нанятых на приданое его жены. Магнаты же и шляхетство крестового похода не хотели, боясь усиления власти короля в случае победы.

У Владислава оставалась лишь одна надежда... на подъяремную кабальную Русь. Там, кликни король клич, объяви он свободу хлопам, вышедшим с ним в поход, – и двести тысяч войска стечется под его стяг, как стеклошь позже под знамя Хмельницкого. Именно это дело – подготовка к мобилизации приднепровского русского крестьянства в войско польского короля, вопреки интересам и желанию магнатов, сблизило в 1647 г. короля Владислава и шляхтича Богдана Хмельницкого, связало их общей тайной. Через Хмельницкого велись тогда переговоры с Запорожьем, через него же были посланы туда 60.000 злотых на снаряжение сотни морских «чаек», легкого флота для крейсерства при турецких берегах Черного моря и пресечения морской связи Турции с Крымом и Дунаем.

Позже эта служба была поставлена в вину Хмельницкому, но пока она давала ему покровительство короля, важную должность войскового писаря и даже жаловано королем высокое звание Запорожского гетмана, правда, лишь номинальное, т. к. фактически Сечью управляли кошевой и куренные атаманы.

Вот почему Хмельницкий мог рассчитывать на победу в своей тяжбе с Чаплинским. За тем стоял магнат Конецпольский, за ним же – король, тот король, который на тайном свидании с ним подарил ему саблю с недвусмысленным советом обнажить ее против магнатов. В Московском царстве подобное было бы невозможно, немислимо, но в республиканском королевстве Польском натравливание одной части населения на другую было обычным политическим приемом всецело зависевшей от сейма высшей власти. Принцип – «разделять и властвовать» – вполне естественным и логичным методом короны, т. к. она сама, передававшаяся по выбору, была участницей в партийной борьбе и далеко не всегда выходила из нее победительницей. Надпартийная всенародная власть ни в какой республике не возможна.

При столкновении Хмельницкого с Конецпольским у короля оказались коротки руки, и уповавшему на него Хмельницкому пришлось бежать. Этот побег был им, очевидно, заранее продуман, т. к. он поскакал в Сечь не с пустыми руками. В его седельных сумках были тайные грамоты короля к запорожцам, выкраденные Хмельницким у соучастника в заговоре, но, очевидно, изменившего Черкасского полковника Барабаша. В голове же, под красной шляхетской шапкой Хмельницкий таил широкие планы мести своему врагу, своим врагам.

Но были ли в ней мысли о воссоединении южной подъяремной литовской Руси с единокровной и единой ей Русью Московской? Этого мы не знаем. Вряд ли, шляхтич Богдан-Зиновий Хмельницкий оставался верен крулю Владиславу и Речи Посполитой, замышляя борьбу в стиле своего века лишь против своих личных врагов. Тоже обычное в Польской республике дело.

Шляхтич тягается с магнатами

Заурядным человеком своего века Хмельницкий, конечно, не был. Политик широкого масштаба соединялся в нем со смелым и вместе с тем осторожным, расчетливым полководцем.

Прибыв в Запорожье, беглец огласил там королевские грамоты, поманул вольницу обещанием привилегий, добычи, указал на возможность союза с Донским казачеством и Крымскою ордою, установил согласие с атаманами и тотчас же, в марте 1648 г., организовал свой собственный штаб на соседнем с Хортицей Томаковском острове, а сам, не теряя ни минуты, поскакал в Крым и там, поклявшись в верности хану на его ханской сабле, оставив заложником сына Тимофея, заручился помощью мусульман, зная, конечно, во что обойдется эта помощь населению русских земель, по которым пройдут его ордынские союзники.

Но что значили для шляхтича, воспитанного в понятиях польского республиканского феодализма, хлопская кровь и слезы?

Соглашение с ордою им было достигнуто быстро (крымцы всегда были готовы на грабеж), и в апреле он уже снова на Хортице, куда к тому времени запорожская старшина собрала все низовое войско с прилегающих островов и плавней.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 10 апреля 1954 г.,
№ 221, с. 5–6.*

* * *

Характерную и многоговорящую подробность сохранила нам летопись Велички: запорожское войско, кроме старшины, не знало о цели сбора, и поход против панов был объявлен на майдане, вместе с сообщением о союзе с крымским ханом. Этим союзом и козырнул там Хмельницкий, добившись благодаря и ему провозглашения себя гетманом и командова-

ния войском сверх атаманов. Но в поход он взял далеко не всех запорожцев, а лишь восемь тысяч отборных. Им был замышлен лишь глубокий рейд по правобережью Днепра, разгром магнатских и шляхетских гнезд внезапным быстрым налетом, но не народное национально-русское восстание против польского ига. Это признает даже его противник, коронный гетман Николай Потоцкий. В своем политическом донесении королю он обвиняет Хмельницкого не в измене польской короне, но лишь в своеволии, угрожающем имуществу панов и шляхты. Требования Хмельницкого, о котором он сообщает в том же донесении, также не содержат в себе лозунгов национально-народного восстания. Он добивается лишь удаления из реестрового войска польских и иностранных офицеров, возврата отнятых у реестровых казаков привилегий и увеличения их числа. Речь идет только о расширении прав русской шляхты Приднепровья, но ни в какой мере не распространяется на интересы всего его русского населения. Восстание не выходит из рамок военного бунта, однако, гетман Потоцкий уже предвидит эту возможность и припугивает ею правительство республики.

Но это припугивание – только прием партийно-политической борьбы, при помощи которого Потоцкий старается вбить клин между русской шляхтой Приднепровья и королем, попытавшимся противопоставить ее магнатам. В реальность угрозы не верит и сам Потоцкий, отправляя против Хмельницкого лишь небольшие местные силы под начальством неопытного в военном деле юнца, своего 19-летнего сына Стефана. Большую часть этих сил составляют русские реестровые казаки.

Потоцкий смотрит на этот поход только как на картельную экспедицию и уверен как в легкой победе, так и в верности реестровых.

Эта беспечность и политическая близорукость и губят его. Шедшие отдельной колонной реестровые перебивают своих офицеров, в том числе враждебного лично Хмельницкому полковника Барабаша, и переходят к запорожцам. Но даже с их переходом силы Хмельницкого еще слабы. Ему удается покончить с остатками карательного отряда лишь в упорной трехдневной битве у Желтых Вод.

Переход реестровых к повстанцам – грозный сигнал для украинского магнатства. Его значение понимают теперь уже оба гетмана – великий коронный – Потоцкий и польный гетман Калиновский. Однако, каждый из них, даже в этот критический момент, остается прежде всего своевольным республиканским магнатом. Общегосударственные интересы им чужды. Выступив со значительным войском, они действуют вразброд и терпят страшное поражение под Корсунью, куда к Хмельницкому стеклись уже крупные силы местных крестьян-повстанцев.

Регулярное польское войско уничтожено. Оба гетмана в плену. Но это еще не самое страшное для Речи Посполитой. Много страшнее ей то, что шляхетская ссора, перешедшая в военный бунт, теперь разрослась уже в народное восстание, и сам Хмельницкий, вольно или невольно, стал его вождем, народным вождем, стихийно вознесенным на гребень поднявшейся волны.

Третья сила

Теперь все приднепровское магнатство бьет тревогу.

«Рабы господствуют над нами», – пишет через две недели после корсунского поражения (31 мая) православный магнат Кисель католическому Гнездинскому магнату-архиепископу.

Кисель много дальновиднее гетмана Потоцкого. Он ясно понимает, что социальная крестьянская война уже началась, но сознает и то, что время ее перехода в национальную борьбу еще не наступило. Поэтому он советует «приласкивать» реестровых казаков, «допускать для них исключения из законов». Каких законов? Ясно, что тех, пользуясь которыми

как польско-католическое, так и русско-православное панство (к которому принадлежит сам Кисель) держат в кабале русское же православное же крестьянство.

Колеблется еще и сам Хмельницкий. Лишь став прочно под Белой Церковью, он рассылает по Приднепровью свой первый приказ к всеобщему восстанию, универсал, размноженный всего лишь в 60 экземплярах. Однако, достаточно и этой искры. Крестьянская стихия уже всколыхнулась. Повсюду самочинно, без связи с Хмельницким, создаются «гайдамацкие загоны» – вольные крестьянские отряды, громящие шляхту. В этой среде уже назревают чисто национально-русские устремления, что улавливает и тонкий политик Кисель. Он предвидит даже возможность отложения всей южной Руси от Польши и воссоединение ее с Русью Московской. «Кто поручится за них», пишет он тому же Гнездинскому прелату, «одна кровь, одна религия». Но ведь он сам русский и православный? В чем же дело, почему за «них»? Ответ: потому, что он – магнат Республики.

Эти открывающиеся возможности предвидит и правительство Московского Царства, зорко следящее за происходящим на Днепре через Путивльского воеводу Плещеева. По мирному договору с Польшей Москва обязана помогать ей в защите против крымских татар, и юный царь Алексей Михайлович свято соблюдает эти обязательства. При первых известиях о движении союзной Хмельницкому Крымской орды в пограничном Путивле концентрируются около сорока тысяч русского войска. Но донесения воеводы Плещеева о начавшейся народной войне, в которой крымцы являются хотя и опасными, но все же союзниками восставших русских крестьян, резко изменяют политическую ситуацию. Из Москвы срочный приказ: собранное войско не возвращать, но и не наступать, сохраняя выжидательный нейтралитет, несмотря на то, что крупнейший магнат-сенатор, носящий звание воеводы русского (начальника всех территориальных войск Приднепровья) князь Иеремия Вишневецкий настоятельно требует выступления.

Политическая разведка воеводы Плещеева очень активна. В архиве министерства иностранных дел сохранился документ – донесение одного из агентов, посланного из Севска стародубца Гр. Климова, в котором он верно и детально разъясняет характер начавшейся борьбы и отмечает уже проступившие черты национального сознания масс, которых еще не видит или не хочет видеть Хмельницкий. «Жида многие крестятся и пристают к их же войску (повстанцам), а лях, если и захочет креститься, того не принимают, всех побивают», – пишет он и подчеркивает, – «в войске же всех чинов *русские* люди, кроме ляхов, (войско) пошло за Днепр, к Путивльскому рубежу, на местности Потоцкого, Вишневецкого и Киселя, города у них побрали, а крестьяне идут в казаки». Речь здесь идет, несомненно, о крестьянских отрядах, т. к. сам Хмельницкий Днепра не переходит, а остается на правом берегу, под Белой Церковью.

Он также часто пишет воеводе Плещееву, но в этих его письмах нет и намека на возможность вхождения южной Руси в состав Московского Царства. Он ищет в Москве лишь силу, при помощи которой может принудить Варшаву к выгодному для себя соглашению и советует Царю ударить в западном направлении, на Литву и Белоруссию, но не на юг к Киеву, где ему самому, ополченному своевольцу, русская государственность поставит предел. Возможность слияния с Московской Русью он допускает только в случае присоединения к ней всей Польши в целом, но не в отрыве южнорусского народа и, главным образом, его шляхты от Республики. Тогда вместе со всем панством, дело будет иное, но переходить в одиночку на положение русского служилого дворянства он, шляхтич вольный, не намерен. «Мы желаем», – пишет он Плещееву, – «чтобы государь Алексей Михайлович был и нам и ляхам государем и царем... царю вашему желаем королевства Польского».

Одновременно с этим он начинает переговоры о соглашении с Варшавой. Момент удобен. Король Владислав умер, и кандидатам на его место важны голоса русской шляхты и магнатства. Возможность подавления восстания путем отрыва от порабощенного крестьянства

реестровой полушляхты привлекает владеющих поместьями на Руси магнатов. Все это придает голосу Хмельницкого особый вес, и он, как полноправный шляхтич Республики, подает его за Яна Казимира, послав предварительно в Варшаву 13 пунктов петиции, на основе которых предлагает соглашение. Речь в ней идет исключительно о защите интересов русского шляхетства Приднепровья и его военной опоры – полушляхты, реестровых казаков, состоящих на службе Речи Посполитой. О кабальном русском крестьянстве, о «быдле» – ни слова.

Хмельницкий требует задержанного жалованья реестровым, жалуется на неправильный раздел военной добычи в прошлом и просит о расширении их имущественных прав. Но тщетно будет искать в этой петиции верноподданного крулю польскому какого-либо национального русского оттенка. Даже религиозного вопроса, казалось бы, основного в этом случае, Хмельницкий касается лишь вскользь, в самом последнем пункте, скромно прося лишь о возврате переданных униатам православных церквей. Зато клятв в верности Речи Посполитой Хмельницкий дает более чем достаточно.

Эта петиция имеет успех у временного правительства Республики. Для установления соглашения назначена комиссия и во главе ее поставлен тонкий политик и блестящий оратор, русский православный магнат, сенатор Республики – Кисель.

«Издавно любезный мне пан и приятель, – пишет он Хмельницкому, – нет в целом свете государства, равного нашему отечеству правами и свободой... Нужно как можно скорее прекратить несчастное *домашнее* замешательство». Он обещает Хмельницкому дружбу Республики и требует пока лишь отвода ордынцев. Хмельницкий охотно выполняет это требование, о чем сообщает письменно и добавляет: «А к Республике с покорностью и верным подданством мы отправим послов». Республиканские шляхтичи вполне понимают друг друга.

Магнат Кисель ликует и тотчас же сообщает архиепископу-примасу о достигнутой им дипломатической победе, главным в которой он считает то, что «Хмельницкий уговоривал повстанцев и ему помогали другие казацкие старшины». Уговаривал же гетман мириться с панамы военную Раду, всю громаду в 70 тысяч человек.

Кто составлял ее? Ведь запорожцев с Хмельницким пошло лишь 8.000, а реестровых было всего-навсего 6.000?

Остальную часть, подавляющее большинство повстанческой армии (не менее 50 тысяч) составляли крестьяне, те, свободу которых Хмельницкий не защищал и защищать не собирался.

Но он сам уже не владел развитием движения. Оно стихийно развертывалось помимо него. Все южнорусское крестьянство бушевало, вырезывая шляхту и магнатов. Им был выдвинут, помимо Хмельницкого, и другой вождь – не принадлежавший к шляхте Кривонос, который вступил в смертельную борьбу с могущественнейшим из магнатов новообращенным католиком, но русским по крови и православным по воспитанию князем Иеремием Вишневецким и с другим мощным магнатом, столпом православия, князем К. Острожским. Кривонос разбивает их в двух боях под Константиновым.

Энергичный и талантливый полководец Вишневецкий продолжает борьбу с ним, жестоко расправляясь с крестьянами.

– Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают, – приказывает он палачам.

Но мягкотелый Острожский в ужасе вопит, требуя помощи у католического примаса: «Я не мог устоять под Константиновым, потому что сила неприятельская неслыхана. Теперь уведомляю Вас, что уже пахнет конечной гибелью».

В тон ему стонет и другой русский православный магнат, воевода Киевский Тышкевич: «Наши братья делаются добычей неприятеля, – пишет он примасу, – каждый холоп есть наш неприятель, каждый город, каждое селение мы должны считать отрядом неприятельским». Так характеризует он свое отношение к южнорусским православным крестьянам.

«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 17 апреля 1954 г
№ 222, с. 5–6.

* * *

Крестьянская война охватила уже весь край. К Хмельницкому стекло́сь свыше 120.000, не считая группы Кривоноса и остальных «гайдамацких куп». Шляхетство в панике бежит в Польшу, но тонкий политик Кисель не унывает. Он правильно оценивает расстановку сил, знает, кто враг и кто союзник, и добивается того, что Хмельницкий арестовывает

Кривоноса, казнит сотню его мужицких подручных, а всех взятых им в плен шляхтичей выпускает на свободу. Это большой успех для всего панства. Однако князь Острожский портит дело, напав на повстанцев. После первого успеха, он снова начисто ими разбит.

Панство бессильно. Поднятый на гребень волны крестьянского русского движения, Хмельницкий торжественно вступает в Киев.

«Ты предал Украину, Богдане...»

Дорога в беззащитную Варшаву открыта. Город Львов выплатил Хмельницкому огромную контрибуцию и Крымской Орде заплачено. Хмельницкий стоит под замостью в Галиции. У него 150.000 войска, у панов лишь 5–6 тысяч, значительная часть которых – ненадежные реестровые казаки. Казалось бы, время покончить последним ударом с Речью Посполитой и освободить всю южную Русь от владычества иноверных панов, вывести из неволи порабощенных единоверцев. Но Хмельницкий иного мнения. Он бездействует, ожидая выборов нового короля и по первому слову избранного Яна-Казимира (которого он интимно именуется «мой пан») не только отводит войска назад, к Днепру, но распускает крестьянское ополчение и ожидает в Киеве парламентаров бессильного нового короля.

Хмельницкий теперь уже сам – первый магнат на опустевшей после бегства польского панства южной Руси. Его личные враги Конецпольский и Потоцкий повержены. Субботово превращено в огромное поместье и в нем зарыты десятки бочек серебра. Хмельницкому принадлежит все Чигиринское староство и захваченный у Конецпольского Млиев с 200.000 талеров годового дохода. Кто из магнатов сравняется с ним в южной Руси? Да и на неоправившейся еще после смуты Московской Руси сам царь, пожалуй, беднее его.

Чувство мести удовлетворено. Перед гетманом встают иные планы. Корона номинально вассального, но фактически независимого князя-магната Польши, Венгрии или Турции рисуется совершенно реально. Ее уже предлагают ему послы Венгерского Потентата Юрия Ракоци и турецкого султана. Намечается союз с молдавским и валашским господарями. Дочь одного из них он сватает за своего сына.

А Московское православное единоверное Пдрство? Оно меньше всего интересуется пана гетмана. Там нет ни удельных князей, ни самовластных магнатов, ни тех богатств их, которые обеспечивает жесточайший крепостнический режим Польской республики или поголовное рабство христиан в мусульманской Турции. Там все дворяне служат родине, в лице ее царя, и шляхетскому своеволию нет места. Поэтому царский посол Унковский встречен гетманом очень холодно. Сдержан и посол: он желает Хмельницкому успеха *только* в том случае, если восстание ставит себе *религиозные* цели, т. е. базируется на той же моральной основе, как и политика возродившегося из пепла смуты Русского Царства.

Зато послы Яна-Казимира приняты гетманом с великою честью: парадом войск, громовым салютом, сбором всей Рады и народа. Немудрено. Сенатор Кисель и князь Четвер-

тинский привозят Хмельницкому признание его гетманом, осыпанную сапфирами булаву и знамя с белым орлом – гербом Республики.

Но что привозят южнорусскому народу эти вельможные паны, русские же по крови? Что ожидает ту сотню тысяч ратной «черни», которая купила победу Хмельницкого своей кровью?

– К чему вы, ляхи, привезли нам эти детские игрушки? – кричат из толпы. – Вы хотите, чтобы мы, скинувши панское ярмо, опять его надели?

В этих криках ясно слышится и недоверие к самому Хмельницкому. Но его престиж народного вождя еще крепок, и он может пока владеть толпой. Готовое вспыхнуть восстание приглушено, и переговоры начаты. Однако, Хмельницкий слишком умен, чтобы не понимать своего положения. Он знает, что остановить крестьянскую войну ему не по силам, но знает также, что балансируя на гребне ее волны, он сможет достичь многих своих личных целей.

– Что толковать, – кричит он, подвыпив, магнатам, – ничего не выйдет из вашей комиссии. Война должна начаться недели через две или четыре. Переверну я вас, ляхов, кверху ногами! Я теперь единогласный самодержец русский. Весь черный народ поможет мне по Люблин и по Краков. У меня будет двести, триста тысяч войска!

Пьяное хвастовство удачливого гайдамака играет в этих словах второстепенную роль, главную же – явно проступающая в них, твердо определившаяся в сознании Хмельницкого программа организации южнорусского удельного княжества из бывших уделов Литовской Руси. Но об Украине, как о части иного от Польши государства, нет и речи. Нет и сознания национального единства русского народа, которое уже выросло в Москве, на полях, осемененных словом св. Сергия Радонежского и политых кровью ратников Дмитрия Донского. Там, в Царстве Московском, это единство уже давно оформлено творческой волей князя-царя Иоанна Третьего и непрерывным конструктивным трудом всей нации в целом. Здесь же, в Киеве, объединение литовско-русских уделов – только авантюра удачливого вождя и его ближайшего окружения. Там – народ, здесь – «партия». Эти концепции и представлены в предьявленных Хмельницким условиях мира. Их лейтмотив – вытеснение из русских областей Республики польского влияния в целом, гарантия прав новых «революционных» магнатов и шляхетства в ущерб побежденным магнатам – Вишневецкому, Конецпольскому и Потоцкому.

На паны, ни правительство Республики принять этих условий не могли. Война стала фактом, и обе стороны мобилизовали все свои силы: Польша – магнатское войско, под командой князя Вишневецкого, и Посполитое рушение (всеобщее ополчение) с самим королем во главе, а южная Русь произвела небывалую добровольную мобилизацию не только крестьян с обоих берегов Днепра, но и горожан, вплоть до бургомистров, войтов и канцеляристов. Крымский хан пришел на помощь Хмельницкому со всей ордой. Султан прислал 6.000 янычар. Вольные отряды выслал Дон. Сама южная Русь дала 24 огромных казачьих полка. Некоторые из них достигали до 20.000 бойцов и, кроме того, много отдельных гайдамацких отрядов. Под бунчуком Хмельницкого собралось настолько значительное войско, что он смог отделить часть его для действий в Белоруссии, осадив главными силами Вишневецкого в Збараже, а при приближении короля со всеобщим ополчением, не снимая осады, двинулся к нему навстречу со всей конницей, ханом, турками и нанес ему поражение под Зборовым.

Здесь – зенит Хмельницкого как полководца и как народного вождя. Но понимая внутренние противоречия шляхетских целей и чаяний народного ополчения, он сознает и непрочность своего положения в случае полного разгрома Республики. Компромисс с ней для магната Хмельницкого выгоднее. Поэтому он не добывает войск короля, не штурмует и Вишневецкого, но прекращает наступление и шлет королю лицемерно повинное письмо одновременно с предложением тяжелых для польского панства мирных условий, которые (это знают и хан и гетман) Республика будет вынуждена принять.

Союзнику хану – огромная контрибуция единовременно и ежегодная крупная дань. Хмельницкому – уже не шесть и не двенадцать, а сорок тысяч реестрового войска и магнатское полновластие от Московского рубежа до Днестра. Крестьянству – ничего. Религиозный вопрос под сукно до решения его на сейме.

Условия приняты Республикой, и полноправный гетман на коленях целует руку короля. Есть за что. Вот тогда, вероятно, и зародилось зерно песни:

«Богдане, гетмане... предал Украину панам да прелатам».

Москва присматривается

Но почему же в течение всех этих трагических для южной Руси событий молчит Москва? Неужели все перипетии борьбы южной Руси проходят вне внимания Руси северной? Или расшатанное смутой Русское государство бессильно? Или там не осознано еще национальное единство русских севера и юга?

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 22 мая 1954 г.,
№ 227, с. 7.*

* * *

Ни то, ни другое, ни третье. Правительство царя Алексея Михайловича зорко и внимательно следит за всеми деталями борьбы и учитывает не только временные военные успехи, но и соотношение политических сил во всей их полноте. Это правительство воспитано уходящей вглубь веков государственной традицией, которой оно следует продуманно, точно и неуклонно. Русское государство строится не на рывках временного успеха, но вкладывая камень за камнем в прочную национально-государственную стройку. Авантюрам места нет. Отсюда недоверие Москвы к чуждому ей своим шляхетским духом удачливому выскочке Хмельницкому.

А кому же доверие? Доверие царственной Москвы, как всегда, – народу; опора на его силу; учет его чаяний и интересов. Царская Москва знает, что предание крестьянских интересов гетманом-магнатом не может не вызвать реакции в массах. Она предвидит и формы, в которых выразится эта реакция, учитывает их и готовится к ответу на них.

В то время, как гетман и полковники празднуют победу и спорят за раздел ее плодов, путивльскому воеводе князю Прозоровскому уже послан приказ: «Черкас (южнорусских), которые из литовской стороны придут в Путивль на государево имя, принимать. В городах, которые от литовской стороны, жить им от поляков опасно. Принимать черкас женатых и семьянистых, а одиноким, у которых племени в выходцах не будет, сказать, чтобы шли на Дон, для чего давать им прохожие памяти». Одновременно путивльскому воеводе приказано выслать за рубеж усиленную политическую разведку. Двое из таких агентов направлены к самому Хмельницкому под предлогом подачи жалобы на бесчинства его пограничного конопского атамана. Опьяненный победой гетман принимает их в высшей степени сурово. Он отвечает на жалобу ругательствами и угрозами.

– Пусть ваши воеводы ждут меня к себе в Путивль! Иду я войною на Московское государство. Вы о пасаках хлопчете, а я все города московские и Москву сломаю. Кто на Москве сидит, и тот от меня не отсидится!

Хмельницкий хочет припугнуть царя Алексея Михайловича, чтобы тот не посягнул на его южнорусскую автономию. Для этого он пишет также Брянскому воеводе:

«Говорил мне Крымский царь, чтобы мне идти с ним заодно Московское государство воевать, а я Крымского царя уговорил, чтобы Московское государство не воевать».

Но Москву не запугать. Она знает, как и с кем вести дело. Пограничным воеводам приказано не сноситься лично с Хмельницким, а к нему самому направлено теперь уже твердое посольство Григория Неронова с суровой грамотой самого Царя. Хмельницкий трусит за свой блеф о совместном с Крымским ханом походе на Москву и сваливает вину за него на донцов, грабящих Крымские берега:

– Царского величества подданные донские казаки учинили мне беду и досаду великую, и если царское величество за донских казаков будет стоять, то я вместе с Крымским царем буду наступать на московские украины, – говорит он Неронову.

– Тебе, гетману, таких речей не только говорить, но и мыслить непригоже, – осаживает его посол и в ответ угрожает прекратить доставку хлеба в разоренную Киевскую Русь. Гетман трусит еще сильнее и доходит до явно нелепого вранья, что не только сам он мечтает о подданстве Москве, но и Крымский хан жаждет того же, о чем говорил ему, Хмельницкому.

– Это дело нестаточное, – отвечает посол, – то есть, заврался ты, пан гетман.

Разговор краток, но выразителен. Лично Хмельницкий ясен опытному в посольских делах дьяку. Но этой ясности только самого гетмана ему мало. А народ? Он чего хочет? Вот в чем главная задача. Проезжая по селам и городам, Неронов составляет широкую сводку народного мнения, столь ценимого в Кремлевском дворце.

«Всяких чинов люди, – пишет он, – войны и разорения погибают. Кровь льется беспрестанно. За войной хлеба пахать и сена косить им стало некогда. Помирают они голодную смертью и молят Бога, чтоб Великий Государь над ними был государем. А иные, многие хотят и теперь в государеву московскую сторону перейти. Государство Московское хвалят».

Попутно Неронов устанавливает цену и шляхетскому окружению гетмана – берет на постоянное тайное жалованье ближайшее к нему лицо – генерального писаря Выговского и получает от него ценные сведения.

Теперь Царю Алексею Михайловичу и его правительству все ясно: противоречия гетманской власти и стремлений южнорусского народа, невозможность выполнения статей Зборовского договора, шаткость самого гетмана, в целом же – неизбежность дальнейшей борьбы южно-русского крестьянства с поработившей его шляхтой и, главное, – тяготение этого крестьянства к Царю Северному, Православному, в царстве которого крестьянин – не личная собственность пана, как в Республике, но лишь подчиненная ему, в совместной с ним службе государству-родине, личность.

Вывод – пора выступать. В Варшаву направлено великое посольство Гаврилы Пушкина для дипломатической подготовки к расторжению договора с Польшей, а южная граница широко открыта для всех ищущих защиты своих национальных прав под высокой рукою Царя всея Руси.

Московское царство верно своей русской государственной традиции и здесь. Религиозная основа – спасение погибающих единоверцев, прием их под свою защиту не как нежелательных нахлебников, но как полноправных русских людей, как братьев по вере и крови, сочетается в ней с национально-государственным интересом – созданием на Диком Поле, между Днепром и Доном, организованного пограничного буфера из воинов-хлебопашцев.

Метод этот уже не раз испытан Москвой и дал прекрасные результаты по освоению новых земель на Дону, в Заволжье и Сибири. Переселенцы получают бесплатно крупные земельные наделы, государственную помощь в форме налоговых (тягловых) льгот, широкое местное самоуправление и, главное, – свободу от панской неволи. Они ставятся в зависимость лишь от олицетворяемого Царем государства, которому обязываются воинской службой, сохраняя и в ней формы территориального самоуправления. Такова была построенная на принципе народности внутренняя государственная политика Московского царства. Ее

результаты быстро проявились и в данном случае. Заселение Дикого Поля пошло быстрыми шагами. Образовалась новая оборонная линия против крымских орд, значительно продвинутая к югу. Вырос целый ряд поселений и городков: Ахтырка, Харьков, Белгород, Новый Оскол, Гожск и другие. Печенежская, половецкая, татарская степь стала русским краем, Дикое Поле – крестьянским полем.

Быстрому заселению этого края, помимо своей воли, помогал Хмельницкий. Выполняя условия Зборовского договора, он возвращал бывших своих ратников в панскую кабалу и подвергал сопротивлявшимся жестоким репрессиям. Заградительные заставы, поставленные им для пресечения потока эмиграции за Московский рубеж, не могли остановить беспрерывно усиливавшегося движения.

Провал авантюры

Социальная справедливость и лживость шляхетско-панского Зборовского договора не замедлила дать свои плоды. Ни Хмельницкий, ни магнаты Республики не имели возможности выполнить свои взаимные обязательства. Для реализации статей договора им нужно было преодолеть «третью силу» – вздыбившуюся волну южнорусского крестьянства.

Обделенный в Зборове народ не хотел возвращаться под крепостническое ярмо, а Хмельницкий по договору был обязан его туда вернуть; зачислить в сорокатысячный казачий реестр трехсоттысячную массу повстанцев и наделить их землей за счет магнатов было, конечно, невозможно. Компромисс – превышение реестра на несколько тысяч – не только не помог, но осложнил положение, вызвав протест сената. Ради сохранения власти Хмельницкому пришлось безоговорочно стать на сторону шляхты: снаряжать карательные экспедиции и загонять хлопов в кабалу.

«Хмельницкий по жалобам владельцев вешал и сажал на кол непослушных», – вынужден свидетельствовать даже пламенный поклонник его памяти украинский историк Н. Костомаров, – «отрезал им уши, вырывал им ноздри, выкалывал глаза и т. д.».

– Разве ты ослеп и не видишь, что ляхи хотят покорить тебя с верным народом? – говорит Хмельницкому полковник Нечай, и эти его слова заносит в книгу южнорусский летописец.

Однако, гетман видит разверзшуюся перед ним бездну столь же ясно:

«Сорок тысяч реестровых казаков, а с остальным народом что я буду делать?» – пишет он магнату Киселю, – «Они меня убьют, а на панов все-таки поднимутся».

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес,
5 июня 1954 г.,*

* * *

Хмельницкий не ошибался. Вооруженная толпа вскоре напала на его замок в Киеве, где он заседал с делегатами сейма, и только личная храбрость старого бойца помогла ему спасти себя и того же православного сенатора Киселя.

Крестьянская война уже бушевала по всей южной Руси, а правительство Республики лишь подливало масло в огонь. Универсалы короля, угрожавшие непокорным хлопам введением в русские области коронных войск, были встречены массовым погромом шляхетских усадеб. Отдельные полки реестровых, не повинувшись гетману, вступали в бой с войсками Речи Посполитой. Эти битвы шли с переменным успехом: честный и прямой Нечай погиб, разби-

тый коронным гетманом Калиновским, но и сам Калиновский потерпел жестокое поражение от лихого полковника Богуна.

«Не было деревни, где бы бедный шляхтич мог зевнуть свободно», – пишет польский поэт и историк Твардовский.

«Лучше воевать, чем иметь подданных, но не владеть ими», – докладывает королю даже упорный сторонник соглашения сенатор Кисель.

Хмельницкий в тупике, и выход из него указывает сам народ, толпами переваливающий за рубеж Московского царства.

Но, всецело пропитанный тенденциями польской республиканской «вольности», ставший сам теперь магнатом, шляхтич не хочет вступить на этот путь. Обязательная государственная служба дворянского Московского царства для него неприемлема. Он предпочитает искать спасения в союзе с ханом, с султаном, молдавским и волошским господарями, феодалами Венгрии и даже Швецией, но не с народной Московской монархией. В ней он видит врага всего панства в целом и своего личного. Даже при улаживании мелких инцидентов он не может сдержаться и грозит царским послам:

– Вот я пойду, изломаю Москву и все Московское государство! Да и тот, кто у вас в Москве сидит, от меня не отсидится.

Одновременно он пытается припугнуть правительство Алексея Михайловича крымским ханом, а свой собственный народ, валящийся за Московский рубеж – строжайшими приказами расставленным по рубежу караулам. Живший в Киеве греческий монах Павел пишет Царю, что Хмельницкий клялся на образ Спаса:

– Клянусь, что пойду на Москву и разорю ее хуже Литвы!

А тайный агент Московского правительства, генеральный писарь Выговский, подтверждает эти настроения самого гетмана и ближайшей к нему старшины. В связи с этим становится понятным, что Москва медлит с решительным шагом и выжидает.

Но события разворачиваются помимо воли правителей, и 20-го июня 1651 г. Хмельницкий, в союзе с Крымским ханом, вынужден сразиться с главными силами Республики под Берестечком на Стыри.

Тут происходит развязка, вернее разрыв сложного и запутанного узла религиозных, национальных и социальных противоречий.

Хан при первых выстрелах уходит с поля битвы со всей ордой. Хмельницкий передает командование какому-то Джеджалыку, скачет за ханом вдогонку, даже без значительного конвоя, с целью уговорить его вернуться. Но хан арестовывает гетмана, равно как и прискакавшего вслед за ним Выговского, арестовывает их без сопротивления... и не с согласия ли их самих, пытающихся укрыться в его войске, как невольного хочется спросить при взгляде на последующее.

Оставшееся на поле битвы и далеко не разбитое еще в тот момент южнорусское войско отходит к своему укрепленному обозу и замыкается в нем. Поляки осаждают этот обоз целых десять дней, требуя безусловной капитуляции. Джеджалык свергнут, и власть захватывает реестровый полковник Богун, но крестьянское ополчение против него и требует выдачи полякам всей южнорусской шляхты (старшины), надеясь купить этим возможность свободного выхода из осады. Старшина, опираясь на привилегированные реестровые полки, организует заговор против крестьянского ополчения и тайно уходит с ними ночью из укрепленного лагеря. Можно предположить, что этот уход был осуществлен не без сговора с осаждавшими.

Наутро, когда предательство было обнаружено, лишенное командования православное крестьянское воинство впало в хаос и панику. Регулярные войска Республики ударили на лагерь. Началась страшная резня, в которой мало кто из крестьян уцелел. Погиб и брошен-

ный старшиной киевский митрополит Иосаф. К ногам короля принесли его облачение и освященный константинопольским патриархом меч, присланный им Хмельницкому.

А сам Хмельницкий? Через месяц мы видим его уже в местечке Паволоч, благополучно отпущенного ханом, вероятно, даже без выкупа. Гетман стягивает под Белую Церковь предавших крестьян реестровых, пирует со старшинами и даже женится в третий раз на Анне Золотаренко, сестре влиятельного Нежинского полковника. С магнатами он снова заигрывает, но интересы народа им окончательно попораны. Вся южная Русь – сплошная Голгофа. Крестьяне и городское мещанство преданы огню и мечу вторгнувшимися магнатами – с запада графом Потоцким и с севера мощным феодалом кн. Янушем Радзивиллом. Киев им взят, сожжен и разграблен.

Но Хмельницкий в Белой Церкви уже снова ведет переговоры с делегатами Республики, с тем же сладкоречивым Киселем.

– Ты, гетман, себя самого и старшин спасаешь, а нас отдаешь под палки, на колы, на виселицы, – кричат в собравшейся под Белоцерковским замком толпе. Дело доходит до уличного боя, и Хмельницкий лично укладывает своей гетманской булавой главарей народного восстания.

Трактат заключен. Но теперь ослабленному под Берестечком Хмельницкому оставлено лишь одно Киевское воеводство и в нем 20.000 нужного ему и Республике привилегированного реестрового войска. Его власть значительно урезана, но он все же остается магнатом. Вся остальная южная Русь снова под властью польской шляхты, которая жестоко расправляется со своими хлопами. Крестьянская эмиграция в пределы Московского царства в этом страшном 1652 г. достигает максимальных размеров. На территории Дикого Поля, получившей теперь имя Слободской Украины, возникают новые большие поселки: Сумы, Короча, Либедин, Белополье и др. В Приднепровье же народ голосует оружием за присоединение к Москве: в Миргороде восстает против гетмана Гладкий, на самом Днепре Хмелецкий и Мозыра, в Лубнах Хмельницкий объявлен низложенным и гетманом избран какой-то Бугай. Но эти отдельные очаги восстания, хоть и не без труда, подавляются объединенными силами Хмельницкого, Радзивилла и Потоцкого. Взятым в плен Гладкому и Хмелецкому Хмельницкий рубит головы.

Весной 1653 г. Республика организует крупную карательную экспедицию под командованием лучшего из своих полководцев – Чарнецкого. Он вторгается в Брацлавщину, уничтожает там всех русских крестьян с женами и детьми поголовно и свирепствует, пока его не разбивает Богун.

Хмельницкий еще раз пытается проспекулировать на союзе с крымским ханом и завязывает с ним новые сношения. Но он уже слабый, малоценный партнер в кровавой игре. Опустошив южную Русь вплоть до Люблина, и сорвав куш с Республики, призванный им хан возвращается в Крым.

«Государево великое дело»

Детально осведомленное о всех этих событиях царское правительство понимает, что решительный момент близок. Вопрос о начале Освободительной войны на широком фронте уже решен на «избранной раде» Царя Алексея Михайловича совместно с патриархом Никоном и ближними боярами: Милославским, старым, многоопытным Морозовым и молодым другом Царя окольничьим Федором Ртищевым. Теперь он вынесен на обсуждение всей Боярской думы. Одновременно на ней оглашена купленная за сорок соболей у гетманского «премьера», генерального писаря Выговского вся тайная переписка Хмельницкого с султаном, крымским ханом, польским королем, венгерским Ракочи и даже с Швецией.

Боярская дума полностью принимает провозглашенную Царем программу и постановляет: «За честь государеву стоять».

А программа была задумана Царем Алексеем широко. Она включала в себя не только поддержку восставшего крестьянства Приднепровья, но и освобождение от вражеского иноверного ига всей подъяремной Литовской Руси от Полоцка на Западной Двине до Ямполя и Рышкова на Днестре. Безусловными в предстоящей борьбе противниками были Польша и Крымское ханство, вероятными – Лифляндия и Турецкая Империя, возможными Швеция и венгерский Ракоци. Хмельницкий, уже набравший снова 60.000 войска, был ненадежным союзником, и Москва это учитывала. Верным, безусловным союзником Московской монархии был подъяремный русский народ от Полоцка до Ямполя, и это тоже знало правительство народного Царя Алексея Михайловича.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 12 июня 1954 г
№ 230, с. 4.*

* * *

«Свершился государская мысль на сем деле», – повествует архив приказа тайных дел о заседании боярской думы 22 февраля 1653 г., а 24 апреля того же года в Польшу выслано чрезвычайное посольство боярина кн. Бориса Репнина-Оболенского, князя Федора Волконского и многоопытного дипломата думного дьяка Алмаза Ивановича. Застав короля и магнатов во Львове, эти послы заговорили теперь с ними ультимативным языком, требуя свободы русской веры в Польше и выполнения Республикой всех обязательств Зборовского договора. Дело шло явно на разрыв и войну народного Царства Московского с магнатской Польской Республикой.

Решительные переговоры с русским приднепровским шляхетством также велись уже с марта 1652 г. Сначала от имени Царя говорили с тайным послом Искрою лишь дьяки Волошенинов и Немиров. Потом переговоры углубились, и для ведения их из Киева был прислан крупный чин – войсковой судья Богданович. Закончены они были решительным словом Царя, сказанным в начале 1653 г. полковникам Бырляю и Мужеловскому, выполнявшим последнюю, явно фантастическую попытку Хмельницкого опереться на военный союз Крыма и Швеции. По достижении соглашения с этими послами бояре Стрешнев и Бредихин повезли в Киев царские грамоты. Задача этих послов была очень трудной. Им приходилось, тонко лавируя, вести переговоры с несколькими группами южнорусской шляхты, придерживавшимися различных, порою противоречивых, ориентаций. Не обошлось и без драки: Хмельницкий поранил саблей безоговорочного сторонника Царя полковника Яско, но ему пришлось за это выкатить на мировую с московской группой несколько бочек меду и публично извиниться перед этими старшинами. Параллельно послы вели непрерывные переговоры с тайным агентом Москвы генеральным секретарем Выговским. Обстановка была более чем сложной, сказали бы мы теперь, но московские дипломаты действовали смело и уверенно, твердо зная, что за них стоит вся громада «посольства» – простонародья.

Последнее и решительное слово к борьбе грозно прозвучало первого октября того же года на собранном в Грановитой Палате Земском Соборе всех чинов Русского Царства людей.

Думный дьяк прочел на нем обширный, всесторонний доклад правительства и от царского имени поставил вопрос о принятии всей южной Руси под его высокую государеву руку.

Ответы были даны в письменной форме, посословно, посекционно, как сказали бы мы теперь.

От Освященного Собора, патриарха и всей Русской Церкви: благословить Державу Российскую и ее православного Государя на великое дело веры Христовой.

От думных бояр, высшего административного аппарата Царства: принять *весь народ русский* под его высокую государеву руку.

От военно-служилых людей: не щадя голов своих, биться и умирать за честь Государеву.

От гостей и торговых людей – крупной, средней и мелкой буржуазии: вспомочь Государю-Царю всем достатком своим в его Государевом великом деле.

Всею Землею Русской: за его, Великого Государя, дело стоять нерушимо.

После этого всей Землею Русской данного ответа из царственной Белокаменной Москвы выехало в Переяславль на Днепре великое посольство: боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольный Алферьев, думный дьяк Лопухин, с ними сонм духовенства и небольшая охрана. Воинских сил при посольстве не было. 8 января 1654 г. после закрытого совещания посольства с шляхетской верхушкой Приднепровья (старшиной) – полковниками, судьями, сотниками и писарями была созвана всенародная «Генеральная Рада», на которой, после речи стоявшего под бунчуком (символом власти) Хмельницкого, все присутствовавшие крикнули единодушно:

– Волим под Царя Северного Православного, чтобы мы во всем едины были! Боже, утверди! Боже, укрепи!

Кто кричал? Кто присутствовал на «Генеральной Раде» в Переяславле 8-го января 1654 г.?

О количестве собравшихся летописцы сообщают разно. Некоторые – 50.000, другие – 30.000 и 25.000.

Берем наименьшее число – 25.000. Кто составлял его?

Основные силы Хмельницкого находились в это время в Чигирине, куда он отшел, их, не желая вступать в бой с малочисленным польским войском под Каменцом. Царское посольство в Переяславль было там встречено полковником Тетерей только с шестьюстами казаками, а, несомненно, что он захотел бы блеснуть перед послами своей силой, если бы мог набрать ее больше. Добавим к этим шестистам тысячу-две свиты и конвоя Хмельницкого, всего тысячи три... А остальные двадцать две тысячи? Кто составлял их?

Эту основную и главную часть Рады, не менее 17–18 тысяч, а возможно и до 30 тысяч, составляли собравшиеся в Переяславль жители прилегающего района и беженцы из разоренных войной областей. Переяславль – за Днепром, и он был сравнительно безопасен, почему и был избран для созвания Рады.

Вот эта-то громада «поспольштва», сбросивших панское ярмо мужиков, и крикнуло: «волим под Царя Северного Православного», как единственного надежного защитника добытой в жестоких боях свободы. Тонувшей в этой громаде кучке шляхетства и полушляхты (реестровых казаков) *пришлось этот крик повторить многим даже против своей воли*. Разбор последующих событий подтвердит нам этот вывод.

Шляхетство огрызается

По окончании Рады гетман и старшины торжественно поехали к царскому послу с официальным визитом. Бутурлин почетно принял их, ответил от имени Государя на речь Хмельницкого и пригласил всех в собор для принесения присяги.

Отметим, что там для приема присяги было собрано московское, прибывшее с посольством, духовенство, во главе с казанским архимандритом Прохором, московскими иереями и даже дьячками. Южнорусского духовенства в сослужении с ними не было. Это, как увидим далее, важная деталь.

С принесением присяги происходит заминка. Уже войдя в церковь, Хмельницкий обращается к Бутурлину с требованием взаимной присяги от имени Царя в том, чтобы Царь не мог вольностей наших нарушать, а кто был «шляхтич и казак и какие маестности у себя имел, тому быть по-прежнему». Шляхта заботится, прежде всего, о сохранении своих привилегий и крепостнических прав.

– В Московском государстве того, чтобы за великого государя присягать, никогда не бывало и впредь не будет, – твердо отвечает Бутурлин. – Тебе, гетману, и говорить об этом непристойно. Всякий подданный повинен присягнуть своему государю.

Тогда шляхтичи и гетман, не присягнув, ушли из собора, и после долгого совещания прислали к оставшемуся в церкви Бутурлину уполномоченных Тетерю и Сахновича с повторным требованием того же, но снова получили решительный отпор. Делегаты ушли и возвратились с самим Хмельницким, который лишь теперь присягнул с верховною старшиной, после чего Бутурлин вручил ему от имени Государя гетманские регалии, знамя, булаву и ферязь, сопровождая каждый дар наставительным словом о службе Царю и Отечеству.

Польская шляхетская «вольность» столкнулась в упор с всеобщей московской «службой». Два представления об отечестве, нации, государстве и своем месте в нем, своем долге по отношению к нему и к народу-нации...

Московская русская «служба» победила шляхетскую «вольность». Гарантии сословных привилегий не были даны, как не было их в Московском царстве того времени. Но почему смог победить своевольного гетмана и старшину прибывший без воинской силы царский посол Бутурлин? На кого опирался он?

«Народ плакал от радости, когда Благовещенский Московский дьякон Алексей выкликал многолетие Государю», – повествует южнорусский (не московский) летописец. Вот та сила, на которую опирался посол Царя Всея Руси.

Какая же из двух столкнувшихся в южной Руси во второй половине XVII в. социально-исторических сил была прогрессивной и какая реакционной?

История, не только русская, но общеевропейская, может дать нам теперь исчерпывающий ответ на этот вопрос. Семнадцатый век был временем распада феодального порядка и перехода к централизованной государственности для всей Европы. На ее территории уже вызревала тогда, как прогрессивная форма, государственность «просвещенного абсолютизма». Шедшая своим собственным национально-историческим путем Московская Русь к тому времени уже покончила со своим самобытным феодализмом (уделами). Всецело рационалистический западноевропейский «просвещенный абсолютизм» был чужд психологии уже созревшей и осознавшей себя русской нации, которая уже выработала свою самодержавно-монархическую государственность, гармонично сочетавшую широкое местное самоуправление с единством крепкой верховной власти. Эта государственность строилась не на рационализме, но на религиозно-этической базе христианского православного народного миропонимания. Но если «просвещенный абсолютизм» Запада признан теперь прогрессивным по отношению к феодальным формам даже марксистами, то можем ли мы не признать столь же, а на наш взгляд еще более, прогрессивной государственной формой самодержавие Московских царей?

Отсталая «варварская» допетровская Русь шла тогда не в хвосте прогрессивного развития Европы, а намного впереди подавляющего большинства европейских государств.

Но шляхта продолжала борьбу за свои крепостнические привилегии. На следующий день в Переяславле присягали средние и низшие чины (сотники, писаря и делегаты от полков). Они тоже потребовали, но уже не присяги, а лишь расписки Бутурлина в сохранении их привилегий.

– Нестаточное дело, – коротко отрезал тот.

Шляхта присягнула. Тот же ответ от посла получила и неслужилая шляхта (помещики), утверждавшая, что она «меж казаками знатна» и подавшая составленную самими шляхтичами роспись на владение феодальными наследственными должностями – воеводствами, урядами и т. д.

– Непристойное дело, – прикрикнул на них Бутурлин, – сами себе расписали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годится.

Шляхта ударила челом и повинилась.

Наследственности должностей, чего старалась добиться шляхта, в Московском царстве не было. Все должности там были службой, а не привилегиями. С точки зрения Москвы требования помещиков были действительно непристойны.

Теперь посольство двинулось в Киев, в столицу, в древний русский город.

«Наша страна»,

Буэнос-Айрес,

19 июня 1954 г.,

* * *

Пышною и вместе с тем гордою до надменности речью встретил посла перед Золотыми Воротами митрополит Сильвестр Коссов, теперь тоже сенатор Польской республики по Зборовскому договору. Он приветствовал посла от имени святого князя Владимира.

– Целует вас *в моем лице* благочестивый Владимир!

В этой вступительной фразе его речи ясно слышались гордые ноты польского прелата-магната: он, а не Московский Православный Царь, являлся прямым наследником Равноапостольного князя Владимира!

Москва уже хорошо знала митрополита Коссова. В 1651 г. он присылал Царю просьбу о жаловании и помощи разоренным киевским церквям, но не удостоил поставить своей подписи под этими грамотами или не хотел сделать этого, чтобы не быть скомпрометированным перед республиканским польским сенатом. Безмерно щедрый к Церкви, глубочайший в своем православии Царь Алексей Михайлович тогда, единственный раз в своей жизни, отказал киевской Церкви в пожертвовании. Еще глубже узнает киевского прелата Бутурлин. Митрополит Сильвестр Коссов не допускает к присяге Царю свою митрополичью шляхту и не желает сам лично встречаться с царским послом.

Бутурлин требует его людей на следующий день. Митрополит отказывает. То же повторяется и на третий день, и Бутурлин требует теперь мотивированного ответа от митрополита. Коссов не письменно, но через посланца отговаривается тем, что эта шляхта служит у него по найму, вследствие чего якобы к служебной государственной присяге не обязана. Сам же он принадлежит к юрисдикции константинопольского патриарха и патриарх всея Руси ему не указ.

Бутурлину приходится сурово прикрикнуть. Митрополичью шляхта присягает, но не пройдет и года, как тот же митрополит Коссов откажет прибывшим войскам князя Куракина в земле для постройки укреплений и размещения гарнизона.

– Если боярин хочет, – ответит он, – Киев оберегать, то они бы оберегали от Киева верст за двадцать и более. – Да еще пригрозит царскому воеводе: – Не ждите начала, а ждите конца. Увидите сами, что над вами скоро конец будет.

Тогда прикрикнет сам Царь из Москвы. Митрополит даст нужный русскому войску опорный пункт в Киеве, за что Тишайший и Смирнейший Алексей Михайлович щедро вознаградит его многими землями и иными дарами.

В этом, очень важном по своему идейно-религиозному значению, столкновении чрезвычайно ярко отражена борьба двух течений: возглавляемого Царем всея Руси народно-национального, как скажем мы теперь, служения религиозным целям, и своевольного эгоизма сословного сепаратизма, как мы тоже назвали бы теперь поведение митрополита Сильвестра Коссова. Побеждает первое, но митрополит Коссов все же до конца своих дней не признает над собой власти патриарха всея Руси и пребывает в юрисдикции подвластного султану Константинопольского патриарха. Глубочайший в своем чисто православном понимании русской истории, профессор С. М. Соловьев, автор непревзойденного и до наших дней исторического свода, так разъясняет этот прискорбный факт: «Сильвестр был шляхтич и поэтому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха Византийского была номинальной. В Киеве же его никто не трогал, никто не запирали церковью православных»⁶.

Но если глава южнорусского православия был проникнут шляхетскими тенденциями, то рядовое народное духовенство чувствовало и мыслило по-иному. Летописец рассказывает о многих патриотических подвигах, совершенных сельскими священниками и простыми монахами, например, о нежинском попе Филимонове, ставшем во главе народного движения и разбившем в бою крупный польский республиканский отряд; о целых монастырях, иноки которых, приняв в их стены спасшихся от шляхты крестьян, погибали там в муках вместе с ними. Сословное расслоение, проникшее в южную Русь из Польши, находило почву даже в церковной среде.

Освободительная война Московского царства

Весной 1654 г. Царь Алексей Михайлович формально объявил войну Польской Республике и сам стал во главе двинутой им на Запад рати. Одновременно магнат Чарнецкий с регулярными польскими войсками без объявления войны вторгнулся в пределы южной Руси, уничтожая все на своем пути. Город Немиров был истреблен им до последнего человека. В Мушировке избито пять тысяч человек. В Демовне – 14 тысяч. Описания этого трагического эпизода крестьянской войны в Приднепровье полны потрясающих подробностей. Мужики сражаются с регулярными войсками косами и дубинами, бьются женщины и дети, а жены ушедших на войну даже образуют свои женские отряды...

Стратегический штаб Москвы намечает главный плацдарм не на юге, а на западе, в Белоруссии. Оперирующими там главными силами руководит сам Царь и при нем его ближайшие политические советники: Морозов, Милославский, Одоевский, Ртищев. На юг к Хмельницкому посланы отдельные вспомогательные отряды Трубецкого, Шереметева и Ромодановского. Полякам удастся вовлечь в войну крымцев. Хмельницкий поддерживает стратегический план Москвы, что видно из его писем к Царю. Но явно не хочет усиления Москвы на юге, боится ее. Ведь русский гарнизон пока стоит только в Киеве, под командой В. В. Бутурлина, все же остальные города полностью в руках гетмана. Но в Белоруссию он также посылает 20 тысяч под командой ближайшего к нему полковника Золотаренко, как увидим дальше, ярого сторонника «шляхетской вольности» и врага Московской «службы».

Московская рать одухотворена религиозным порывом. Религиозноэтические цели Освободительной войны полнозвучно высказаны в речах к войскам и народу самого Царя и патриарха Никона. Из ответных речей воевод и криков войска ясно, что они поняты и глубоко восприняты. Столь же точно формулированы освободительные цели войны и в грамотах (прокламациях) Царя, разосланных через тайную агентуру во все главные центры подъ-

⁶ С. М. Соловьев, «История России», т. 10, гл. 3, с. 1640. —Прим. автора.

яремой Литовской Руси. Высокой, подлинно христианской гуманностью веет от каждой строки этого, написанного лично Алексеем Михайловичем документа. Самодержец призывает в нем к миру и единству, но не к вражде и резне, гарантирует всему русскому и литовскому населению религиозную свободу, равноправие обеих Церквей, местное самоуправление, вплоть до сохранения Магдебургского права, неприкосновенность имущества и льгот (но не групповые сословные привилегии); тем же, кто не пожелает принять русского подданства, он обещает беспрепятственный пропуск в Польшу. Евреям дано право жительства в городах, и тем самым гарантии против резни их, которой они часто подвергались от войск Хмельницкого.

Все эти обещания были соблюдены и результаты сказались в первые же дни войны. Еще на пути к Вязьме 4-го июня Царь получил донесение о сдаче без выстрела пограничного Дорогобужа русскому передовому отряду; 11-го также без боя сдалась Невель; за ним Полоцк, Рославль, Мстиславль, Гомель, Могилев... Бой был только под Оршей с армией крупнейшего литовского магната князя Радзивилла, который был разбит и добит под Борисовым князем Трубецким – взято в плен 12 полковников, артиллерия, обоз и гетманский бунчук.

«Москва воюет по новому образцу», – доносят королю Яну-Казимиру его воеводы, – «занимает земли милостью и жалованьем. Мужики нам очень враждебны, везде на царское имя сдаются и делают нам больше вреда, чем сама Москва». Упорное сопротивление Царю-Освободителю оказывает лишь Смоленск, где в мощной крепости (34 башни) затворилось сильное регулярное польское войско. Царь осаждает его. Бои очень кровопролитны: при неудачном штурме 17 августа потери русских убитыми – 7 тысяч. Но 23 сентября Смоленск все же сдается, взорванный изнутри народным восстанием. Повстанцы разоружают польскую пехоту и открывают ворота Царю. Но его милость господствует и здесь: населению и гарнизону предложен свободный выбор – оставаться или уходить в Польшу. Ушли лишь польские офицеры с небольшим отрядом, положившими знамена к ногам Царя.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 3 июля 1954 г.,
№ 233, с. 4.*

* * *

Яркая деталь Освободительной войны того времени: высокогуманный организатор славяно-греко-латинской академии в Москве боярин Федор Ртищев на средства, данные тайно Царицей, организует огромный, в 1500 подвод, обоз для помощи беженцам, бездомным и раненым, как своим, так и врагам, брошенным ими при бегстве. Этот обоз действует непрерывно в течение всей войны, увеличивается личной помощью Царя и на средства частных пожертвований...

Через сколько-то лет возникнет в Женеве Красный Крест, а в Америке – ИРО⁷, и так ли честно и самоотверженно будут работать они?

Но совсем иначе ведется война на левом фланге, где хозяйничает 20-тысячное войско наказного атамана Золотаренко. Оттуда – поток жалоб и просьб о защите от этого войска. Из Быхова и Могилева на бесчинства Золотаренко жалуется как самое население, так и царский воевода Воейков. Казаки Хмельницкого грабят крестьян, самовольно захватывают мельницы и земельные участки, напали даже на обоз с хлебом для войск Царя. Воевода Трубецкой

---

⁷ IRO (International Refugee Organization) – Международная организация помощи беженцам, действовавшая в 1946–1952 гг. под эгидой ООН. Автор жил в Италии в содержавшихся ИРО лагерях.

вынужден посылать вооруженные отряды для защиты крестьян от Золотаренко, «запустошившего весь уезд». Бургомистр и синдики Могилева жалуются на «большие обиды от казаков», и Государь посылает для их защиты крупный отряд окольного Алферьева. Сам Золотаренко не только покровительствует бесчинствам войска, но более чем нахально держит себя с царскими воеводами, перебив, например, людей Воейкова и пригрозив, что «вашему воеводу то же от меня будет».

Паны верны себе

Атаман Золотаренко бесчинствует явно по стовору с Хмельницким, который, собрав сотысячное войско, бездействует, несмотря на приказы Царя. Он умышленно задерживает даже присланное Алексеем Михайловичем жалованье запорожцам. Присланный к нему с вспомогательным войском Андрей Бутурлин доносит Царю о явном саботаже Хмельницкого и опасается, что он бросит Московские отряды, уклонившись от боя с поляками. Это предположение оправдывается: Хмельницкий уводит своих в тыл, в Чигирин, отдавая полякам Вольту, Подолию и Брацлавское воеводство.

В чем же дело? Бежавший из польского плена чернец Иван Петров сообщает Царю о тайных переговорах Хмельницкого и Коссова с королем Яном-Казимиром. Они обещают выбить московских людей из Киева и снова отдаться под королевскую руку. Одновременно Хмельницкий ведет тайные переговоры с венгерским Ракоци, с молдавским и валашским господарями, а также с вторгшимися в Польшу шведами. Теперь он играет уже не на две, а на три руки: на Москву, на очень слабую в этот момент Польскую Республику и одновременно сколачивает для ее же раздела коалицию из шведов, венгров, крымцев и придунайских княжеств. Столь же тонкая, сколь и подлая игра. Его надежды на успех удара в спину Царю крепнут в связи со страшной эпидемией, опустошившей Москву и северные русские области. Тыл Царя более чем слаб. Москва отрезана от армии карантинном.

Теперь самое время для шляхты отстаивать свои крепостные привилегии и феодальные «вольности», которым угрожает Московское народное единодержавие. В следующем 1655 г. шляхетские восстания вспыхнут в Орше, Смоленске, Озерицах, Любичах. Их будет поддерживать из Быхова Золотаренко, а из Вильны принявший шведскую ориентацию кн. Радзивилл.

Полковник-шляхтич Поклонский поднимает крупное восстание и нападает на отряд Воейкова, который так пишет об этом Трубецкому: «Полковник Поклонский государю изменил, и со шляхтою гетманов Радзивилла и Гонсевского, с польскими войсками в большой земляной вал впустил. Теперь я в меньшем земляном валу сижу в осаде с государевыми ратными людьми и мещанами».

«Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были», пишет сам Поклонский Золотаренке. Он уверен в слабости лишеного тыла Царя и припугивает верных Москве мещан в прокламации к ним: «Скоро услышите, что сделалось с Московскою помощью: Царь сидит в столице, Патриарх убит народом, поветрие людей выгубило, на войну итти некому, а кто покажется, того наши бьют».

Шляхетский заговор перекидывается даже в среду московского дворянства, в те круги, где еще живы тенденции Смуты и Семибоярщины. Начинаются перебежки этих элементов к Хмельницкому, и Царь Алексей Михайлович пишет в Киев В. В. Бутурлину: «В нынешнем году с Москвы и со службы от нас всяких чинов побежали люди, собираются в глухих лесах, а собравшись, хотят ехать к Хмельницкому. Своей братии пишут, будто сулят им Черкассы (гетман), маетности. И вы... перехватив их всех, велите из них человек десять повесить, остальных же, высеки кнутом, пришлите в Москву». Одновременно с этим Царь принимает строжайшие меры для защиты населения освобожденных областей от насилий войска:

«деревень не жечь», «который сожжет, тому казнену быть безо всякой пощады». Кара налагается не только на самих преступников, но и на их начальников, допустивших бесчинства своих людей. Им за это «быть во всяком разорении и ссылке», даже поротыми плетьюми, т. е. обесчещенными. Этот приказ явно направлен к обузданию Золотаренки и его вольницы.

Вместе с тем начато наступление по всему фронту. Оно развивается успешно и характерно, что победы одерживают только московские воеводы: Шереметев берет Велиж, Хворостинин – Минск, Волконский – Туров и Пинск. «Московские воеводы одни с двух сторон воевали Литву», отмечает Соловьев.

Полная победа? В августе князь Черкасский разбивает наголову магната Радзивилла и берет Вильно, Ковно и Гродно, т. е. занимает всю Литву. Литовский гетман Гонсевский просит мира.

Хмельницкий же с вспомогательным отрядом Бутурлина, подойдя без сопротивления врага к Львову и осадив его, решительно отказывается от штурма, несмотря на все уговоры Бутурлина. Он берет с города лишь небольшой выкуп в свой карман и отступает.

Новые цели и новый враг Государства Московского

Общая политическая ситуация и соотношение борющихся сил к этому моменту резко изменились. Новый шведский король Карл X Густав вторгнулся в Польшу с севера, занял Варшаву, Краков и большую часть самой Польши. Король Ян-Казимир бежал. Крупнейший литовский магнат Радзивилл, единственный из сохранивших еще реальную силу, принял подданство Швеции в качестве вассального ей великого князя Литовского, в то время как этот титул принял и фактически владевший Литвой Царь Алексей Михайлович. В силу этого Швеция стала в явно враждебное отношение к Москве, наметив вытеснение царских войск из всей Литовской Руси, вплоть до Киева и Чернигова, что гарантировала Радзивиллу. При этой новой расстановке сил тайный план Хмельницкого об образовании отдельного южно-русского вассального княжества под его «державой» принял новую форму и получил некоторую реальную базу в расчете на союз Швеции, Венгрии и Хмельницкого с целью полного раздела обессиленной внутренней борьбой Речи Посполитой. По тайному сговору между королем Карлом X, Хмельницким и Ракоци, Литва и Белоруссия, уже занятые царскими войсками, отходили к Швеции в качестве вассального княжества Литовского. Король Карл предпринял к этому шаги, и его генерал Делагарди захватил несколько принявших Московское подданство городов. По этому поводу начинается дипломатическая переписка с Московским правительством, которое вполне осведомлено о новых планах Хмельницкого через Выговского. Назревает необходимость изменения общего политического курса Москвы.

Освободительная борьба фактически закончена: Царское войско не только достигло рубежей исконно русских земель с православным населением, но частично (в Литве) перешло их. Главный враг, Польша, разгромлен и обессилен. Агрессивные стремления к покорению Речи Посполитой не входят в расчеты Москвы, но возникает иная возможность закончить длящуюся уже 500 лет борьбу между двумя главными ветвями славянства установлением крепкого, нерушимого союза обоих государств, объединения их под единым скипетром – в Двуетной Русско-Польской Монархии при полной взаимной веротерпимости и сохранении самобытной государственности в обеих ее частях. Пламенным сторонником этой идеи выступает сам патриарх Никон, мощный идеолог народного русского, независимого от каких-либо внешних влияний, православия. Ей сочувствуют также ближайшие, широко мыслящие друзья Царя: высококультурный окольный Ртищев и создатель Уложения Иван Никитич Одоевский. Ее разделяет и сам Царь.

В измученной войной и внутрипартийной борьбой Польше эта идея также находит отклик в лице энергичной бездетной жены короля Яна-Казимира и части радных панов,

видящих в переходе к наследственной монархии единственное спасение от республиканского хаоса. Через полтора столетия эта идея возродится и будет частично осуществлена Александром I, а еще через сто лет снова промелькнет в обращении к полякам Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича (1914 г.). Но пока она так формулируется в грамоте, разосланной Царем по воеводствам и поветам: «Великого Княжества Литовского и короны Польской сенаторам, полковникам, ротмистрам, всей урожденной шляхте, всему рыцарству и духовного всякого чина людям... чтобы мы вас пожаловали, веры вашей, прав и вольностей ни в чем нарушать не велели, прежними маестностями владеть велели. А вы бы королем своим Яна-Казимира, пока он жив, имели, а нас бы, Великого Государя, на корону Польскую выбрали, нам и сыну нашему присягнули и кроме нас на королевство Польское по смерти Яна-Казимира другого государя никого себе не выбирали, и в конституцию бы это напечатали».

На этой базе начаты и ведутся длительные переговоры между Русью и Польшей. Возникает ряд вариантов. Одерживает верх мнение – признать Царя Алексея Михайловича и всю династию Романовых наследниками Яна-Казимира по его смерти, утвердить в Польше принцип легитимизма при сохранении политических прав шляхты (сейма). Энергичная королева хлопочет лишь о том, чтобы корону наследовал не сам Царь, а его сын, женившись на ее племяннице.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 10 июля 1954 г.,
№ 234, с. 4–5.*

* * *

Возможность возникновения на Востоке мощной Двухединой Монархии беспокоит уже Европу. Вена направляет специальное посольство ловкого словенца Алегретти якобы с целью примирить враждующих, но на самом деле для противодействия возникающему союзу. В том же направлении действует Бранденбург и заинтересованная в польских делах Саксония.

Главным препятствием к заключению союзного договора служит то, что Царь Алексей Михайлович ни в какой мере не забывает об освободительных целях войны и требует безусловного включения всех южно-русских областей в состав Русского государства, паны же стремятся сохранить их за Польшей.

Как же реагирует на новые перспективы Хмельницкий и окрепшее за время войны южнорусское шляхетство?

Переход на служилое положение Московского дворянства и смена феодально крепостнических прав владения крестьянами совместной с ними поместной службой государству (Московский порядок) ни в какой мере не привлекает шляхетство. Наоборот, оно всячески противится этому. На фронте доходит до открытых столкновений между отрядами полковников Дорошенко, Константинова, Нечая и др. с войсками Московских воевод и крестьянским ополчением. «В Друйском, Резицком и Лужском уездах от казаков запустело», – доносят царские воеводы. Следствие показывает, что за спиной этих разбойников стоит сам атаман Золотаренко, действующий в полном согласии с Хмельницким. Он беспрерывно сносится со шведами, уже воюющими с царской ратью, что известно в Москве. Сам Хмельницкий сносится с Крымом, с господарями Валашским и Молдавским, с венгерским Ракоци, сколачивая коалицию против Москвы. Он интригует и при дворе Яна-Казимира. «Гетман хочет отложиться при первом гневе государевом», – пишет в Москву из Киева Бутурлин, – «но черные люди на такую неправду ему не помогают». Православный русский народ верен Царю.

С целью сорвать переговоры об избрании Алексея Михайловича Хмельницкий посылает в Вильну свою делегацию, как союзника (а не подданного) Царя, но Одоевский не допускает ее на заседание. Соглашение о признании Русского Царя наследником Польско-Литовской короны, наконец, достигнуто. Это приводит в бешенство Хмельницкого.

– Дитки, – орет он, – треба отступите от Царя! Будем под бусурманским государем, не то что под христианским!

Мысль о вовлечении в борьбу против народной Московской монархии могущественной Оттоманской Империи, хотя бы ценой отдачи ей в рабство всего южнорусского народа, не оставляет его... Были бы лишь сохранены феодально-крепостнические привилегии, на что султан не покусится.

Надежды на Швецию гаснут: ее война с Московским царством в Польше не принесла решительной победы ни одной из сторон, но передышка, данная Царем Республике и оттяжка им на себя части шведских сил укрепила Яна-Казимира и шведы изгнаны из Польши.

В связи с этим новым изменением общей политической обстановки в Восточной Европе, Освободительная война Московского царства также меняет свой характер. Швеция выходит из игры, окончив войну против Москвы вничью. Польская республика слишком слаба для широких военных действий и, следовательно, проект создания Двуетной Русско-Польской Монархии, при всей осторожности Московской дипломатии, все же рисуется ей реальным. На Литовско-Белорусском фронте заключено длительное, хотя и неустойчивое перемирие, изредка нарушаемое отдельными локальными столкновениями. Но на юге, на правобережной Украине образуется новый фронт – разгорается социальная борьба, то и дело переходящая в открытые военные действия.

Основные области Литовской Руси фактически в руках Руси Московской. Москва может теперь ожидать более благоприятной политической обстановки, не вовлекаясь в большую войну. Отдельные военные столкновения с магнатами случаются, но они носят местный эпизодический характер и сравнительно легко улаживаются. Польское магнатство уже перестает быть реальной военно-политической силой на южной Руси. Но взамен него там выкристаллизовывается новое теперь уже русское панство, с теми же политическими понятиями и традициями. Между ним, с одной стороны, и крестьянством, поддерживаемым Москвой, – с другой, возгорается борьба, которая будет разрывать груды южной Руси еще целые 50 лет, вплоть до Полтавской битвы.

Новая социальная группа южнорусской шляхты захватывает земли бежавших польских магнатов, и претендует на владение их бывшими крепостными и на наследование политической власти магнатства. Эта группа полностью проникнута польской феодально-республиканской идеологией и, следовательно, враждебна Московской народной монархии и ее государственному порядку. Ее вражда проявляется в самых разнообразных формах, от льстивых выпрашиваний себе наследственных должностей и имений (старост, мечников, наследственных судей, чего нет в Московском царстве) до открытых бунтов и переходов на сторону Польши. Опора этих новых магнатов – 60 тысяч привилегированной полушляхты – реестровых.

Верными и неизменными союзниками Царя всея Руси в Приднепровье остаются крестьянство и городское мещанство. Этот слой называется теперь «поспольством» или «чернью» в отличие от «значных» – новой шляхты. «Значные» при поддержке и покровительстве ближайшего окружения гетмана (новых магнатов) захватывают местные должности и «грунты», т. е. общины освобожденных крестьян. Они провозглашают себя их «державцами», т. е. крепостными владетелями, требуя полного «послушенства» от «поспольных» – пахотных мужиков. Образуются даже новые магнатские гнезда под именем «державских слобод». Политика Москвы в Приднепровье становится необычайно сложной в обстановке

развития этого процесса. Дух русской государственности и моральные основы Царства не могут допустить возникновения новых магнатов за счет порабощения крестьян, но для пресечения этого сил не хватает: царский гарнизон стоит только в Киеве; там же находится и резидент царя при гетмане, но все остальное Приднепровье полностью управляется старшиной, т. е. выдвинутым войной русским шляхетством.

В такой политической обстановке умирает Богдан Хмельницкий, и гетманская булава переходит к его сыну Юрию, далеко не унаследовавшему способностей отца, слабому и недалекому юноше. Пользуясь его слабостью, новое магнатство тотчас же выдвигает своего ставленника на пост гетмана – ловкого, энергичного, но абсолютно беспринципного

Выговского, поляка и шляхтича по духу, но вместе с тем платного агента Москвы. Юрий Хмельницкий отказывается от власти, и Царь утверждает гетманом Выговского, но против него тотчас же восстает «посполство» – начинаются крестьянские восстания.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 17 июля 1954 г.,
№ 235, с. 3.*

Разложение южнорусской шляхты

Начинается новая гражданская война. Положение осложняется смертью Киевского митрополита Сильвестра Коссова и выбором его заместителя. Бутурлин требует назначения иерарха русской Церкви, но старшина отстаивает юрисдикцию Константинопольского патриарха. Попытки Бутурлина замирить край введением русской администрации в главных центрах встречает жесточайший отпор новой шляхты, чем пользуется Польша, действуя через своего агента при Выговском – южнорусского «прогрессиста» того времени Юрия Немирича, врага Москвы, нахватавшегося при поездке в Голландию западных идей. Гетман и шляхта разбивают крестьянское ополчение. Его предводитель Пушкарь погибает в бою, а все ратники полностью эмигрируют в пределы Московского царства – яркий показатель политических настроений южнорусского крестьянства того времени.

Положение становится настолько серьезным, что Московское правительство находит нужным отозвать из Киева сторонника дипломатических действий и заменить его решительным, суровым воеводой В. Б. Шереметевым, на которого тотчас же по прибытии в Киев нападают отряды Выговского.

Типичный для республиканских магнатов маневр. Выговский ведет войну с Московским воеводой Шереметевым, но одновременно шлет верноподданнические послания Царю, что не мешает ему в то же время договариваться с польским сенатом о воссоединении освобожденных областей с Речью Посполитой.

Московское правительство вынуждено двинуть против Выговского значительные силы под начальством князя Ромодановского, князя Трубецкого и князя Пожарского. К этим отрядам присоединяется все масса южнорусских крестьян. Выговский же, следуя рецептуре Хмельницкого, призывает Крымского хана, с помощью которого разбивает русские отряды.

Но эта купленная изменой победа не может спасти Выговского и его окружение. Мужичье восстание против них разгорается. Повстанцы захватывают Нежин, Чернигов, Переяславль и ряд других крупных городов. Сам Выговский вынужден бежать из Чигирина. Приведенное Немиричем наемное польско-немецкое войско разбито крестьянами и сам он убит. Заключенный шляхетской старшиной Гадяцкий договор о воссоединении с Польшей на правах автономного княжества возбуждает негодование среди запорожцев. Всеобщее крестьянское восстание развивается под лозунгом единства с Московским Царством.

Выговский бежит в Польшу, а прибывший посол Царя князь Трубецкой созывает в Переяславле всеобщую (включая крестьянство) «черную раду», на которой «поспольшество», преодолев сопротивление «державцев», утверждает новый статут единства всей русской нации:

Московская административная система вводится в шести крупнейших уездах (Киеве, Переяславле, Чернигове, Нежине, Брацлаве и Умани); гетман и старшина лишены права вести самостоятельные внешние сношения и сепаратные от Москвы войны; назначение полковников и высших чинов утверждается всеобщей радой, а не гетманом. Характерная деталь этой «черной рады»: старшина все же пытается сохранить политический контроль над крестьянством, требуя, чтобы никто из жителей южной Руси не мог сноситься с Москвой иначе, как через гетмана, но это требование решительно отклонено царским послом. Москва и южнорусское крестьянство неразрывны.

Рада возвращает Юрию Хмельницкому гетманскую булаву, но он явно негоден к этому посту. При первом же столкновении с войсками магната Любомирского, он позорно бежит, дает обещание уйти в монахи, а своим бегством с поля битвы ставит отряд Шереметева в очень тяжелое положение. Магнаты снова хозяйничают на правом берегу Днепра (1660 г.). Южная Русь разорвана надвое. В 1663 г. Юрий Хмельницкий принимает пострижение, а старшина правобережья выбирает в гетманы агента Польши полковника Тетерю. Но на левобережье вздымается новая волна народного движения, возглавляемая протопопом Филимоновым, теперь принявшим иночество под именем Мефодия. Крестьянство требует не только единства с Московской Русью, но установления в Приднепровье ее администрации взамен сохранившегося еще с польских времен феодального самоуправления. Не шляхту, а царских воевод хотят мужики и собирают новую крестьянскую «черную раду» в Нежине, где провозглашают гетманом Брюховецкого. Противоречия новой южнорусской шляхты и крестьянства настолько обострены, что эта рада заканчивается избиением шляхты, часть которой спасается лишь под защитой царского посла князя Великогагина.

Теперь в Приднепровье два гетмана двух ориентаций и два митрополита двух юрисдикций, т. к. Мефодий избран на раде и утвержден патриархом всея Руси, блюстителем митрополичьего престола, а на правой стороне владеет митрополией ставленник шляхты Иосиф Нелюбович-Тукальский, утвержденный Константинопольским патриархом.

Пользуясь этой смутой, Польша делает новую попытку вернуть себе южную Русь при содействии гетмана Тетери, но успеха не имеет. В хаосе неудачной авантюры гибнут бывшие сподвижники Хмельницкого Выговский и Богун, расстрелянные поляками, а митрополит Нелюбович уведен в плен. Сам Тетеря бежит в Польшу, и на его место две враждующие между собой шляхетские группы выбирают двух гетманов – Опару и Дорошенко. В кровавом конфликте побеждает второй.

Так хозяйничает шляхта на правом берегу. На левом же происходит обратное: в 1665 г. гетман Брюховецкий, под давлением снизу, просит Царя окончательно ликвидировать шляхетские привилегии и феодальный порядок управления, введя русскую административную систему – царских воевод и выбранных всенародно целовальников, а также принять южнорусскую Церковь в юрисдикцию патриарха всея Руси.

В этой запутанной обстановке царь Алексей Михайлович заключает с Республикой длительное Андрусовское перемирие (но не окончательный мир), по которому предоставляет Польше правый берег Днепра, за исключением Киева, сохраняя левый, уже воспринявший народную государственность Московского царства.

Но пережитки польского республиканского феодализма еще не сдаются. Потеряв надежду на реальную помощь расслабленной вконец Республики, они ориентируются теперь на Турецкую деспотию и ее крымского и очаковского вассалов. Это сила! Ею соблазнен и Брюховецкий. В контакте с Дорошенкой и митрополитом Тукальским он нападает па

русские отряды. Успеху предательского удара способствует бунт Стеньки Разина, охвативший Дон и Поволжье. К «пану Стехвану» Брюховецкий отправляет посольство с грамотами и подарками.

На помощь русским воеводам из Москвы выслан сильный отряд Ромодановского. Брюховецкий и Дорошенко прибегают к старому способу – привлечению всегда готовых к грабежу крымцев. Опираясь на них, Дорошенко аннулирует гетманство Брюховецкого и самого его убивает.

Но на левобережье снова вспыхивает крестьянское движение, во главе с пламенным сторонником Москвы нежинским протопопом Семеном

Адамовичем. На гетманский пост выдвинут им Многогрешный, которого Царь утверждает.

Таким образом, в начале семидесятых годов XVII в. на южной Руси снова три гетмана: Многогрешный на левом, московском, берегу, а на правом – принявший турецкое подданство Дорошенко и ставленник Польши – Ханенко, захвативший при помощи Яна Собеского Немиров, Брацлав и Могилев. Митрополита же два: Лазарь Баранович, от патриарха всея Руси, и Иосиф Тукальский, посвященный Константинопольским патриархом.

Дорошенко удается вовлечь в южнорусские дела саму Турецкую Империю. Падишах Магомет IV ведет разом на Русь и на Польшу огромное трехсоттысячное войско. Поляки и Ханенко разбиты. Непрístupный Каменец взят. Республика покупает мир дорогой ценой, уступив всю южную Русь султану с обязательством выплачивать еще ежегодно крупную дань.

Московское Царство поставлено теперь один на один против могущественнейшей в то время Османской Империи. Но оно не складывает оружия. Ромодановский и новый гетман Самойлович удачно действуют против крымцев. Султан не может прокормить своего огромного войска в разоренной дотла стране и уходит, привлеченный новыми агрессивными целями, направленными против Вены, но сохранив полученное по договору с Польшей право на южную Русь и оставив там своим уже гетманом Дорошенко. Тем не менее, власть этого гетмана шатка. Весь южнорусский народ и даже часть шляхты против турок. При нажиме Ромодановского Дорошенко сдается, выговорив выгодные для себя условия: службу воеводы в Московском царстве и поместье в тысячу дворов.

Но Турция, в руках которой находится все Черноморское побережье, не намерена терять завоеванных к северу от него областей. Порта ставит нового вассала, извлекая из монастыря Юрия Хмельницкого и награждая его громозвучным титулом Гедеона-Георгия-Венжика, великого князя Сарматского и гетмана Запорожского, для утверждения власти которого визирь снова ведет на южную Русь большое войско. Ромодановский со слабым московским войском вынужден отступить за Днепр, а вместе с ним в том же направлении катится новая мощная волна эмиграции посольства в пределы Московской Руси. Этот поток столь силен, что некоторые города и уезды правобережья (по свидетельству летописца – Черкасы, Лысянка, Мошны, Богуслав, Корсунь и др.) совершенно пустеют. В Московских же пределах заселяется новый край (в будущем Екатеринославская губерния). Новые поселенцы переваливают даже через Дон под Воронежом и основывают там ряд больших слобод. Так «голосует» южнорусское крестьянство за единство Руси под скипетром Московского Самодержца.

Но звучат еще и голоса уже разложившегося, как социальная группа, магнатско-шляхетского средостения. Заговоры в гетманском дворце следуют один за другим. Они лишены уже почвы и неизменно проваливаются. Последний из них – измена Мазепы, абсолютно оторван от всех слоев населения. За Мазепой не идет никто. Полтавский бой возвещает победу не только над западноевропейским шведским интервентом, но и поражение западного феодального сепаратизма прогрессивным государственным порядком Русского самодержавия.

В такой политической обстановке застаёт южную Русь кончина её освободителя Алексея Михайловича. Его ближайшие сотрудники в деле построения русской народно-монархической государственности и завершения национального объединения Руси также отходят от кормила правления: низвергнут могучий Никон, в опале опытный и твердый администратор Матвеев, отстранены высококультурные Ртищев и Одоевский. У власти – боярское правительство царевны Софии и во главе его безвольный, мягкотелый западник князь Вас. Вас. Голицын. Средостение – преграда между Царем и народом – крепнет и переходит в наступление на Самодержавие, опираясь на стрелецкое войско (привилегированное по сравнению с ратниками ополчения), по существу ту же, хотя и не вполне оформившуюся еще полущляхту. Хованщина – яркий пример попытки боярско-стрелецкого средостения утвердить свою диктатуру.

Московский мир 1676 г. заканчивает Освободительную борьбу Московского царства. Этот мирный договор далек от планов, намеченных Алексеем Михайловичем, но он все-таки – крупная дипломатическая победа Московского Царства, внутренне ослабленного в тот момент борьбой боярских партий. Проект создания Двуетной Монархии рухнул. Литва возвращена Польской Республике. Из числа освобожденных уже областей сохранены Смоленск, Рославль, Стародуб, Чернигов, Нежин, Переяславль, Гадяч, Полтава, Кременчуг и на правом берегу только Киев с уездом. Широкая полоса освобожденных русских земель расстилается по левому берегу Днепра от Двины до Крымской границы. Но правобережье уступлено Польшей Турции, и Московское царство того времени не в силах начать за него борьбу с мощной Империей. Разрешение этой задачи последует позже, но уже в совершенно иных формах, т. к. сама Русская Народная Монархия Царя Алексея Михайловича будет разгромлена и подавлена западноевропейским абсолютизмом сына его Петра...

Тогда и теперь

Спор о том, повторяются ли исторические процессы в ходе развития жизни человечества или нет, вряд ли разрешим. Но трудно оспаривать тот не раз подтвержденный опытом факт, что сходные по своему содержанию и направленности исторические периоды характеризуются сходными же симптомами в политической и социальной жизни.

Борьба за освобождение южной Руси и воссоединение ее с северной содержала в себе целый комплекс столкновений религиозных, национальных, государственных и социальных идей и понятий. Русское православие боролось не только с польским католицизмом, но и с чуждым Руси церковным сепаратизмом. Созревшее и вполне оформившееся в Москве сознание национального русского единства сталкивалось с пережитками удельного (феодалного) автономизма. Всеобщее служение государству, в лице его Царя – московская «служба», основа русской государственности преодолевала занесенную с Запада эгоистическую антигосударственную «вольность». Система прикрепления пахотного крестьянина к земле, но не к помещику, принятая в Москве, боролась с западным феодальным крепостничеством, отдававшим крестьянина полностью, как вещь в руки помещика, шляхтича, магната.

В ходе этой борьбы действовали одновременно три силы: Русское Московское Самодержавие, южнорусское крестьянство и средостение (магнаты и паны), подкрепленное внешними врагами Руси-России (Польской республикой, Крымской деспотией, шведскими феодалами, агрессивным турецким империализмом). Две первые силы боролись в нерушимом союзе, сдавливая с двух сторон шляхетское средостение и... раздавили его в своем стремлении к единству.

Время течет, национальные, государственные и социальные формации изменяют в соответствии с его течением свой вид, сохраняя в основном свою направленность...

Попытаемся сравнить ту, уже ушедшую в историю, эпоху с современностью того же южнорусского народа, на той же территории, поскольку мы можем его видеть теперь и анализировать.

Есть ли там теперь крестьянство, угнетенное, но все же борющееся за свою свободу, за свои имущественные права, за свою землю?

Есть. Это мы можем утверждать, подкрепляя свои утверждения множеством фактов.

Имеются ли там теперь чужеродные насильники, подобные польскому панству первого периода Освободительной борьбы XVII в.?

Они видимы всем, и то, что они полностью чужеродны русской народной почве вполне ясно. Они действуют теперь не под знаменем Республики Польской, а под флагом мировой революции. Но сущность их та же, та же направленность их к угнетению крестьянства и та же чужеродность их на русской земле.

Вызревает ли в современности группа новых насильников южнорусского крестьянства, аналогичных псевдонациональной антинародной южнорусской шляхты XVII в.?

Видим и ее в лице вполне сходных со шляхетскими своевольцами современных сепаратистов, стремящихся сесть на шею русскому пахотному мужику. Лозунг шляхетской «вольности» теперь грубо заменен вывеской демократических свобод и самоопределения на тех же демократических основах, но социальная направленность этой группы та же – захватить в свои руки украинский пирог.

Поддерживаются ли эти чужеродные, паразитарные элементы внешними, враждебными Российской государственности силами?

Увы, приходится признать, что они поддерживаемы ими на всем периоде борьбы, начиная от заплombированного вагона 1917 г. вплоть до попыток сторговаться с маленковским коллективом⁸ за счет крови и пота Российского народа в году текущем. Они поддержаны всеми врагами России, и разница лишь в том, что тогда эти враги прикрывались религиозными целями, теперь же целью защиты от «исторической русской агрессии».

Остается найти еще только одну силу – Царя Северного, Православного.

Ее пока еще нет в реальной современности, и в этом трагизм освободительной борьбы всего русского крестьянства, всего русского народа.

Нет в реальности, но в идее?

Много, очень много симптоматических фактов подтверждает нам то, что не только современное «поспольство» южной Руси, но и крестьянство северной, равнин Сибири, гор Кавказа готово слиться в едином клике:

– Волим под Царя Восточного, Православного! Да будем едины вовек!

Момент этого крика и станет разрешением всех религиозных, национальных, государственных и социальных бедствий современной Руси-России. Да и не только ее одной.

Сходные симптомы характеризуют сходные же процессы.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 24 июля 1954 г.,
№ 236, с. 4–5.*

---

⁸ Г. М. Маленков – председатель Совета министров СССР в 1953–1955 гг.

Учреждение Русского Патриархата

Идея учреждения патриаршего престола на Руси зародилась в мышлении передовых русских людей еще во времена княжения Ивана III. Москва – незначительный удел в среде других уделов раздробленной этой системой Руси ушла в далекое прошлое, она стала первопрестольным градом оформлявшего себя Великороссийского государства и великий князь московский Иоанн III в дипломатической переписке с некоторыми иностранными державами уже именовал себя не великим князем, но царем и самодержцем, т. е. властителем, равным по значению византийским кесарям и германо-римским императорам, также носившим титул цезаря.

Религиозные устремления, побуждавшие к полному обособлению Русской Церкви и возведению ее на ступень, равную другим православным восточным Церквям, сливались в этом случае с государственно-политическими интересами. Во-первых, учреждение Московского Патриархата открывало Русской Церкви возможности совершенно свободного развития: во-вторых, оно давало ей, а вместе с нею и всей юго-восточной Руси, включавшей в себя к тому времени полностью всю великороссийскую ветвь русского народа, бесспорное моральное преимущество над Русью юго-западной, литовской, подчиненной иноверцу, польскому королю, подвластным которому, в свою очередь, являлся митрополит киевский и, в-третьих, укрепляло авторитет великого князя московского, как носителя и хранителя общерусского вероисповедания, как его главный и бесспорный оплот. Москва – Третий Рим, единственное в то время независимое православное государство – не мог не иметь своего, ни от кого не зависимого религиозного возглавления.

Дальнейшие события, как международные, так и внутрирусские, укрепляли и развивали эту идею. Константинополь был взят турками, и Византийская Империя прекратила свое существование. Константинопольский патриарх стал подданным неверного мусульманина, турецкого султана. Флорентийская уния, которая была принята значительной частью византийских иерархов, вселяла в религиозное сознание московских людей недоверие по отношению к Греческой Церкви и, наконец, принятие Иоанном IV царского титула, возводившее и всю Московскую Русь на ступень уже не княжества, но царства, т. е. первоклассной исторической державы, все это вместе требовало скорейшего разрешения вопроса об учреждении патриархата на Руси.

Но дело подвигалось медленно. Первые попытки к согласованию вопроса о русском Патриархате с восточными патриархами не давали сколь-либо значительных результатов, пока за дело не взялись одновременно проникнутый глубоким благочестием и религиозным духом смиреннейший из царей Феодор Иоаннович, с одной стороны, и фактический правитель царства, выдающийся государственный деятель и дипломат боярин Борис Федорович Годунов – с другой.

К этому времени возглавляемая митрополитом московским Русская Православная Церковь была фактически уже самостоятельна и сознавала это, что характерно подтверждает такой эпизод. В 1586 г. антиохийский патриарх Иоаким приехал за милостыней в Москву, где митрополитом был в то время Дионисий. Когда патриарх вошел в Успенский собор, то митрополит вышел ему навстречу и *первым*, вопреки чину, благословил его, после чего и сам принял благословение от греческого патриарха. Иоаким пытался протестовать против этого нарушения чина, но принужден был умолкнуть. Именно во время этого пребывания антиохийского патриарха в Москве вопрос об учреждении русского патриаршества был поставлен решительно.

«По воле Божией, в наказание наше, восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатию Божией

во многорасширение приходит, и поэтому я хочу, если Богу угодно, и писания Божественные не запрещают, устроить в Москве превысший престол патриарший», – сказал царь Феодор Иоаннович совместно боярской Думе и Освященному Собору. В этой речи смиренного и немногоречивого царя явно чувствуется государственная мысль и властность Бориса Годунова. Патриарху антиохийскому Иоакиму вместе с богатой милостыней было официально поручено поставить это предложение русского царя на обсуждение собора Греческой Церкви. Но дело продолжало тянуться. Восточные патриархи явно не хотели утверждать равного себе на Руси. Они обещали дать ответ через патриарха иерусалимского, но этого ответа в Москву не приходило.

Летом 1589 г. в Смоленске неожиданно появился старший из восточных патриархов Иеремий византийский в сопровождении митрополита мальвазийского и архиепископа эллассонского. Москва о его приезде заранее не была извещена и поэтому отнеслась к нему с предельной осторожностью: смоленский воевода получил выговор за то, что безвестно для царя впустил иноземного патриарха на русскую территорию. Одновременно ему, а вместе с тем и епископу смоленскому было предписано изолировать патриарха, в особенности от сношения его со всеми иноземцами, допуская его лишь в церковь при оказании ему должного почета. Те же меры предосторожности были применены к византийскому патриарху и в Москве, где его также поместили с большим почетом в доме рязанского владыки, но изолированного даже от приехавших с ним вместе греческих купцов. Царь принял его так, как принимал иностранных послов, без оказания особых почестей, после чего Годунов повел с ним длительные переговоры, большая часть которых осталась тайной. В результате этих переговоров было достигнуто согласие старшего из восточных патриархов на утверждение патриархата в Москве, но грек все же потребовал, чтобы всероссийский патриарший престол был предоставлен ему самому. Годунов, а под его влиянием и царь, приняли это требование, но с условием, чтобы патриарший престол находился во Владимире, а не в самой Москве, следовательно грек-патриарх отстранялся бы от фактического руководства Русскою Церковью, которую возглавлял тогда высокочтимый всею Русью митрополит Иов и также от возможности влиять на государственные дела. Греческий патриарх понял этот дипломатический маневр Годунова и продолжал настаивать на своем требовании. Тогда с необычайной, казалось бы, для него решимостью ему ответил сам царь Феодор Иоаннович в своей речи к боярам и Освященному Собору:

«Патриарх Иеремия вселенский на Владимирском и всея Руси патриаршестве быть не хочет; а если бы мы позволили ему быть в своем государстве на Москве, на патриаршестве, где теперь отец наш и богомолец Иов митрополит, то он согласен. Но это дело недостаточное: как нам такого сопредстольника великих чудотворцев и достохвального жития мужа, святого и преподобного нашего отца и богомольца Иова митрополита от Пречистой Богородицы и великих чудотворцев изгнать, а сделать греческого закона патриарха».

«Вследствие подозрительности, ясные следы которой видны повсюду, иметь патриархом иностранца, грека, должно было казаться крайне неудобным», пишет по этому поводу С. М. Соловьев.

Переговоры тянулись еще полгода, и лишь в 1589 г. был учрежден в Москве патриарший престол и первым всея Руси патриархом избран был митрополит Иов. Вместе с ним владыки новгородский, казанский и крутицкий были возведены в митрополиты, а еще шесть епископов русских – в архиепископы, после чего богато одаренный патриарх Иеремия был отпущен обратно в Константинополь с грамотою к султану Мураду и поручением достигнуть согласия на учреждение патриаршего престола в Москве от других восточных патриархов. Это последнее поручение выполнить ему было, очевидно, нелегко, т. к. лишь только через два года митрополит терновский привез в Москву грамоту с их согласием, а одновременно и просьбу к Годунову о присылке шести тысяч золотых. Речь об этом даре велась, оче-

видно, еще в Москве, потому что точно указанная константинопольским патриархом сумма, очень значительная по тому времени, была ему тотчас же отправлена в венгерской и португальской монете, – русской золотой валюты тогда еще не существовало. Кроме того, как сообщает один из лучших исследователей вопроса об учреждении патриаршества на Руси Зернин, патриарху было послано от царя сорок сороков соболей, тридцать сороков кунниц, десятеры цки¹ горностаинные, пятнадцать пудов рыбьего (моржового) зуба и множество ценной церковной утвари. Патриарх Иов и Борис Годунов также отправили ему ценные дары, а торговому представителю Руси в Царьграде было предписано выдать патриарху еще соболей, кунных и других мехов, а также и шестьсот венгерских золотых.

Религиозная и одновременно государственно-политическая цель, поставленная перед собой окрепшей национально-великороссийской Русью, была достигнута, о чем Годунов поспешил тотчас же известить юго-западную литовскую Русь в специальном наказе послам в Литву Салтыкову и Татищеву. Но и восточные патриархи применили все силы, чтобы отстоять свой приоритет над Москвою. Патриарху всея Руси было предоставлено лишь пятое последнее место, после Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского патриархов.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 16 мая 1957 г.,
№ 382, с. 5.*

«Профсоюзы» Московской Руси

– ...Так, нынешние Тверские-Ямские населяли тогда почтари и ямщики, Большие и Малые Каменщики – штукатуры, печники и каменщики, Хамовники...

– Хамы, – подсказываю я.

– Ширяев, уходите из класса! Вы не достойны называть себя москвичом и учиться в Московской гимназии, – вскипает Сергей Константинович.

Мы, гимназисты, наградили его тогда кличкой «Суслик», но внешне он совсем не походил на этого зверька, Значение этого прозвания было иное. Как только тема урока, хотя бы очень отдаленно касалась Московской, до-Петровской Руси, а тем более самой Москвы, Сергей Константинович

Цка (устар.) – мех.

впадал в какой то транс: он зажмурил глаза и медленно, сам упиваясь звуком, цедил, смаковал, именно «суслил», древние, пахнущие ладаном и кипарисом эпитеты, названия, уже забытые, но яркие и красочные термины того языка, которому Пушкин учился у московских просвирен.

Сам он учитель истории, Сергей Константинович Богоявленский⁹ происходил из древней семьи московских священников, династии, восходившей к временам Грозного, чем очень гордился.

– Не многие из современной знати превосходят древностью и чистотой «породы» нас, коренное московское духовенство. Род священников Зверевых, например, к самому Калите восходит, – говорил он нам, но, увы, мы не понимали и не разделяли его московской гордости. Москву он любил безмерно и изумительно знал ее...

По окончании гимназии я позабыл о «Суслике». Позабыл и его рассказы о нашей общей родине – Белокаменной Москве. Их вытеснил из моей памяти тяжелый балласт сведений о развитии английских тредюнионов, философии Гегеля и Ницше, «Великой» французской революции и прочем, обильно внедрявшемся в наши, уже студенческие тогда головы...

Но недавно, здесь, на берегу Тирренского моря¹⁰, «Суслик» снова заговорил со мною. Ко мне, случайно, через Югославию, попала пачка русских книг, выпущенных в Москве в 1946—49 г. г., по случаю празднования ее 800-летия. Автором некоторых из них значился член-корреспондент Академии Наук СССР С. К. Богоявленский. «Суслик».

И снова зазвучали древние, полноценные и полновесные слова. И снова «засуслились» его рассказы, отцеживая добротную гущу подлинной правды от жидкой сыворотки залившей ее лжи. *Теперь* я понял их и поделюсь одним из них с читателями. Речь будет идти, говоря нашим несклепистым, корявым нерусским языком, об организации демократических профсоюзов в до-Петровской Руси при активном содействии Великих Князей и Царей Московских. Невероятно, но факт. Что же поделаешь...

* * *

Упорным, кряжистым мужиком-скопидомом был Великий Князь Иван Данилович. Деляну за деляной, кусок за куском приращивал он к своей Московской вотчине земли прогоревших княжат, платя за них из своей «калиты», кожаной поясной сумы. Но не только земли прикапливал он. Еще жаднее копил Калита «животы» – людскую, человечью казну

⁹ Сергей Константинович Богоявленский (1871–1947) – русский историк, археолог, москвед. Ученик В. О. Ключевского, член-корреспондент Академии наук СССР.

¹⁰ Автор писал эту статью в лагере для «перемещенных лиц» в г. Пагани, близ Неаполя.

– работного, «дельного» труженика, хребтового строителя нарождавшегося Царства, грядущего «Третьего Рима». Для приобретения этой «казны», он не жалел золотой, что скупое стерег в своих кованых рундуках. Всякого звания люди были ему нужны: и пахарь со своим «оралом», и кузнец, ковавший «орало»; и латник для «бережения» тогда еще деревянных стен Кремля, и искусный каменного дела «художник», чтобы воздвигнуть вместо них нерушимую твердыню и храмы во Славу Господню; и «кадаш» – бондарь, и «розмисл» – инженер, и «хамовник» – ткач: все были ему надобны для «государского дела» и для них он не жался, «тряс» – тратил золотые «ефимки» и серебряные «теньги» из своей калиты-мошны. То одиночками, то целыми ватагами переманивал он на Москва-реку, Яузу и Клязьму нужных людей и из Твери, и из Рязани и из гордого богатого Господина Великого Новгорода и даже из далекой Литвы, тысячами скупал у татар полоняников и всех селил в своей Москве и вокруг нее.

Своих новых московских людей Князь сажал на землю не как-нибудь, где было свободное место, но расселял их, зорко вглядываясь своими острыми глазами в еще туманное будущее столицы молодого Царства. В плотно облежавшем ее бору места хватало, и широкими стрелками просек раскидывал Князь слободы новоселов, подбирая их «по дельному ряду» – профессиональному признаку, как говорим мы теперь. Так, вдоль главной дороги на торговый Запад, к Твери и Новгороду, потянулась Ямская слобода, а на другой стороне Москвы, на лугах, за Крымским Бродом, куда при гоняли продажные табуны ногаи и подходили караваны восточных купцов, там сели на землю «ордынцы» – выкупленные полоняники, знакомые с языком и обычаями своих бывших господ; рядом с ними, с Ордынками, разместилась Толмачевка – поселок переводчиков; а в буераках за Неглинкой выделили место драчам, на полянах, близ Пресенских Прудов доставили свои избы переманенные из Новгорода и Твери ткачи – хамовники. Таковы были первые ремесленные слободы Москвы, о которых упомянуто еще в завещании Ивана Калиты.

«Слобода была растительною клеточкой Москвы», писал ее историк Забелин.

Дети и внуки первого Московского Великого Князя следовали его мудрой политике привлечения лучших работников в свой центр и их профессиональной организации на его территории. Ей же следовал Московский митрополит, монастыри и крупнейшие феодалы. Москва заселялась и разрасталась, подчиняясь этой постепенно выработанной в деталях системе, о чем до сих пор рассказывают еще живущие в народной памяти имена Московских улиц и переулков: Каменщики, Кожевники, Хамовники, Ямские, Рогожские, Лубянки, Ордынки...

* * *

– Ты – Калита! (Мошна с деньгами). Ты у Бога в раю хочешь себе место закупить! – кричал Князю юродивый, публицист того времени.

И внешняя и внутренняя политика формировавшейся Московской монархии, в противоположность своему республиканцу-соседу Великому Новгороду, была основана не на порабощении и насилии, но на привлечении и вовлечении в орбиту общих государственных и личных интересов – «закупе». Деньги – их было мало тогда в ходу – играли в этом второстепенную роль, первая же – принадлежала гарантии развития собственных творческих возможностей привлекаемых, защите их имущества и предоставления им личной свободы. Да, свободы, от чего и пошло название этих производственных ячеек – слободы.

Кремлевские и монастырские архивы сохранили для нас множество «жалованных грамот» слободам, что в переводе на наш язык значит: коллективных договоров слобод-профсоюзов с центральной властью.

Эти грамоты, прежде всего, утверждали за слободчанами полную свободу демократического самоуправления. Верховным органом его был общий сход всех «тяглецов» – налогоплательщиков. На нем избирались слободской староста и его помощники: сотские, десятские, целовальники (целовавшие крест в поруку своей честности), ведавшие экономически-финансовую жизнь слободы, «окладчики» – фининспекторы, разверстывавшие налоги и повинности, – вся слободская администрация, даже дьяк-канцелярист. Правительством назначало контролера взаимных расчетов и полицейского порядка – «объезжего голову», не имевшего голоса в «братской избе» – слободском совете.

Кроме того, государство предоставляло слободам различных форм привилегии, порой даже монополии. Так, например, Хамовная (текстильная) слобода имела право на беспопынную торговлю с Персией, что фактически делало ее монополисткой продажи шелка. Эти экономические выгоды профессиональных слободских коллективов подтверждаются тем, что, несмотря на явную заинтересованность государства в их росте, вступление новых членов ими строго контролировалось: требовались «поручные записи» (рекомендации) и каждый вступающий принимался лишь общим собранием.

Государство требовало взамен выполнения натурповинности – «государева дела» и общих гражданских обязанностей – «тягла», не вмешиваясь во внутреннюю жизнь слободы. Выборный староста был посредником между обеими сторонами и отвечал перед ними своим личным имуществом.

Так слагалась в течение трех веков подлинная демократия Московской монархии, ибо примеру Москвы следовали и другие города.

* * *

Что же давало народу развитие этих демократических форм в гармоничном сочетании с монархической властью, что получал от него «тяглец» – налогоплательщик?

Ответ на этот вопрос дают нам сохранившиеся полноценные сведения о другой текстильной слободе Москвы – Кадашевской, работавшей «по тяглу» на «белую казну» Царицы, т. е. изготавливавшей из казенного сырья все виды льняных тканей для огромного дворцового хозяйства.

«В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще продающихся по сходной цене, что ей не приходится завидовать никакой другой стране в мире», – писал Цесарский (Имперский) посол Мейерберг в 1661–1662 гг., т. е. меньше, чем через полвека после полного разгрома Москвы польскими интервентами. Это поразившее европейца изобилие и высококачественность товаров было создано в столь короткий срок свободным трудом ремесленников-слободжан, работавших под охраной молодой монархии первых Романовых.

Возвращаемся к принятому нами примеру – Кадашевской слободе. Извлекало ли ведавшее ею дворцовое ведомство какие либо торговые выгоды из труда слободжан, «добавочную стоимость» их продукции?

Нет. Даже враг династии, эмигрант того времени, Котошихин, в изданной им в Стокгольме книге, свидетельствует, что «доходов (от слободы) нет никаких, а идут полотна, и скатерти, и убрusy, на царский обиход». Только на потребность дворца из выданного им же сырья, – это все «тягло». Не более. А слобода огромна: ею демократически управляют 2 старосты, 4 целовальника, 16 сотских и в канцелярии работают 6 дьяков-бухгалтеров. Все они – выборные.

От дворца назначена только вдова-боярыня Татьяна Шилова, по-видимому, большой «спец» своего дела, как узнаем дальше. Управления она не касается, а следит за расходом казенного сырья и качеством продукции.

А качество Кадашевских товаров очень высоко. Кроме девяти сортов полотна, убрисов и ширинок, Кадаши изготавливают какие-то «посольские скатерти», самое имя которых говорит за себя. О количестве же выпуска продукции повествует тот факт, что Петр, упразднив ведомство Московских дворцов и переведя Кадашевское производство на изготовление грубой парусины, смог не только оснастить ею весь свой флот, но и экспортировать излишки... в Англию!

Дворцовое «тягло» было *единственным* налогом на производство

Кадашей, вся же остальная их продукция шла на рынок «безданнобеспощинно». Позавидовали бы Кадашанам современные промышленники «тяглецы» США, если бы знали о них.

Более того, государство оказывало своим «тяглецам» и непосредственную финансовую помощь. Когда развитие техники потребовало перенесение станков из тесных изб в просторные помещения, Приказ Царицы отпустил 5.000 рублей (огромная по тому времени сумма) на постройку «Хамовного двора». Этот двор, возведенный в 1658–1661 гг., под непосредственным наблюдением той же Татьяны Шиловой (на сметах стоят ее подписи), был не только обширен, но даже «роскошен». На постройку его потребовалось 800.000 кирпичей, 2.600 бочек извести, 5.000 штук «аршинного камня»; внешняя стена двухэтажного здания тянулась на 157 сажень, а в главном помещении стояло 90 станков и 5 печей, четыре белые, а пятая «киевская мурмленая», т. е. из цветных изразцов.

Каков же был материальный уровень этих «оброчников купленных»? «Закупил» их Великий Князь Иван Третий около 1500 г., а через 170 лет, пережив страшный разгром начала века, когда Кадаши были сожжены дотла, в 1677 г. из 413 дворов этой слободы 140 были «переписаны в Гостинную и Суконную сотни», т. е. в первый разряд купечества, а в 1682 – 50 дворов из их числа были еще повышены в «гостей», т. е. миллионеров того времени. Воздвигнутый ими в Кадашах храм Вознесения цел до сих пор и свидетельствует своими размерами и украшениями о богатстве его строителей – «тяглецов» Царства Московского.

* * *

Таков один из примеров, одна из деталей широкого, всеохватывающего процесса развития русской национальной демократии под скипетром Царей-Самодержцев. Этот живой органический процесс был прерван вторжением западных форм в начале XVIII в., и в дальнейшем память о нем была вытравлена из народного сознания «прогрессивною» ложью всех видов. Немного было «сусликов» среди тех, кто воспитывал «февральское поколение». Результаты налицо.

Спорить о прошлом не стоит. Но мыслить о будущем нужно. Неужели же «на основе завоеваний Февраля» идти снова к «февральскому» провалу и позору, разрухе, нищете и рабству?

Или поищем других путей, от других исходных точек?

«Наша страна»,

Буэнос-Айрес, 15 декабря 1951 г.

№ 100, с. 7.

Замолчанный историей

Не будет большою редкостью встретить интеллигентного русского человека, окончившего среднее и даже высшее учебное заведение до революции, т. е. тогда, когда во всех классах гимназии преподавалась отечественная история, который, услышав имя царя Феодора III Алексеевича, недоуменно поднимет брови и лишь потом, прикинув что-то в уме, скажет:

– Ах, да, это сын царя Алексея Михайловича, наследовавший ему перед Петром... Болезненный и даже слабоумный... Не оставивший по себе никакого следа... Пустое место на страницах истории...

Этот интеллигент будет в известной степени прав. Короткому царствованию Феодора Алексеевича составители утвержденных для средней школы дореволюционных учебников уделяли действительно лишь несколько незначительных строк, которые создавали у учащихся впечатление об этом царствовании, как о каком-то прорыве в Российской истории, о пустом месте в ней.

Но так ли это было на самом деле?

Наследовавшему престол от своего рано умершего отца царю Феодору Алексеевичу было суждено принять Российское государство в очень трудный его период.

Внешняя политика России была осложнена далеко еще не решенной борьбою за освобождение южной и юго-западной Руси от длившейся уже почти три века польско-литовской интервенции; общее военное положение ко дню кончины царя Алексея Михайловича складывалось для России далеко не благоприятно: в Польше в это время установился некоторый твердый государственный порядок взамен феодального хаоса, разрывавшего ее при короле Иоанне-Казимире; многочисленные конференции русских и польских дипломатов безуспешно искали решения вопроса и бывали принуждены пользоваться компромиссами временных перемирий; кроме того, в борьбу вступила новая мощная сила в лице привлеченной Польшей Оттоманской Империи и эта сила действовала против России; сама южная Русь пребывала в состоянии полного политического хаоса, то распадаясь на сферы влияния отдельных гетманов, то временно объединяясь, под давлением со стороны какой-либо из борющихся сил; военная же активность самого Русского царства была заторможена его внутренними противоречиями, главнейшими из которых были: достигший кульминации своего напряжения раскол в русской Церкви и тесно связанная с ним борьба боярских партий в самом Кремле.

Эта обычная для русской боярской аристократии борьба была осложнена также и чисто династическими интимными отношениями в составе самой лишившейся своего главы царской семьи. Шесть царевен, сестер Феодора Алексеевича, рожденных от брака с Милославской, ожесточенно ненавидели свою мачеху, Наталью Кирилловну Нарышкину, мать царевича Петра, на стороне которой находился личный друг и руководитель московской политики последних лет царствования Алексея Михайловича боярин Артамон Сергеевич Матвеев, против которого стояла мощная партия старого боярства, потомков удельных княжат, имевшая в своих рядах влиятельные роды Милославских, Долгоруких, Куракиных, Стрешневых и других.

Столь сложная ситуация как во внешних политических отношениях государства, так и внутри его правящего слоя не могла быть, конечно, разрешена и ликвидирована принявшим скипетр одиннадцатилетним мальчиком¹¹, к тому же действительно не обладавшим крепким здоровьем, больным каким-то неизлечимым недугом ног (по всей вероятности водянкой), но

---

¹¹ Феодор Алексеевич вступил на престол в 15 лет.

вместе с тем далеко не слабоумным и слабохарактерным, каким его старались представить наши либеральные историки.

Рассмотрим лишь дошедшие до нас сухие и скупо изложенные акты этого царствования, а предварительно и самую личность царя Феодора. Назвать его слабоумным – полная нелепость. Он получил очень хорошее по тому времени образование и воспитание под руководством учившегося как в Киевской академии, так и в западно-европейских коллегиях Симеона Полоцкого, знавшего несколько древних и новых языков, публициста, писателя и даже не очень-то талантливый, но добросовестный поэт, вложивший свой камень в фундамент русского стихосложения. По точным сведениям, сам царь Феодор знал польский язык и латынь, возможно, что имел некоторые знания французского языка, которым владела его старшая сестра София. Сохранился также составленный в его царствование проект первого русского высшего учебного заведения, осуществлению чего помешали внутренние неурядицы, но следует отметить то, что в программе этого высшего учебного заведения стояли не только обязательные по тому времени духовные дисциплины, но и точные науки: математика, физика и другие, следовательно, о какой-то «враждебности» московской монархии к достижениям западноевропейской техники говорить в этом случае не приходится.

Скудную по дошедшим до нас сведениям характеристику этого юноши-монарха необходимо дополнить также его несомненным большим внутренним тактом, т. к., несмотря на молодость, ему к концу его недолгого царствования все же удалось привести к некоторому примирению политические страсти в боярстве и духовные в среде церковных иерархов: сосланный в начале царствования Матвеев был возвращен, а гонения на группу приверженцев низложенного патриарха Никона и на самого его были ослаблены.

Рассматривая внутривластные акты этого царствования, следует, прежде всего, отметить начатое всеобщее государственное размежевание и тесно связанное с ним урегулирование податной системы. Целый ряд местных налогов был упразднен; упразднены были и винные откупа, а вместе с ними и внутренние таможенные сборы. Эти реформы были проведены в созвучии с развитием местного самоуправления. Торговля вином была передана выборным населением целовальникам и «верным головам» из среды торгово-промышленного сословия. Одновременно с мероприятиями финансово-экономического порядка были проведены и реформы судопроизводства. Уголовные дела, разбиравшиеся до того времени в нескольких разобщенных между собою приказах, были сосредоточены в одном лишь Разбойном приказе. Были начаты дополнения к Уложению, и был составлен ряд новых, соответствовавших требованиям времени его статей. Для облегчения и упорядочения церковной администрации был утвержден совместно с Собором ряд новых епископий: в Севске, Холмогорах, Устюге, Енисейске и других отдаленных от Московского центра областях.

В январе 1682 г. уже вышедшим из отроческого возраста царем Феодором был созван чрезвычайно интересный по своей организации Собор военно-служилых людей всякого звания, т. е. не только занимавших высшие командные должности, но и низовых, «территориальных», как мы сказали бы теперь, офицеров. На обсуждение этого Собора был поставлен целый ряд вопросов «устройства и управления ратного дела» и в самом указе о созыве такого Собора значилось, что его члены должны будут обратить особое внимание на «новые в ратных делах вымыслы», т. е. разработать новую, отвечающую требованиям века, систему организации армии и рассмотреть ряд связанных с нею военно-технических вопросов. Идея, осуществленная в царствование Петра I, была не только предвосхищена его старшим единокровным братом, но к осуществлению ее были им привлечены широкие круги военных специалистов всех рангов, что тоже заслуживает очень большого внимания. Этот Собор военных специалистов не только рассмотрел и дал свои заключения по предложенным ему военно-техническим вопросам, но вышел даже далеко за рамки чисто военного дела, решительно поставив вопрос об уничтожении реакционного по тому времени феодального пере-

житка – местничества, тормозившего, а временами даже полностью парализовавшего, как прогрессивную деятельность Московских монархов, так и выдвижение новых жизненных сил общества. Вопрос этот был поставлен настолько решительно, что консервативная труппа родовитого боярства, грудью стоявшая за эту охранявшую их и ограничивавшую самодержавную власть аристократическую конституцию, была побеждена. Разрядные книги, писаная феодально-аристократическая конституция, были полностью уничтожены. Это важнейшее государственное мероприятие открыло путь к управлению царством новым людям, новым силам, укрепив одновременно власть монарха и ограничив дальнейшее развитие государственной жизни от шедших с Запада (из Польши) феодальных тенденций, приверженцами которых были консервативные круги русской боярской аристократии.

Таков, вкратце, след, оставленный в русской истории общепризнанным «пустым местом» – немногими годами царствования болезненного юноши царя Феодора II Алексеевича. Перечисленных здесь прогрессивных мероприятий, пожалуй, более чем достаточно для заполнения этого «пустого места». Но вместе с тем историк должен быть далеким от стремления сусально идеализировать личность этого царя-отрока, приписывать ей те качества, которых у нее не могло быть. Безусловно, нельзя предполагать, а тем более утверждать сильную волю у неопытного, болезненного юноши, умершего до наступления его совершеннолетия¹², а принявшего державную власть еще ребенком. Историк может предположить в нем ясный ум и глубокий внутренний такт – свойства, унаследованные им от отца и усиленные хорошим воспитанием, может утверждать его личную доброту и гуманность, выраженную в отношении к павшим Матвееву, патриарху Никону, а также и в упразднении некоторых особо жестоких форм казней и судопроизводства, но не может приписать ему ведущего значения в государственной жизни времени его царствования. Действовавшие в нем прогрессивные факторы следует искать в ином, в установившемся к этому времени твердом самодержавно-монархическом порядке и прогрессивной направленности этого порядка.

Выражаясь прямолинейно, упрощенно, а возможно даже грубо, можно сказать: по кончине царя Алексея Михайловича утвержденный им самодержавный государственный порядок продолжал действовать даже без непосредственного участия в нем самой физической личности самодержца. Эту физическую личность успешно заменял ее символ, воплощенный в лице болезненного мальчика государственный принцип. А поскольку этот принцип отвечал духу и требованиям того времени, сама одухотворенная им человеческая личность Венценосца успешно выполняла функции своего царственного служения нации.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 28 марта 1957 г
№ 375, с. 4.*

---

¹² Феодор Алексеевич скончался в возрасте 21 года.

Отравление анекдотом

Тщательно и углубленно изучать историю своего народа, своей нации, своего государства утомительно и многим из нас, даже большинству, скучно. Но почти каждый из тех, кто причисляется к кадрам русской интеллигенции, считает себя обязанным знать историю или хотя бы о ней «свое суждение иметь», блеснуть при случае знанием малоизвестного факта, в особенности, если этот факт занимателен для его собеседников. На почве этого невежества, с одной стороны, и обывательского тщеславия – с другой, вырос и широко распространился в среде нашего либерального общества исторический анекдот, в большинстве случаев направленный к осмеянию «высших мира сего», или, во всяком случае, к умалению их исторического значения.

Проверенным быть такой анекдот, конечно, не мог. Выдававший его за подлинный факт рассказчик тотчас же возражал недоверчивым скептикам:

– Да что вы мне говорите! Конечно, подобные сведения не могли быть опубликованы при драконовских условиях царской цензуры. Но вместе с тем мне этот факт известен из самых достоверных источников.

Аноним этих «достоверных источников» разоблачению, конечно, не подлежал.

Такие анекдоты, в особенности пикантного содержания, передавались из поколения в поколение, напластывались друг на друга, росли, как катящийся с горы смежный ком, и в результате именно они формировали исторические представления тех слоев, которые теперь принято называть средней интеллигенцией, а в недавнем еще прошлом именовали интеллигенцией либерально-прогрессивной.

Пикантные анекдоты о царствовавших императорах, членах Императорской фамилии и близко к ним стоявших лицах пользовались особым успехом в этой среде. Ведь каждому тупорылому мещанину, пополнявшему в основном ряды этой самой прогрессивной интеллигенции, было лестно увидеть в образах лиц, стоящих неизмеримо выше его, те же низкие черты, которые он порой ощущал в самом себе и своем окружении. Но большинство подобного рода анекдотов было основано на примитивной и даже неумело, кустарно составленной лжи, которую при исторической проверке было бы легко установить. Приведем несколько примеров.

Кто не сдыхал анекдотического рассказа о том, что на самом деле повышено нервный Император Павел I, будучи однажды недовольным экзерцициями какого-то полка Петербургского гарнизона, скомандовал:

– Церемониальным маршем в Сибирь!

И, подчиненный строгой дисциплине полк, якобы, тотчас же двинулся по указанной ему дороге, проследовал по ней какое-то расстояние и был остановлен лишь приказом вступившего на Российский престол после переворота Александра I.

Этот анекдот даже и теперь считается многими точным историческим фактом, на основе которого создалось убеждение в психической ненормальности несчастнейшего из Российских монархов.

Между тем этот «исторический факт» полностью лжив, что доказано лучшим знатком той эпохи историком Шильдером¹³. Этот подлинный, глубокий труженик исторической науки тщательно проштудировал истории всех гвардейских и армейских полков, входивших в состав Петербургского гарнизона того времени, изучил сохранившиеся в архивах приказы и *никаких указаний* на подобный факт не нашел. А между тем марш полка на какую-либо

---

¹³ Николай Карлович Шильдер (1842–1902) – русский военный деятель, историк, автор, в т. ч. монографии «Император Павел Первый» (СПб., 1901).

новую стоянку, тем более по приказу самого Императора, не мог не быть отмеченным в этих документах. Тем не менее, порочащая Венценосца анекдотическая легенда жила и живет до сих пор.

Еще пример того же порядка. Многие из старших поколений наших современников слышали рассказ о том, что артиллерийская бригада, в которой во всей Крымской кампании служил граф Лев Николаевич Толстой, на возвратном из Крыма пути должна была быть представленной Великому Князю Михаилу Павловичу, брату только что скончавшегося Императора Николая I и дяде вошедшего на престол Александра II. О вспыльчивости и «солдафонстве» Великого Князя Михаила Павловича создано много анекдотов. Так и здесь. На смотре бригады Великий Князь якобы заметил болтавшуюся на оборванной нитке пуговицу мундира какого-то ефрейтора. Он с гневом оборвал ее, потом рванул еще несколько пуговиц с солдатских мундиров и наскочил на поручика графа Толстого.

Но не растерявшийся поручик Толстой, якобы, вздыбил своего коня, сказав:

– Извините, я щекотлив, Ваше Императорское Высочество.

После чего, побледневший от гнева, но морально побежденный Великий Князь, якобы молча отъехал от Толстого, и тотчас же по окончании парада отдал приказ об его отставке. Весь этот рассказ, нередко передававшийся «со слов очевидца», *глупейшая, безграмотная и наглая ложь*, опровергнуть которую мог бы каждый, хотя бы элементарно знакомый с отечественной историей и биографией великого писателя Земли Русской. Прежде всего Великий Князь Михаил Павлович *не мог* инспектировать возвращавшуюся из Севастополя артиллерийскую бригаду потому, что скончался за семь лет *до того*. Не мог и граф Л. Толстой возвращаться вместе со своей бригадой, т. к. был до того, в виде особой милости к нему, отправлен курьером в Петербург, где и подал сам прошение об отставке, вызванное не какой-либо неудачей по службе, но исключительно стремлением всецело отдаться литературе, первые шаги на поприще которой были им уже с огромным успехом совершены.

Таковы образцы ходких либеральных анекдотов, опровергнуть которые было бы чрезвычайно легко каждому, называвшему себя интеллигентным человеком. Но были случаи и посложнее.

Выражение «Потемкинская деревня» широко распространено и теперь. Смысл его объяснить не стоит, он общеизвестен, а в основу его положен действительный факт установки великолепным князем Тавриды декораций на пути следования Императрицы Екатерины в Крым. Да, такого рода декорации, создававшие иллюзию красивых деревень, разряженных толп поселян, многочисленных стад скота и других признаков растущего благополучия еще недавно дикого, безлюдного края, существовали. Они создавались специальными мастерами-художниками и постепенно продвигались по пути следования Императрицы. Но были ли это сознательный обман со стороны правителя края князя Потемкина? Для разрешения этого вопроса нужен более глубокий исторический экскурс. Придется вспомнить, что в пышном восемнадцатом веке создание подобного рода декораций было обычаем, выполнение которого требовало эстетический климат, мода того века. Не только безгранично широкий во всей своей натуре светлейший князь, но даже мелкие, полунищие немецкие князьки и герцоги, богатые дворяне и даже среднего достатка обыватели того века на своих празднествах создавали нечто подобное, доступное их средствам. Мода эта сохранилась даже в годы революции: парижская чернь ставила такие же декорации в дни своих революционных празднеств. Подобные «пастурели» во вкусе Ватто и Греза, построенные несколько капитальнее, не на один день, а на более длительный период, сохранились и до сих пор. Не мог не подчиниться этой моде, конечно, и Потемкин, тем более, что поездка Великой Императрицы в Крым была по существу грандиозным триумфальным пикником Северной Семирамиды, гостями на котором были австрийский (Священной Римской Империи) император и польский король, не считая многих высокопоставленных лиц Западной Европы. Императрица

Екатерина, несомненно, ни на минуту не обманывалась при взгляде на эти декорации, но смотрела на них, как на необходимый для международного престижа России грандиозный, феерический спектакль.

Подобных анекдотов и расшифровок заключенной в них лжи можно было бы привести множество. Но дело не в самих анекдотах, а в людях, распространяющих их и в наше время, верящих этим наивно-нелепым вымыслам и формирующим на их основе свои исторические суждения. Как было бы правильнее назвать этот распространенный тип? Тупорылым мешанином, в которого столь ожесточенно метала свои стрелы вся наша литература? Невеждой? Пошляком? Или может быть проще – дураком-всезнайкой?

Увы, ни одним из этих действительных имен его и теперь не называют даже в зарубежье, но именуют чином действительного, чистопробного русского прогрессивного интеллигента!

*«Знамя России»,
Нью-Йорк, 31 октября 1956 г.,
№ 147, с. 8–10.*

Богатырь русской мысли (150 лет со дня рождения А. С. Хомякова)

В царствование императрицы Елизаветы жил в Тульской провинции богатый помещик Кирилл Иванович Хомяков. Он был бездетным вдовцом. Жил скромно, богобоязненно и одиноко; под старость скопил крупное состояние. Своими большими имениями он управлял разумно и патриархально, будучи действительно отцом и наставником подвластным ему крестьянам, которых любил, как собственных детей. Подлинно глубоко русским, почвенным был он человеком. Почувствовав приближение смерти, Кирилл Иванович собрал своих крестьян на мирской сход и предложил им самим выбрать себе помещика, а ему – наследника, поставив лишь одно условие, чтобы этот наследник принадлежал к древнему роду Хомяковых. Крестьяне послали ходоков по всем указанным им многочисленным родичам Кирилла Ивановича, и, когда те вернулись, снова собрался мирской сход, на котором новым помещиком был избран дальний родственник старого барина, молодой, небогатый гвардии сержант Федор Степанович Хомяков. Старик пригласил его к себе и, узнав поближе, удостоверившись в его моральных качествах, завещал ему все имение, а сам вскоре почил в родовом склепе, в селе Богучарове.

Могучая сила традиции проявляет себя не только в исторической, государственной и общественной жизни, но и в частной, семейной. Традиция патриархальности, соборности, гармонии в творчестве и труде, основанной на взаимном уважении и любви, стала ведущей в семье Хомяковых, и внук гвардии сержанта Федора Степановича – Алексей Степанович Хомяков, родившийся 1-го мая 1804 г., был предназначен Господом к оформлению и выражению этой традиции – *соборности* в русском религиозном, государственном и общественном мышлении.

Алексей Степанович Хомяков был одной из тех исключительных натур, которые не были редкостью на русской почве, но о которых мы знаем, к сожалению, слишком мало. В его интеллекте и в его психике сочетались, казалось бы, несовместимые качества. Получив блестящее образование, он стал одновременно богословом-философом, первым, установившим ошибки системы Гегеля, историческим философом, также первым, применившим к анализу прошлого России не западноевропейский, а чисто русский и только русский метод исследования; он был математиком и механиком, изобретшим премированную в Англии сеялку и дальнобойное ружье, был даже врачом-гомеопатом, успешно излечивавшим страшную холеру... И одновременно с этим, Алексей Степанович был также блестящим и храбрым офицером Конной Гвардии, заслужившим награды в турецкой войне, был светским человеком, пользовавшимся большим успехом в салонах столиц и гостиных гремевшего тогда Английского Клуба, образцовым семьянином, дельным, разумным хозяином своих обширных имений, специалистом по винокурению и сахароварению, страстным охотником, знатоком борзых собак и много раз бравшим призы стрелком из ружья. Трудно представить теперь нам, современным узкоспециализированным людям, как могло все это совмещаться в одном человеке, как хватало у него времени для накопления всей этой огромной суммы разнообразных знаний, чему, конечно, помогла исключительная память А. С. Хомякова, позволявшая ему декламировать полностью целые поэмы Байрона и пьесы Шекспира по-английски, приводить в своих сочинениях цитаты других авторов без справочников, оперировать в своих исторических исследованиях с огромным количеством разнообразных фактов.

...Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Земля Российская родять!

– утверждал рожденный на Российской почве столь же мощный и разнообразный в своем творчестве М. В. Ломоносов.

А. С. Хомяков был центральной фигурой славянофильского течения первой половины XIX в., противопоставлявшего рабскому поклонению перед Западом развитие подлинно-национальной русской мысли. Исходной точкой для направленности мышления славянофилов было русское прошлое во всех областях и ответвлениях национально-народной, государственной и религиозной жизни. Славянофилы видели обособленность России от трафарета развития европейских народов и искали причин этому в народном русском православию. Они утверждали, что семя истины Слова Христова, попав в девственную, нетронутую культурой русскую душу при крещении Руси, создало на русской почве, в русской среде наиболее чистое понимание и осуществление христианства, что было невозможно ни на Западе, ни в Византии, где христианство было воспринято уже растленными душами, подавленными предшествовавшими наслоениями эллинизма и языческой Римской государственности. Отсюда рационализм и теократическая государственность католицизма, отсюда же практическая ограниченность лютеранства, отсюда же сухой, отвлеченный догматизм и схоластика византийцев.

«Византия понимала просветительное влияние христианства, но не осуществляла его общественного значения», писал А. С. Хомяков, «но Церковь не доктрина, не система и не учреждение, Церковь есть живой организм, организм Истины и Любви». На этой, явно осязаемой им в русской душе, творческой любви строил Хомяков свое учение о *соборности*, которую он клал в основу религиозной государственной и общественной жизни русского народа. Именно народа, прежде народа а потом уже государства. Государственность строил Хомяков на фундаменте русской общественности, а общественность укреплял на незыблемой основе религии. Православную Церковь он считал стержнем, укрепившим все строительство государства Российского. Но саму православную Церковь он определял не как организацию духовенства, а как общинное *соборное* религиозное мышление и чувство иерархов-учителей и мирян-прихожан. Ведь и сам он был мирянином и вместе с тем крупнейшим, подлинно русским православным мыслителем-богословом.

На том же принципе соборности строил он и русскую государственность. «Все настоящее имеет свои корни в старине», – утверждал он, и яркое подтверждение своего учения о значении соборности в государственной жизни видел в избрании народом на царство Михаила Романова, в добровольной передаче ему этим народом всей полноты самодержавной власти. Эту власть Хомяков характеризовал, как долг, как тяготу, как подвиг служения, но не как господство, как принуждение, порабощение подвластных. Русское самодержавие он противопоставлял западно-европейскому абсолютизму, стремившемуся к утверждению власти именно ради господства, а не ради служения... «Когда после многих крушений и бедствий, – писал он, – русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем (таково высокое происхождение Императорской власти в России!), народ вручил своему избраннику всю власть, какую облечен был сам во всех ее видах». Об этом подлинно, истинно демократическом происхождении русского самодержавия А. С. Хомяков говорит с гордостью.

Возглавленные Белинским и Герценом противники славянофилов при жизни Хомякова, «западники», слепые поклонники образцов европейской государственности и рабские подражатели европейским методам общественного мышления объявили А. С. Хомякова и его ближайших единомышленников братьев Киреевских, Ю. Самарина, Аксаковых реакционерами, мракобесами и т. д., не имея к тому решительно никаких оснований.

Именно Хомяков был автором оказавшего большое влияние на реформу проекта освобождения крестьян с землей, в то время как поклонники западных теорий, в лице близких

по времени к славянофилам декабристов проектировали освобождение крестьян без земли. Хомяков же указывал в своих сочинениях на необходимость дарования России гражданских свобод и в особенности свободы печати.

Религиозную свободу он доводил до предела, признавая необходимостью для каждого православного личное осознание, искательство пути к раскрытию истины веры. Этот путь он видел в соборности, в единении взаимной любви верующих, но не в принуждении к признанию догмы.

«Церковь знает братство, но не знает подданства, – писал он, – недостижимая для отдельного мышления истина доступна совокупности мышлений, связанных любовью... В делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть».

Он же видел и смело говорил о вредоносности для государственно-народной жизни гипертрофии бюрократии, ставящей преграду между царем и народом, что безусловно имело место в царствование Императора Николая I, и с чем сам этот великий монарх решительно, но безуспешно боролся. Безмерно любя и ценя прошлое России, А. С. Хомяков ни в какой мере не закрывал глаз на темные места русской истории, на мрачные стороны русской жизни, как в прошлом, так и в современном ему. Наоборот, он смело говорил об этих тяжелых моментах и требовал покаяния всего народа в своем замечательном стихотворении «России»:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей головой!

Но видя эти темные стороны русской жизни и предугадывая грядущую Господню кару, А. С. Хомяков не переставал верить в творческую силу русского народа, в историческую жизненность государства Российского, укрепленного на основах Правды Божией. В сохранении и доведении до сознания человечества этой Правды Господней Хомяков прозревал историческую миссию России, о которой он говорил в другом, столь же замечательном стихотворении: «Раскаявшаяся Россия»:

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

«Дай жизни мир» – обращался он к грядущей раскаявшейся России. Не накануне ли этого всемирного мира, установленного уже зримым нам началом покаяния русского народа в совершенных им грехах, живем мы теперь?

*«Знамя России»,
Нью-Йорк, июль 1954 г.,
№ 110, с. 7–9.*

Славянофилы и мы (150 лет со дня рождения А. С. Хомякова)

Посетивший меня в прошлом году английский профессор, преподаватель русской литературы г. Лидса, действительно стремящийся к пониманию России и ее народа, прослушав мое изложение основных тезисов народной монархии, спросил:

– Следовательно, вы являетесь продолжателями славянофилов, но какому же течению славянофильства причисляете вы себя? Кого из них вы считаете своим предтечей, своим основоположником?

– Мы не считаем себя продолжателями славянофилов, – ответил я, – и ищем своих предтеч не в среде литературно-исторических авторитетов, но в развитии самой русской, российской народной хозяйственности, в почве, породившей ее, и с этой точки зрения некоторые взгляды славянофилов близки и родственны нам, т. к. они тоже были русскими почвенниками своего времени, первыми выразителями русского национального сознания. Но нам чужд романтизм братьев Киреевских. «Мы не романтики, мы реалисты» – говорит основоположник нашего движения Иван Лукьянович Солоневич. Нам чужд и аристократический эстетизм К. Леонтьева, потому что мы оперируем с голыми фактами, как положительными, так и отрицательными по отношению к жизни нашего народа, и не стремимся приукрашивать их. Чужда нам и космическая политика Тютчева, – считая религию стержнем духа народа, мы все же строго разграничиваем духовный мир от мира материального, религиозный идеал от повседневного земного бытия. Далеко от нас и панславизм Аксаковых и их кружка. Мы полагаем, что Россия, ее народ, проливший свою кровь в десяти войнах за освобождение славянских братьев, выполнил эту свою историческую задачу и этот свой моральный долг по отношению к ним. Война 1914–1917 гг. завершила этот подвиг русского народа. К моменту начала русской революции не только православные болгары, сербы и черногорцы были уже освобождены, но сокрушив Австрию, мы освободили также иноверных чехов, словенцев, кроатов и словом последнего Императора гарантировали свободу и единство Польше. Наша совесть чиста, а «сольются ли славянские ручьи в русском море» мы оставляем на решении самих этих ручьев, их государственности.

Но нам близко определение национально-русского культурного типа, данное Данилевским в его труде «Россия и Европа». Это уже не славянофильство, а более широкое понимание исторического процесса. Еще ближе нам А. С. Хомяков с его учением о национально-русской, народной православной Церкви, с его пониманием органичности нации, оценкой силы и значения традиции в ее жизни, с утверждением духа народного, как основной творческой силы, с его формулировкой самодержавия не как абсолюта власти, но как тяготы служения власти народу, власти ограниченной религиозно-этическими императивами, а не обманчивой и произвольной бухгалтерией четыреххвостки. Мы столь же почвенные, как он, столь же свобододобивы в христианской, а не в торгашеской трактовке понятия свободы.

Многие, очень многие концепции нашего основоположника И. Л. Солоневича уходят корнями к мышлению А. С. Хомякова и являются уточненными определениями его широкого и разностороннего учения о Церкви, о государстве, об обществе, о нации, т. е. о той почве, на которой он строил свой историко-философский анализ русского прошлого, ибо именно он был, безусловно, основоположником чисто русского взгляда на свое русское прошлое, требовавшим того пересмотра истории нации, который осуществил И. Л. Солоневич в своем труде «Народная Монархия».

Мы не славянофилы в буквальном, догматическом смысле, но мы продолжатели в нашей современности утвержденной ими впервые в исторической науке русской национальной традиции.

Учение А. С. Хомякова – первое проявление осознания себя русской национальной интеллигенцией, впервые высказанный ею отказ от подчинения культурной агрессии Запада, критическое, а не рабское отношение к нему.

В те годы полного преклонения русской общественной мысли перед философией Гегеля только А. С. Хомяков осмелился свободно проанализировать его систему и установить ее главную ошибку: «Корень общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целостность духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушаешь мир», писал Хомяков, а отношение к учению Гегеля И. Л. Солоневича всем нам хорошо известно по его статьям. Созвучие обоих этих величин в данном случае ясно.

Итак, А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич кладут в основу исторического процесса дух народа, душу национального организма, а интеллект, рассудок считают лишь частью этого целого. Функции этого рассудка выполняет группа интеллигенции, но эта интеллигенция выражает народное мышление лишь тогда, когда сама тесно слита с духом народным, а не оторвана от него и не подчинена внешним чуждым влияниям, как это произошло у нас в девятнадцатом веке и не изжито еще до сих пор. Снова созвучие в одном из главных наших тезисов, т. к. выявление и организацию национально-русской монархической интеллигенции И. Л. Солоневич считает главнейшей задачей нашего Движения.

Но интеллигенция нации – лишь выразитель, оформляющий народное мышление, а носитель, создатель этого мышления, по учению Хомякова, русский «хлебопашец» или, как говорим мы теперь, крестьянин, тот самый «мужик», в котором И. Л. Солоневич видит главного строителя государства Российского в прошлом, настоящем и будущем, основную динамическую созидательную силу исторического процесса.

Отсюда необходимость пересмотра всего нашего прошлого, всей нашей научной историографии. «Из-под вольного неба, от жизни на Божьем мире, среди волнения братьев-людей книжники гордо ушли в душное одиночество своих библиотек, окружая себя видениями собственного самолюбия и заграждая доступ великим урокам сущности и правды», – говорит А. С. Хомяков. А не то же ли самое иными, более понятными в нашей современности словами повторяет И. Л. Солоневич и осуществляет пересмотром нашего прошлого в своем историко-философском труде? Этот пересмотр он ведет в «Народной Монархии» «от жизни», а не от схоластики и формализма надуманных, нереальных «исторических законов» и «исторических систем», созданных применительно к историческому процессу «вообще», а не к данному его варианту, к истории русского народа и русского государства, обоснованных его национальным духом. Произведя эту переоценку, А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич, оба приходят к признанию религии первоосновой в истории народов и к утверждению их духа, как творческого начала. Оба они исповедуют народную русскую веру, народное русское православие. «Церковь не доктрина, не система и не учреждение», – пишет Хомяков, – «Церковь есть живой организм, организм истины и любви». «Мы понимаем под православием, конечно, не иерархов московских или антиохийских, а религиозные воззрения русского народа», – продолжает его мысль И. Л. Солоневич. «В богословии Хомякова выразился религиозный опыт русского народа», – вынужден признать даже Н. Бердяев.

От веры народной – к духу народному, выраженному всей многогранностью жизни нации, ее общественным строем, ее государственностью, ее культурой, ее бытом и т. д. Этот дух и создает национальную традицию, видоизменяющуюся во времени по форме, но не по содержанию, не по направленности в будущее и не по связи своей с прошлым. Исторический процесс для Хомякова не что иное, как постепенное развитие организма народа-нации. «Все

настоящее имеет свои корни в старине», – пишет он. Прообраз грядущей народно-монархической России, ее государственного и общественного устройства И. Л. Солоневич видит также в ее прошлом, в гармонии народного мнения и самодержавия при Алексее Михайловиче. Народ-нация по учению их обоих представляет собой гигантский, но единый организм, отдельные части которого (слои, классы, сословия) выполняют различные жизненные функции, поддерживая и укрепляя одна другую, но не борясь между собой, как утверждают марксисты и их прихвостни – рационалисты, позитивисты, российские «прогрессисты» и пр. Этот организм возглавлен монархом, самодержавным царем, принявшим власть от народа, как тяготу, как долг служения, но не как утверждение своего абсолютного господства. Хомяков и Солоневич строго и четко отделяют западный абсолютизм от русского самодержавия и в этих определениях сходятся во взгляде на переворот, произведенный Петром I. Разница лишь в том, что И. Л. Солоневич считает этот переворот насилием над народной душой, которое могло бы быть избегнуто, а Хомяков полагает переворот Петра I неизбежным, хотя и бедственным для нации. Другие славянофилы относятся к реформам Петра более определенно и более близки к утверждениям И. Л. Солоневича.

По учению А. С. Хомякова власть – обязанность, долг, тягота, подвиг, а не привилегия, не господство, не порабощение подвластных. Он ясно видит чисто народное происхождение русского самодержавия и гордится его подлинным демократизмом. «Когда после многих крушений и бедствий, – говорит Хомяков, – русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем (таково высокое происхождение Императорской власти в России), народ вручил своему избраннику всю власть, какую облечен был сам, во всех ее видах. В силу этого избрания, государь стал главою народа». Народность, избранничество русского самодержавия Хомяков противопоставляет западному феодально-империалистическому пониманию власти, как результата победы в борьбе, порабощения, подчинения себе противника.

Основной дефект современной ему русской государственности (эпохи Николая I) он усматривает в гипертрофии бюрократии, поставившей преграду между царем и народом, в том, что мы теперь называем, средостением. И в этом случае его мысли идентичны положениям Ивана Лукьяновича и полемические удары их обоих направлены в одну и ту же сторону.

Таковы созвучия славянофильского и нашего мышления. Но есть и разногласия, а с тем же Хомяковым даже очень значительные, прежде всего в его взгляде на крестьянскую общину. А. С. Хомяков – ярый ее сторонник и поборник. В своем проекте освобождения крестьян с землей, сыгравшем крупную роль при проведении закона 19-го февраля 1861 г., он категорически настаивает на общинном землевладении.

Эта ошибка А. С. Хомякова вызвана смешением им религиозных представлений с требованиями экономики. Чисто религиозный тезис соборности, духовного единства совокупно верующих и любящих перенесен им в материальную плоскость землевладения и агрикультуры. А. С. Хомяков был человеком своего века и романтизм, как протест против рационального мышления предыдущего XVIII века был ему далеко не чужд. Романтически патриархально подошел он и к освобождению крестьянства и к связанным с ним экономическим проблемам. Романтически безмятежно представлял он себе и будущее России. Он не допускал возможности революции в русской среде, идеализируя эту среду и считая все виды и все формы революции безусловно отрицательным явлением, историческими преступлениями. Такова была русская почва тогда, и ошибки Хомякова вполне понятны. Но теперь эта почва столь густо полита народной кровью, что цветы романтизма не могут уже произрастать на ней, и сколь они ни привлекательны, мы все же им чужды и, следовательно, не можем стать прямыми продолжателями славянофилов, хотя и мы, как и они, всецело базируемся на русско-русской почве, только на ней.

Идеализация крестьянской общины славянофилами принесла России не только экономический вред. Их концепции послужили также отправной точкой для идеологии «народников», образовавших в дальнейшем партию социалистов-революционеров, царубийц-террористов, сумевших пользуясь демагогическими лозунгами, завоевать симпатии значительной части русского крестьянства и тем расчистить путь к утверждению колхозного рабства. Вот к чему приводят порой романтические бредни и отрыв кабинетных теорий от реальных фактов, о чем не раз предостерегал и друзей и врагов И. Л. Солоневич.

Созвучия в учении этих двух мыслителей, двух смежных веков породили сходность их жизненных судеб, отношений к ним современников. И А. С. Хомяков и И. Л. Солоневич при жизни подвергались ожесточенным нападкам и «справа» и «слева». Несмотря на то, что в основу своего исторического мышления Хомяков клал лозунги, провозглашенные государственной властью: православие, самодержавие и народность, он все же казался опасным средостению в силу именно своей веры в русский народ, в его исторический разум, в его государственный инстинкт, что было сочтено вольномыслием. Еще большим репрессиям подвергнулся он, как первый мирянин-богослов, со стороны синодальной Церкви. Несмотря на полную верность православию в своем учении о Церкви, несмотря на пламенность его полемической защиты православия против католиков и лютеран, А. С. Хомяков не смог выпустить своих богословских сочинений в России, и принужден был напечатать их в Париже на французском языке даже при одобрении их, высказанном открыто Императором Николаем I. Эти его труды были значительно позже переведены на русский язык его последователями Ю. Самариным и Гиляровым, но вместе с тем они оказали огромное влияние на все дальнейшее развитие русской православной мысли, вызвав живые отклики в творчестве Достоевского, Лескова, Тютчева и в религиозной философии русского православия. Таковы были нападки на Хомякова «справа», а «слева» он был ошельмован клеймами реакционера, мракобеса, на которые не скупилась его «прогрессивные» современники-западники. Но силу его слова, его таланта, его пламенность и искреннюю веру признавали даже они, что засвидетельствовано их главой Герценом в «Былом и думах». Не такова ли судьба Ивана Лукьяновича?

Но были ли славянофилы вообще и А. С. Хомяков в частности реакционны применительно к своей эпохе? Ни в какой мере, можем смело утверждать мы теперь. А. С. Хомяков был автором одного из наиболее либеральных проектов освобождения крестьян с землей. Он был также сторонником дарования России того времени всех гражданских свобод, какими обладала современная ему Англия. Английскому общественному строю он явно симпатизировал, находя созвучие себе в торизме. В русской православной Церкви он не только видел полное раскрепощение духа, но требовал сочетания в ней религиозной мысли учителей-иерархов с мнением мирян, свободного исследования и уразумения истин слова Христа, гармонии творческой любви, обобщая все это в понятии соборности. Не к тому ли стремимся теперь и мы, следуя пути, указанному И. Л. Солоневичем?

Таковы в основном точки нашей близости к славянофильству и наших отличий от них. Истоки этих различий лежат во времени, в разнице их эпохи от нашей. Корни общности глубоко уходят и тесно сплетаются в одной и той же выросившей и их и нас почве. Эта почва – Россия, ее историческая государственность, ее своеобразная, неповторимая, немислимая на Западе и не подлежащая его измерениям общественность. Но славянофилы при всей их подлинной, глубокой связи с русской почвой были все же просвещенными барями, лучшими из дворян своей блестящей эпохи, мы же – сермяжные ратники, напористые мужики, тягло нашего проклятого безвременья.

*«Наша страна»,
Буэнос-Айрес, 19 июня 1954 г.,*

№ 231, с. 1–2.

Исторический рикошет (К 50-летию заключения Портсмутского мира)

История даже на столь незначительном ее отрезке, как время, приходящееся на жизнь одного поколения, все же кое-чему учит, и 50 лет, протекшие со дня заключения Портсмутского мира, ярко осветили перед нашими глазами международно-политические проблемы, вырисовывавшиеся тогда лишь в расплывчатых, туманных формах.

Что представляет собою теперь Дальний Восток? Ответ прост – пороховой погреб, ежеминутно угрожающий миру ужасающим взрывом третьей всеобщей войны. На каких пунктах Тихоокеанского побережья Азии находятся главные, наиболее опасные детонаторы, могущие вызвать этот взрыв? В данный момент внимание руководителей мировой политики как будто бы приковано к Индокитаю, но широкие по своему кругозору стратеги продолжают считать наиболее опасным и, вместе с тем, наиболее важным в военном отношении районом Восточной Азии Корею, ее северную часть, прилегающую к реке Ялу, Манчжурию, как базу этого стратегического плацдарма, и Квантуй (Порт-Артур), как его опорный морской стационар.

– Корея... Ялу... Порт-Артур...

Да ведь это «заголовки» именно тех проблем Тихоокеанского комплекса, которые были поставлены 50 лет тому назад.

Исторические факты протекшего с того времени периода исчерпывающе доказывают миру, что в начале нашего века Императорская Россия, и только она, охраняла независимость Корейского государства и тем самым поддерживала действие главного регулятора мира на Дальнем Востоке. Портсмутское соглашение, снизившее удельный вес России на Дальнем Востоке, автоматически отдало Корею во власть японской экспансии и тем самым выдвинуло Японию в первый ряд сил, борющихся за преобладание в Тихом океане, т. е. создало прямую угрозу Северо-Американским Соединенным Штатам, много способствовавшим тогда заключению Портсмутского мира. Президент Рузвельт № 1 заваривал кашу, которую пришлось расхлебывать президенту Рузвельту № 2. Нападение японцев без объявления войны на русский Императорский флот в гавани Порт-Артура было ни чем иным, как репетицией Перл-Харбора. Суровая справедливость истории заставляет платить по неосмотрительно выданным векселям.

Целый ряд опубликованных за истекшие 50 лет документов, записок дипломатов и общественных деятелей дает нам теперь полную возможность утверждать, что Япония того времени никогда бы не рискнула напасть на Императорскую Россию, если бы не заручилась политическими и финансовыми гарантиями со стороны демократий Англии и Соединенных Штатов. Во Второй мировой войне Англия поплатилась за выдачу этих гарантий позорной, хотя и временной, потерей Сингапура и уже не временной, но безусловной утратой своего политического авторитета в Тихом и Индийском океанах. Теперь перед ней встает снова угроза уже не кратковременной потери не только Сингапура, но и Гонконга и полной ликвидации ее колоссальной торговли в Китае. Соединенным Штатам пришлось уже вырыть для своих сынов сотни тысяч могил на Окинаве, в Корее, а теперь заготавливать и еще десятки тысяч на Формозе¹⁴, Пескадорских островах и вполне возможно, на территории той самой Японии, которой тогда Соединенные Штаты помогали в ее агрессии, направленной на охранявшийся Россией Азиатский материк.

---

¹⁴ Устар. название о. Тайвань.

Охранявшийся? Вероятно, саркастически спросят скептики и последыши «прогрессистов», много способствовавших в свое время русским неудачам в войне 1904–1905 гг.

Пусть ответят им точные факты. Порт-Артур был арендован Россией в 1898 г. Было ли занятие его агрессией? Безусловно нет, можем сказать мы теперь. Занятие Порт-Аргура было лишь неизбежным и исторически необходимым ответом России на захват Англией Вей-Ха-Вей, Францией – Гуаня и Германией – Киао-Чао, т. е. созданием противовеса агрессорам, рвавшим на части бессильный в то время Китай.

Этому предшествовало присоединение к России в 1853 г. острова Сахалина, фактически никому в то время не принадлежавшего, слабо населенного не имевшими собственного государственного устройства туземцами, что ни в какой мере нельзя назвать агрессией. Айчунский и Пекинский договоры России с Китаем, результатом которых было присоединение левого берега Амура, Уссурийского края и Приморской области, были вполне дружественными соглашениями, что подтверждает вдохновитель этих актов и устроитель края Н. Н. Муравьев-Амурский в письме к канцлеру князю А. М. Горчакову: «Дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего», пишет он. В то же время Япония вела явно агрессивную политику по отношению к Китаю, захватив вооруженной силой Формозу в 1895 г., ту самую Формозу, которую теперь США вынуждены защищать, как стратегический плацдарм обороны своей территории.

Революция 1917 г., поддержанная в первом ее периоде западными демократиями и США, нанесла смертельный удар устойчивости мира на Дальнем Востоке. Императорская Россия, защищавшая в течение предшествовавших 70 лет суверенитет Китая и Кореи, полностью утратила свои позиции, и регулятор мира тем самым был приведен к бездействию. Результаты сказались тотчас же. Япония превратила Корею в свою колонию и начала решительное наступление на Китай, что, в свою очередь, ударило по интересам США и Англии, поддерживавшим до того Японию в ее борьбе с Россией.

Исторический рикошет свершился на наших глазах, но он еще не закончен и Соединенным Штатам придется в самом недалеком будущем выдержать еще один отраженный удар того же порядка со стороны коммунистического Китая, набравшегося сил, также вследствие поддержки его теми же США в первые годы по окончании Второй мировой войны.

Исторические рикошеты, очевидно, являются одним из непознанных нами до сих пор законов истории. Их действия выявляются особенно ярко в переживаемый нами период. И пример рикошета на Дальнем Востоке – явление не одиночное. Поддержка западными демократиями, и в особенности США, кремлевских бандитов дала рикошетное отражение в последовавшие за войной годы. Но это до сих пор еще не осознано руководителями мировой политики, продолжающими укреплять красный Кремль уступками и компромиссами, что, несомненно, может лишь усилить ответный удар по ним самим, но ни в какой мере не ослабить и тем более не ликвидировать его. На этот раз каша была заварена президентом Рузвельтом № 2, а кто будет в качестве третьего номера расхлебывать эту кашу, еще неизвестно; Эйзенхауэр, судя по его действиям, к этому не склонен.

В каком именно пункте земного шара скрыт главный узел достигших необычайного напряжения международных отношений, определить в настоящее время невозможно. Но обзор, как западного, так и восточного театров пока холодной войны, но ежесекундно угрожающей превратиться в горячую, безоговорочно подтверждает, что с утратой Императорской России международный оркестр утратил и капельмейстера симфонии мира. Возврат к нарушенной гармонии международных отношений на всем земном шаре возможен только при возрождении того, против чего тайно и явно боролись демократические силы западного мира – Самодержавной Российской Империи.

*Нью-Йорк, 17 апреля 1955 г.,
№ 124, с. 8–9.*

Царь и рабочие

Одним из значительных актов царствования Императора Николая II был закон 1897 г., нормировавший взаимоотношения рабочих и работодателей. Наша «прогрессивная» историография замолчала эту реформу, а между тем она говорит о многом, т. к. именно ею было начато трагически закончившееся царствование. Этим законом рабочий день был ограничен в пределах рабочего законодательства большинства европейских государств того времени. Запрещалась работа в воскресенье и еще в 17 праздничных дней в году. Количество сверхурочных работ ограничивалось 120-ю часами в год, причем эти работы могли вестись только по взаимному соглашению, но не по принуждению. Все эти мероприятия подлежали контролю фабричной инспекции. Этим законом труд русского рабочего был введен в нормы западных государств, что было достигнуто без борьбы, но исключительно по воле Венценосца.

Император Николай II видел царящую в мире несправедливость, чутко реагировал на нужды рабочих и последовательно смело шел к ним на помощь. В 1903 г. был издан второй закон, обязывавший работодателей оплачивать все несчастные случаи на производстве, по чьей бы вине они ни произошли. Компенсации на лечение определялись в одну треть заработка рабочего, а в случае потери им трудоспособности, определялась пожизненная пенсия в две трети его заработка. При гибели рабочего на производстве жена и дети, как и законные, так и незаконные имели право требовать пенсии. Пенсия незаконнорожденным была утверждена только в России. Нигде в мире ее им не выплачивали. Кроме того, на предпринимателя налагался в этих случаях штраф. В 1912 г. последовал новый закон, обязывавший предпринимателя к бесплатной медицинской помощи на производстве. Вводилась помощь семье рабочего, на крупных предприятиях создавались больничные фонды. Был предусмотрен платный отпуск по беременности в две недели до родов и четыре недели после, т. е. вдвое выше советского. Самым главным пунктом этого закона было введение круговой поруки предпринимателей за выплату пенсий и пособий. Таким образом, при банкротстве какого-либо предприятия пенсии его рабочим выплачивались бесперебойно.

В результате этих мероприятий к 1913 г. русский рабочий работал 270 дней в году, в среднем около двух с половиной тысяч часов, в то время как советский рабочий работает 295 дней в году, при расчете на восьмичасовой рабочий день – 2380 часов (только на полтора часа меньше), но ведь мы знаем, что такое советские трудовые нормы. К этому следует добавить, что штрафы за прогулы, опоздания и т. д. запрещались.

Государь Николай II не был одиноким в своих заботах о рабочих в Династии русских царей.

Его Державный Отец рядом законоположений также запретил труд детей в ночное время и праздничные дни, ограничил труд подростков и женщин, создал фабричную инспекцию и потребовал обязательной отчетности работодателя по правильности выплаты им заработной платы. Он же ограничил штрафы одной третью заработка и поставил их под контроль фабричных инспекторов.

Углубляясь в прошлое российского рабочего законодательства, мы наталкиваемся на поистине изумляющие нас факты. Так, например, императрица Екатерина II ограничила фабричный рабочий день десятью часами, т. е. на сто лет опередила этим законом рабочее законодательство передовых демократических стран – Англии и Америки. Дальнейший экскурс в глубь истории приведет нас к тому невероятному факту, что первый в мире закон по ограничению рабочего дня на производстве был издан в 1741 г., т. е. был первым в мире законодательным актом этого рода. Несомненно, что при децентрализованности администрации

того времени эти законы XVIII в. не осуществлялись в глухих углах Империи, но благая воля монарха выступает в них ярко и полноценно.

Какой же вывод можем сделать мы из этого исторического экскурса? Только один: монархия, по крайней мере русская, не служила орудием угнетения рабочих и приписываемое ей нашими революционерами и «прогрессистами» роль лжива от начала до конца.

[Н. Удовенко]

«Наша страна», Буэнос-Айрес, 13 июня 1953 г.,

№ 178, с. 8.

Люди земли Русской

Русский «колонизатор»

В тридцатых годах, в бытность мою разъездным корреспондентом газеты «Правда Востока», мне удалось встретить в одном из маленьких городков на Средней Сыр-Дарье труппу курчакбозов, по всей вероятности, последнюю. Курчакбозы – это актеры, режиссеры, драматурги и одновременно владельцы бродячего кукольного театра, корни профессии которых уходят в глубокую древность народов Средней Азии. Главный несменяемый герой этого театра Аман-Пальван (в переводе на русский язык – Горе-богатырь) приходится, вероятно, отцом итальянскому Пульчинелле, турецкому Карагезу, немецкому Иоганну Вурсту и... нашему, памятного еще старикам, забористому, веселому Петрушке. Да и сам театр курчакбозов развивался теми же путями, как и его западные родичи, включая в свои «классические» пьесы новых злободневных персонажей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.